

Норбеков
Мирзакарим Санакулович

**Рыжий ослик или Превращения: книга о новой жизни, которую
никогда не поздно начать**

Дорогой читатель!

На Востоке существует язык тайнописи. С давних времён его применяют для написания сказок и притч, в каждой из которых даются конкретные рекомендации, упражнения, инструкции по самопознанию и самосовершенствованию.

Почему существует язык тайнописи?

С одной стороны, чтобы каждый читатель для себя мог понять и взять на вооружение именно то, к чему он сейчас готов, а с другой стороны, есть знания, которые, попадая в руки людей с примитивным мышлением, могут стать страшным оружием.

В каждой сказке есть скрытые сокровенные знания, спрятанные за многими вуалями. Открывая одну вуаль за другой, человек познаёт глубинный смысл, скрытый за внешней формой.

Я с великим трепетом и уважением отношусь к тем людям, которые умеют писать сказки, которые знают великий тайный язык - это язык детей. К величайшему сожалению, в сравнении с этими писателями я себя чувствую питекантропом.

Зная свою вопиющую недоразвитость, мне пришлось обратиться к сказочнику, Александру Дорофееву, человеку чистому, сохранившему детское восприятие мира, чтобы совместно с ним приготовить для вас эту книгу.

Если бы Господь наградил меня даром знать волшебный язык детей, я бы ни в коем случае не допустил, чтобы кто-то написал эту сказку. Сам написал бы!

Увы, эта награда мне не досталась, но всё равно я безумно рад, что родилась эта книга.

Искренне Ваш, Мирзакарим Норбеков

Превращение первое

Шухлик

Известно, осла узнают по ушам, а дурака по речам. Рыжий ослик Шухлик в основном помалкивал. Только выразительно, как глухонемой пальцами, двигал длинными ушами, напоминая острыми кончиками тапочки.

Хотя, заговори он, все бы поняли, насколько умён и образован этот рыжий ослик. Возможно, самый умный из современных ослов. Он читал и считал, знал историю, математику, астрономию, медицину. Наверное, мог бы стать хорошим учителем в школе. Но ослы, как все настоящие мудрецы, задумчивы и говорят очень редко. Лишь в крайних случаях, когда молчать уже сил нет, невозможно молчать.

Примерно три тысячи лет назад пра-пра-праба-бушка ослика Шухлика везла своего хозяина прорицателя и колдуна Валаама, и вдруг увидела на пути грозного Ангела с обнажённым мечом. Ослица тут же разумно свернула в поле. Однако Валаам, спешивший по колдовским делам, принялся бить и понукать ослицу, стараясь вернуть на дорогу. Он-то не видел Ангела, вообще никаких препятствий.

Дорога сузилась. С одной стороны виноградники, с другой - глинобитная стена. А посередине опять огненный Ангел со сверкающим мечом.

Ослица прижалась к стене, отдавив Валааму ногу. Ну и, конечно, ей досталось по первое число - по шее, по бокам, по спине и меж ушей по лбу. От обиды, как часто бывает, она совсем обессилила и легла на землю. А Валаам, распалившись, колотил её палкой.

И вот тогда ослица не стерпела:

- Что я тебе плохого сделала? - промолвила. - За что терплю?

- Да был бы топор, зарубил бы! - воскликнул Валаам, так и не замечая Ангела. - За твоё тупоголовое упрямство!

- Вспомни, сколько ты путешествовал на мне, - вздохнула ослица. - И подвела ли я тебя хоть раз?

- Да как сказать, - призадумался Валаам, оглядываясь по сторонам.

И тут наконец различил ослепительного, как озеро под утренним солнцем, Ангела. Ужаснулся Валаам и упал наземь, прикрывая лицо. И склонился над ним Ангел небесный, шлёпнул по затылку.

- Путь твой, болван, ложный, - сказал в самое ухо, - и я пришёл остеречь. Но ты, как трижды слепец, не хочешь видеть того, во что не веришь. Если бы не ослица, пронзил бы тебя мечом. Так что будь ей во веки веков благодарен!

Но память у людей короткая. Не помнят добрых дел. И колотят ослов палками, когда те упираются.

Хотя ослы видят и чувствуют то, что человек не замечает.

С тех незапамятных времён все потомки Валаамовой ослицы умеют прекрасно разговаривать. Да только виду не подают. На-учены горьким опытом.

Ещё свежа память о трёх болтливых ослах - всего-то лет триста прошло. Их вызвали тогда в качестве свидетелей. И эти простодушные, честные животные, вместо того чтобы помалкивать, защищали в суде своих хозяек, обвинённых в полётах на метле.

Ослы под присягой рассказали чистую правду: мол, ничего дурного не замечали - никаких бесов и колдовства. А летать на метле при желании каждый способен. Хозяек оправдали. Однако судьи, посоветовавшись, вынесли приговор свидетелям за чрезмерное красноречие. Если простой осёл рассуждает, как учёный адвокат, тут, конечно, не обошлось без нечистой силы! И повесили всех троих бедняг за ноги на кривых деревьях.

- Не подавай виду, что умеешь разговаривать! - наставляла мама рыжего ослика. - Лучше выстукивай копытом сообщения по азбуке Морзе - точка, точка, тире, точка. Или складывай ушами буквы и слова.

К счастью, у Шухлика и не было времени на разговоры. Если он не учился, стоя под окнами ближайшей школы, то прыгал и скакал где придётся. Ругал с приятелями - козлом Така и кошкой Мушкой. Приставал к своей любимой тётке - корове Сигир. Или к двугорбому верблюду - дядьке Бактри. Иногда катал хозяйских детей, взбрыкивая от избытка чувств.

А сам хозяин Дурды сидел, будто глиняный истукан, на пёстром коврикe среди чёрных, как вороны, чайников-кумганов, щурил глаза и всхрапывал, задрёмывая в тени пирамидального тополя. Перед ним лежала рогатка и горка камешков, чтобы распугивать птиц с абрикосовых деревьев. Да он никак не мог выбрать подходящий камешек.

Ослику бывало хотелось поговорить с хозяином. Узнать, что тот пьёт из пиалы, почему потеет, кричит и вытирает блестящую лысину большим, вроде наволочки, платком и вообще, как это возможно сидеть на одном месте столько часов подряд, скрестив ноги и руки. "Наверное, хозяин наказан и мучается, - думал ослик Шухлик. - Рад бы, конечно, попрыгать, да, видно, хозяйка не разрешает. Хотя сама скачет по двору из конца в конец, куда захочет, - стирает, готовит, чистит, убирает. Это так несправедливо!"

И ослик решил растормошить, развеселить хозяина. Подошёл тихонько сбоку и крикнул в самое ухо: "Йо-го-го-йа-йа!"

Ох, что же случилось с хозяином Дурды! Подскочил на месте, как огромная древесная лягушка. Квакнул, крикнул, кукарекнул. Опрокинул все чайники, разбил пиалу. Наконец заполз под коврик и затаился, будто обычная толстая кочка.

Шухлик подумал, что это такая игра - вроде прятков. Разбежался и легонько лягнул эту кочку. И тогда коврик ожил! Но не полетел, как настоящий ковёр-самолёт, а быстро-быстро заскользил по земле к дверям дома. Стукнулся с разгона о порог, да так и замер.

Хозяйка, вернувшись с базара, не могла понять, куда пропал хозяин. Всегда сидел на одном месте, как прикованный, и вдруг исчез!

Она наступила на коврик у порога, снимая обувь, и едва не упала. Коврик хрюкнул, вырвался из-под ног и покатился, сворачиваясь, на бахчу, где притих среди дынь и арбузов. Долго потом хозяйка разворачивала и успокаивала хозяина.

Дурды так и не понял, кто напал на него.

- Кажется, какой-то шайтан, - шепнул он хозяйке. - Чёрт с копытами! - И поглядывал с подозрением на всех копытных во дворе. Особенно на ослика - глаз с него не спускал, следил за каждым шагом, думая, как отомстить.

Мама-ослица неспроста дала своему сынку такое ласковое имя - Шухлик, то есть шаловливый, озорной. Словом, весельчак. "Большая его голова переполнена знаниями, как мешок овсом, - хвалилась она.

В крепком теле столько сил, сколько в ураганном ветре. И лёгкие ноги просятся танцевать".

Тётка Сигир кивала, соглашаясь: "Му-у-му-у!" Да и дядька Бактри, мерно пережёвывая верблюжью колочку, бормотал: "Забавный Шух-лик. Только напрасно хозяина пугает. С хозяином шутки плохи".

А Шухлик радовался целыми днями, что светит Солнце, зеленеет трава или льёт дождь. Что он, Шухлик, просыпается с рассветом и живёт-живёт до вечера, а потом спит рядом с мамой до следующего утра. И вокруг другие живые существа, которые ходят, летают, ползают, стрекочут, жужжат, мычат и поют. И как ясно, отчётливо видно каждую веточку, травинку, жучка или паутинку.

Вот уже выпорхнули ночные красавицы - бабочки - парвоны. Значит, пора закрывать глаза и видеть сны, такие же весёлые, как прошедший день, такие же загадочные, как день будущий. Он понимал, что весь мир создан для него, Шухлика. О, а как он улыбался - так, что уши сходились на затылке и обнимались, как родные братья, а потом подпрыгивали, чуть ли не улетая с головы, будто два рыжих фазана. Он так любил всё и всех, что каждый раз перед сном пел благодарственные песни. "Йа-йа-йа! - кричал изо всех сил, будто дул в золотую трубу. - Йо-йо-йо! Йу-йу-йу!"

Хозяин Дурды вздрагивал на своём коврике, переворачивал пиалу вверх дном и уходил в дом, откуда вскоре долетал, как бесконечный жалобный напев, его храп, напоминавший и мычание тётки Сигир, и рёв дядьки Бактри, и бляение приятеля Така. Впрочем, никто из них не мог разобрать, о чём эта ночная хозяйская песня. Хотя слышались в ней и обида, и даже угроза.

Только кошка Мушука, умевшая проникать в сновидения, намурлыкивала по секрету, что снится хозяину Дурды.

- Поверьте, друзья, как захрапит, так сразу начинает ловить шайтана! И это бы ничего, да тот шайтан очень напоминает нашего ослика, нашего Шухлика.

Чёрная яма

Когда рыжему ослику исполнилось три года, мама-ослица сказала:

- Знаешь ли, дорогой, всякое случается в жизни.

Обещай мне, что ты никогда не будешь унывать, а останешься таким же весёлым и здоровым - что бы ни произошло!

Шухлик и представить не мог, какие такие происшествия способны изменить его характер. Что заставит его не петь песни, не радоваться жизни?

- Я готова за тебя в огонь и в воду, мой Шухлик, - вздохнула мама. - Но ты уже так подрос, такой сильный, что нас могут разлучить.

Шухлик не понимал этого слова. Что такое - разлучить?! "Лучить" звучало приятно, а "раз" - не очень-то.

- Ну, нас разделят, разъединят, и мы пойдём по разным дорогам, - всхлинула мама-ослица.

Нет, это казалось настолько диким и невозможным, как, например, корова Сигир с двумя горбами или верблюды Бактри с рогами!

Ослик Шухлик только попытался вообразить себя отдельно от мамы-ослицы, как сразу будто бы рухнул в огромную, но тесную чёрную яму, где ничего не разглядеть, душно и ноги подкашиваются, а из глаз - слёзы.

Он отчаянно помотал головой и хвостом с кисточкой. "Ну вот, всё хорошо - мама рядом, и никакой чёрной ямы. Так было, так есть и так должно быть всегда!" - решил Шухлик. Но мало ли что решит для себя какой-то ослик, пусть даже очень умный. У каждого ослика есть хозяева. От них зависит судьба любого домашнего осла.

Хозяин Дурды не позабыл пинок копытом и путешествие на бахчу в коврике. Очень хотел дознаться, кто всё это устроил. От дядьки Бактри, от тётки Сигир и от кошки Мушуки ничего не добился.

Тогда взялся за козла Така. Приглашал посидеть рядом на коврике. Расчёсывал ему бороду и угощал халвой.

- Можешь помалкивать, - нащёптывал хозяин Дурды. - Только кивни или моргни, хороший ты мой козлик, как шайтан приблизится.

И вот Така, сам того не желая, заговорённый хозяином, и кивнул, и моргнул, когда мимо проскакал ослик Шухлик.

- Ага! - воскликнул хозяин Дурды. - Я знал! Догадывался! - И сгоряча так пнул козла, что тот улетел в уголок за сараем и долго горько блял. Така не хотел выдавать Шухлика, но как-то само собой получилось. Вообще многое в жизни получается вроде бы само собой, если не чувствуешь и не задумываешься, что хорошо, а что плохо.

Конечно, хозяин Дурды не был каким-то отъявленным злодеем или разбойником с большой дороги. Зато слишком гордым, обидчивым и злопамятным, как многие не очень умные люди.

Накануне Нового года посыпался из низких сизых туч холодный пух. Ослик Шухлик впервые видел снег - в здешних местах он редко выпадает - и скакал по двору из конца в конец, рисуя копытами созвездие Крылатой ослицы, которое более известно под именем Райской птицы.

Оставалось совсем чуть-чуть, ещё парочка звёзд, когда к нему подошёл хозяин Дурды, в новом полосатом халате, держа в руках верёвочную сбрую и красивую, тоже полосатую, попону.

Ослик подумал, что это специальная одежда на снежное время, и охотно подставил спину. Но хозяин сперва опоясал его морду верёвками, а в рот засунул металлический кислый штырь, что было не очень-то приятно. Потом набросил попону и застегнул пуговицу на груди. Шухлик стоял покорно и терпеливо, как школьник на примерке первого костюма. Но мама-ослица, привязанная к дереву, сразу заподозрила неладное.

- Шухлик! - позвала она. - Сынок! Погляди мне в глаза!

Ослик глянул и различил такую слезную тоску и такое холодное, как пурга, смятение, что сердце у него обмерло и ноги сделались ватными, хоть и упирались, скользя по снегу, пока Дурды тащил за уздечку со

двора.

Он слышал, как мама выстукивает копытами: "Прощай, любимый Шухлик! Ты лучший в мире ослик! Не забывай об этом и помни обо мне!"

Шухлик не знал, как они добрались до людного, шумного и пахучего базара. Всё вокруг посерело, побледнело, будто затянутое туманом. Казалось, это страшный, дикий сон, который даже не он, Шухлик, видит, а кто-то рассказывает ему зловещим шёпотом. И от этого рассказа - дрожь и озноб во всём теле.

Хозяин Дурды тянул его вдоль бесконечных базарных рядов - изюмных, луковых, виноградных, рисовых и капустных. Миновали лепёшечный ряд. Яблочный. Гранатовый и ореховый. Вениковый. Индюково-куриный. Добрались до клеточного ряда, где на прилавках стояли большие, как тыквы, клетки, накрытые цветными платками.

Шухлик ничего не замечал. Только видел мамины глаза и погружался в них, как в чёрную бесконечную, будто космос, пропасть.

Хозяин с кем-то говорил, торговался, расхваливая ослика, - какой он шустрый, сильный, умный и весёлый! Чёртик из табакерки! Одно слово - шайтан!

- Никогда бы не отдал, - прицокивал языком. - Да обещал детям подарок на Новый год! Просили велосипед с пятью скоростями!

"Да я же лучше велосипеда! - хотел закричать Шухлик, как когда-то его древняя бабка Валаамова ослица.

- У меня и скоростей больше!" Но железный штырь во рту мешал, и вырвалось ослиное, отчаянное: "Ия-йя-йя!"

- А какой голосистый! - вздрогнул по привычке хозяин Дурды. - Певчий осёл! Другого такого не сыщите! Кроме велосипеда, прошу за него соловья в клетке.

Чьи-то руки ощупывали живот и бока, кто-то разглядывал зубы. Постукивали по копытам, дули в уши и даже крутили хвост.

А ослик, понунив голову, устался на белый снег, который таял так быстро, как этот несчастный день. "Наверное, я очень плохой, - корил себя Шухлик. - Вероятно, я самый дурной осёл! Иначе, зачем хозяину меня продавать?"

- Очень! Очень! - кивал Дурды. - Куда ни глянь, сплошной дармон-сила! Такой силач! Настоящий полвон-богатырь! А какой, смотрите, шкура! Рыжий - рыжий, как утреннее солнце! Это не осёл, а чистый зар - червонное золото! Хочу за него, кроме велосипеда и соловья, ещё два пуда изюма.

В конце концов, когда уже смеркалось, и снег под ногами совсем исчез, смешавшись с чёрной грязью, нашёлся покупатель. Косоватый и маленький, едва повыше Шухлика.

В лисьей шапке с хвостом на боку. Похожий на толстую первобытную обезьяну, которая никогда, ни за что на свете не превратится в человека. Ничего хорошего не ожидалось от этого покупателя с реденькой бородкой и кривой палкой в кулаке. Только Шухлик взглянул на него, как в животе ёкнуло и похолодало, будто ледышку проглотил.

- Вот твой новый хозяин - господин Маймун-Таловчи! - И Дурды лживо, как Иуда, обнял ослика. - Служи ему верой и правдой, а мы по тебе скучать будем. - И звонко хлопнул по спине, так что Шухлик вздрогнул всем телом.

Эти слова со шлепком будто окончательно отрезали, отрубили прежнюю жизнь. Он видел двор, где появился на свет. Грустную маму под пирамидальным тополем Добродушную тётку Сигир и строгого дядьку Кактои меж горбов которого спала, мурлыкая, кошка Мвшука. И весёлого Шухлика, прыгавшего и скакавшего по первому снегу- Неужели ещё утром он был этим осликом? Всё родное и близкое так быстро уплывало, растворяясь в сумерках! Всё дальше и дальше! И уже еле заметно, словно глядишь со дна глубокой черной ямы.

И не то чтобы Шухлик свалился в эту яму. Нет, чёрная яма сама, как ядовитый паук каракурт, заползла внутрь, в самое сердце. И уже усыпила до смерти прежнего Шухлика, превратила в жалкого, дрожащего ослёнка без имени.

Новый хозяин Маймун-Таловчи погонял его палкой, покрикивая.

- Эй, как там тебя? Шире шаг, лентяи! Так и назову - Танб'ал-лодырь. Да у меня не заленишься! Работа с утра до вечера, Танбал! А будешь упрямиться, приготовлю из тебя люля-кебаб.

Рыжий ослик еле переставлял ноги и через шаг спотыкался, не различая сквозь слёзы канавки, камни и кочки.

Тяжёлое имя

Так появилось у рыжего ослика, бывшего озорного Шухлика, новое имя - тяжёлое и мрачное, как день ненастный, - Танбал! Будто сначала по одному уху вlepили - тан! И сразу по другому - бал!

И жизнь сразу началась тяжёлая и ненастная, под стать новому имени.

Когда они вышли с базара, Маймун-Таловчи грубо дёрнул за уздечку, тормозя ослика. А ведь мог бы просто сказать: "Постой-ка, братец, минутку". Но разве дождёшься от такой обезьяны человеческого обращения?

Ослик поднял голову и поглядел с укором. Да напрасны такие взгляды - ничего не проймёт, коли нет ни души, ни совести. Впрочем, может быть, это одно и то же - душа и совесть? Или встречаются бессовестные души?

Так раздумывал рыжий ослик и не сразу заметил, что прямо посреди улицы за стариком в тюбетейке бредёт понуро, косолапо медведь в верёвочном наморднике. Верно, на базар - народ смешить.

Медведь почему-то был серым. Шерсть на боках потёрта. И шел он, покачивая башкой, так покорно, так смиренно, как старый-старый битый осёл. Казалось, медведь уже давным-давно позабыл, кто он такой на самом-то деле, и на всё махнул лапой. Не всё ли равно? Какая разница - может, и правда осёл! Даже собаки лаяли на него вяло, сомневаясь, медведь ли это.

"О, нет! - напугался ослик. - Если забуду о Шухли-ке, если забуду, кто я такой, то непременно пропаду! Имя Танбал меня раздавит - обратит в равнодушное безответное существо, в раба без роду-племени, которому самое место на дне чёрной ямы".

Он так задумался, что Маймун-Таловчи несколько раз пребольно ударил его палкой, понуждая идти.

- Долго они петляли по узким кривым и тёмным улочкам, стиснутым глухими глинобитными стенами, словно по лабиринту, из которого уже никогда не выбраться. Колючая, как дикобраз, тоска овладевала всё же осликом, хоть он и сопротивлялся как мог. Однако сгорбился, поник всем телом и уши повесил, как увядшие листья салата. Его даже пошатывало от стены к стене.

Тоска оказалась могучей и побеждала, превращая его в страдальца и горемыку. Тот, кто не знал Шухлика раньше, сказал бы теперь, что это самый бедный, несчастный и глупый осёл в целом мире.

- И зачем я тебя купил, олуха такого? - ворчал Маймун-Таловчи. - Ты, Танбал, не просто лодырь, а ещё и зловредный тупица! Упрямый лентяй или ленивый упрямец - всё одно. Ну да моя жёнушка выбьет из тебя дурь ослиную - шёлковым будешь, как её шаровары.

Ох! Это имя - Танбал - пригибало к земле! Будто на спину взвалили каменную глыбу, а поверх взгромоздилась какая-то жёнушка в шароварах.

Хозяин отворил крохотную, но толстого дерева дверь в стене и загнал ослика во двор, заставленный клетками, в которых, как показалось, сидели и метались из стороны в сторону рыжие шапки с хвостами, точь-в-точь такие же, как на голове Маймуна-Таловчи, только покуда живые. Резкий незнакомый звериный запах стелился по двору, так что ослик очнулся на время от горьких своих раздумий.

Его тоска была очень сильна, но та, что истекала из этих клеток, - куда сильнее! Безнадёжная и угрюмая, как неизлечимая болезнь. Она тьякала и повизгивала, эта тоска. Она глядела сквозь железные сетки чёрными, напуганными лисьими глазами.

- Вот моё хозяйство! Прибыльное! - ухмыльнулся Маймун-Таловчи. - Кстати, ты, осёл, такой же рыжий, как эти лисы! Будешь плохо работать, Танбал, и с тебя шкуру спущу. Если не на шапку, так на чувяки сгодится.

Из дома вышла тётка - длинная-длинная и худая-прехудая, как плётка. Хозяйка, судя по шёлковым шароварам. И заговорила так пронзительно-резко, будто кнутом стегала, жалила.

- Кто этот ничтожный уродец?! Где ты, слабоумный, его подобрал? На какой свалке? Видно, что не работник. Через месяц околеет!

- Ну что ты, драгоценная Чиён? - отвечал хозяин, невольно приседая и поёживаясь, как гамадил при виде крокодила. - Очень крепкий молодой ослище! Незаменим для наших улочек, где ни трактор, ни самосвал не пройдут. Будет возить камни для нового дома. Да я для тебя, золотая моя тростиночка, за месяц дворец построю с помощью этого осла. А потом пускай околевет...

Хозяйка Чиён махнула рукой, так что ветер поднялся - шаровары её раздулись, как капюшон очковой кобры, а лисы в клетках замерли по углам.

- Привяжи его покрепче. Да сними попону! Что за баловство - осёл в попоне?! Я из неё тебе халат сошью.

Ослик очутился в тесном закутке между лисьими клетками. Раздетый и некормленный. Со спутанными ногами. Настолько обруганный, запуганный и одинокий, что хотелось околеть назло новым хозяевам прямо сейчас, а не через месяц.

Возились и тихонько шептались о чём-то своём невесёлом лисы. Под этот шёпот он и забылся тяжёлым, тревожным, как весь прошедший день, сном. Впервые без благодарственной песни. И вздрагивал во сне, вспоминая палочные удары. И плакал, пугаясь страшных, как

чёрные скорпионы, имён - Маймун-Таловчи, Чиён, Танбал. Выгнув ядовитые хвосты, они надвигались со всех сторон до самого рассвета.

Ранним утром, когда едва порозовели облака на востоке, и было так тихо и покойно в небесах, что и на земле не ожидалось ничего дурного, из дома вышел хозяин, и сразу стало хуже во всём мире.

Маймун-Таловчи потянулся, откашлялся хрипло, как простуженный петух. Бросил ослику пучок жёсткой деревянистой травы. Распутал ноги, навьючил две огромные корзины, и погнал со двора, тыкая в загривок нарочно заточенной палкой. Это было большее укуса скорпиона. Или скорее тысячи укусов тысячи скорпионов! Потому что хозяин, подгоняя, колот непрерывно, чтобы Танбал не мешкал, быстрее и быстрее вёз тяжёлые камни из дальнего карьера.

Так он и бродил до полдня, навьюченный корзинами, по узким улочкам и по грязной дороге, где ноги подгибались, будто осиновые прутики, разъезжаясь в глине.

Наконец, хозяин Маймун-Таловчи ушёл обедать в дом. А ослику достались три жалких увядших пучка - даже трудно сказать, травы ли. И снова дотемна за камнями, которые становились всё тяжелее и тяжелее, - раз за разом, час от часу. Да ещё и сам хозяин время от времени взбирался на спину.

Наверное, это специальное наказание для самых плохих в мире осликов, - думал Шухлик, засыпая ночью в своём закутке рядом с лисами, будто проваливался во всё ту же глубочайшую и беспросветную яму. Лучше уж остаться в этой черноте навсегда - только бы никто не трогал!"

Однако тут же - казалось, и минуты не прошло - его будил хозяин.

- Хватит дрыхнуть, безмозглый Танбал! Уже солнце восходит!

- Этому ишаку только бы всхрапнуть! - появлялась заспанная хозяйка Чиён в таких широченных шароварах, куда легко уместилась бы дюжина дынь и арбузов. - Что муж, что осёл - подзакусить да на боковую!

Сегодня оба без обеда - может, пошустрее будете!

После этих слов мрачный, как носорог, хозяин Маймун-Таловчи ещё более погонял ослика, злобно ударяя острой палкой в открытую рану на загривке. А камни грузил такие, что корзины еле выдерживали, покряхтывали из последних сил.

"Ох-ох! - вздыхал про себя рыжий ослик. - Глаза бы мои на всё это не глядели!" И глаза действительно слушались - отказывались глядеть. С каждым днём видели всё хуже. Так, какой-то серый туман, неясные, смутные тени.

Пожалуй, только одно поддерживало ослика - упрямство. Он стал таким упрямым и несговорчивым, что даже Маймун-Таловчи иногда терялся, не зная, что с ним делать. Никакие удары не помогали. Рыжий ослик падал на спину, переворачивая корзины, из которых выкатывались, грохоча, камни, и так дрыгал копытами - не подходи!

Сам себе был противен. Но что ещё остаётся измученному, забитому ослику? Заговорить, как Валаамова ослица? Да ведь человеческих слов хозяева всё равно не поймут, и Ангел с мечом вряд ли им явится.

В общем, у Шухлика появилось ещё одно имя - Кайсар, что означает, понятно, упрямый. Тоже имечко не из лёгких.

Лис Тулки, или День открытых зверей

Сколько камней перевёз Танбал-Кайсар - и не сосчитать! Во всяком случае, намного больше тех звёзд, что были видны на небе из его крохотного загончи-ка. Давно уже не замечал он созвездие Крылатой ослицы.

А сколько диких, ужасных и отвратительно-несчастливых дней прожил он, таская камни?! Казалось, столько невозможно прожить. Казалось, их куда больше, чем звёзд на всём небе.

Впрочем, какое там небо, какие там звёзды?!

Рыжий ослик думать ни о чём не хотел. И не мог. В голове было так же пусто, как в животе. Кишки, правда, о чём-то невесело бормотали, переговаривались. Печёнка ныла и всхлипывала, как малый ребёнок.

Похрипывали, жалуясь, лёгкие. А позвоночник скрипел, будто пирамидальный тополь под ураганным ветром. На шее к тому же постоянно саднила, словно укор, незаживающая ранка.

Как-то тёплой весенней ночью, когда запахи летят, бегут, ползут со всего вольного мира, рассказывая, как он, этот мир, хорош, рыжий ослик очнулся, услышав быстрый шёпот:

- Эй, приятель, не пора ли и нам улететь, сбежать или уползти - прочь отсюда?

Он поначалу решил, что это одна его кишка договаривается с другою о побеге из его же собственного живота. Хотя и слаб был ослик, безучастен, а всё же возмутился. Ещё чего не хватало - заговор кишок! Могли бы для начала с ним посоветоваться! Всё же не посторонние!

- Эй, приятель, ты совсем плох, недолго тут протянешь! - снова раздался шёпот. - Да и нас со дня на день без шкур оставят!

Рыжий ослик ещё не понимал, откуда этот быстрый шепелявый голосочек. Неужели позвоночник нашёптывает?

- Ну, нельзя же в самом деле быть таким ослом! Погляди - это я, твой сосед, лис Тулки!

Действительно, как чёрные виноградины сквозь металлическую сетку, сверкали из клетки слева лисьи глаза. Этот лис Тулки и раньше время от времени заговаривал с осликом о жизни - мол, как там на свободе, как дышится, какие новости? Да что мог ответить бедный ослик, таскавший камни по одной и той же дороге, с утра до вечера, будто каторжник!

Зато лис ночами, вздыхая каждую минуту, много чего рассказывал о своей прошлой привольной жизни. Как шнырял в пустыне, ловя мышей и ящериц, лягушек и кузнечиков. "О, какой там воздух! - повизгивал лис Тулки. - Хочется этот воздух пить, лизать и покусывать! Такой душистый, не то что здесь, в клетке. А отдыхал я в ту счастливую пору, забираясь в уютные норы сусликов или байбаков. И однажды на закате среди розовых зарослей тамариска повстречал маленькую лисоньку по кличке Кореи. Ах, как мечтал провести с ней остаток жизни, воспитывая лисят! Да тут попался, точно старая глупая перепёлка, в силки трижды проклятого Маймуна-Таловчи! Теперь не сносить шкуры!"

В этом месте лис Тулки обычно начинал обречённо тьявкать - с лёгким, едва приметным подвывом. Ему вторили из других клеток остальные лисы и лисицы, жалуясь на пропащую судьбу.

А совсем издалека - наверное, из той самой райской душистой пустыни, где жила лисонька Кореи, - долетали голоса свободных шакалов, отчего становилось ещё тоскливей. И под этот унылый хор ослик проваливался в свою чёрную безнадежную яму - в короткий сон.

Однако в этот раз лис Тулки был решителен. Никакого скулежа и подвываний.

- Бежим! Нам нечего тут терять, кроме своих шкур! Весенний ветер принёс запах лисоньки Кореи! Сегодня или никогда!

Рыжий ослик тряхнул головой, прислушался. Правда, сколько вокруг странных звуков! Сколько неизвестных запахов и мелькающих в ночном воздухе загадочных теней! А он? Неужели так и будет таскать тяжёлые камни в корзинах? До тех пор, пока не падёт от изнеможения, а хозяйка Чиён пошлёт из его шкуры чувяки, и чёрная яма навсегда сомкнётся над ним?! Довольно-таки противное будущее! Ужасное!!!

Впервые за многие дни в нём не то чтобы проснулся, а так, приоткрыл один глаз прежний ослик Шух-лик. Впрочем, и этого уже хватило.

- У тебя есть план побега? - спросил он.

- А как же! - шепнул Тулки. - Парнокопытный план!

Шухлик призадумался, перебирая в голове знания, которых за последнее время явно поубавилось - куда-то, видно, высыпались, будто овёс из худого мешка.

- погоди, друг Тулки, - вздохнул он, наконец. - Если план парнокопытный, то я тут, право, лишний. Тебе нужен верблюд дядька Бактри. Ну, в крайнем случае, какая-нибудь свинья или бегемот. А со мной любой план получится непарнокопытным.

- Да какая разница! Парно или непарно? - нетерпеливо тьякнул лис. - Главное, копытный! Слушай внимательно! Сначала я перегрызаю верёвочные путы на твоих ногах. Затем ты быстренько, но тихо сшибаешь копытом щеколды на клетках.

Ослик мерно покачивал башкой, обдумывая план. Со стороны казалось, что опять заснул.

- Эй-эй-эй! - взвизгнул Тулки, наскაკивая боком и сотрясая железную сетку. - Я понимаю, приятель, что ты очень умён, но сейчас не до того. Уже светает! Подставляй копыта!

Шухлик прижал к сетке задние ноги, и лис, изловчившись, просовывая кое-как в ячейки острую мордочку, перегрыз верёвку. Пока он грыз ещё и на передних ногах, ослик успел сообразить, что в копытном плане побега всё-таки имеется большой изъян.

"Такой большой, что даже огромный! - размышлял он, прицеливаясь копытом и сбивая защёлки с лисьих клеток. - Изъян величиной с дверь! А точнее сказать - есть дверь в стене, а как раз никакого изъяна в ней нет".

По всему двору тем временем, как стелящееся пламя, метались лисы. Они вырвались из клеток, и это была несравненная радость! Но куда дальше? Через глинобитную стену не перемахнуть - самые бойкие уже пытались, расшибив носы. А крепкая дверь на улицу заперта амбарным замком.

"Никаким копытом не вышибешь. Разве что носорожьем? - быстро соображал Шухлик. - Да где же взять носорога? Пожалуй, только хозяин Маймун-Таловчи слегка его напоминает. Вот сейчас проснётся и дерёт шкуры со всех беглецов".

Выскочил из толчеи Тулки, как вождь восстания, с разбитым носом.

- Мы будем сражаться! - воскликнул он. - Живыми не сдадимся! - И принялся выстраивать всех лис, что оказалось очень нелегкой задачей, почти невыполнимой. Лиса самостоятельное животное, а не строевое, как, например, волк.

Ослик Шухлик припомнил знаменитые исторические сражения. Первое дело - неожиданность. Застать врага врасплох! Это уже половина успеха, а может, и три четверти.

Он знал, что дом Маймуна-Таловчи выходит не только в этот двор, но и на соседнюю улочку. Однажды хозяин гнал по ней ослика, нагруженного хворостом, а хозяйка Чиён, высунувшись из окна, как всегда бранилась, что медленно плетутся. Окно! Вот неожиданный, внезапный путь на волю!

Теперь уже Шухлик быстро поведал свой план лису Тулки.

- Да, приятель, ты страшно умён - так умён, что мороз по коже! - твякнул лис. - Но отступить некуда!

Вперёд, с первыми лучами солнца!

Дверь в доме была открыта, и только ситцевая занавеска в индийских огурцах вздувалась, то ли от весеннего ветерка, то ли от сопения хозяев.

В доме было душно, и пахло так, что ни секунды не хотелось задерживаться.

Завидев окно, уже порозовевшее от утренней зари, Шухлик поскакал по комнате напролом, а за ним гурьбой лисы, сбивая и круша всё на пути. Что-то звенело, брэнчало, лилось. Что-то падало почти бесшумно, но тяжело.

Как раз перед окном оказалось последнее препятствие, а именно кровать, на которой лежали хозяйка Чиён и хозяин Маймун-Таловчи. Они уже продирали глаза, но ещё, конечно, не успели очнуться от сновидений.

- Да и возможно ли очнуться, увидев вдруг перед собой свору визжащих лис и одинокого орущего рыжего осла, которые все вместе, дружно, как в страшном кошмаре, прыгают на кровать, топчут вялые после сна тела хозяев, вышибают окно и несутся по розовой утренней улочке, сломя голову, сверкая пятками, в благословенную весеннюю пустыню.

Маймун-Таловчи только и причитал, заползая под кровать:

- Бало! Бало! Беда! Несчастье!

Однако стойкая, как кочерга, хозяйка Чиён могла бы перенести всю эту звериную напасть, с кавардаком в доме, если бы не её любимые шёлковые широченные шаровары. Растопырившись, они тоже предательски удирали по улице, а из штанин высывались то лисьи носы, то хвосты.

Вот тогда хозяйка Чиён и разрыдалась. Впервые в жизни. Долго рыдала. Сначала от злости на весь мир Потом от жалости к себе. Но самым горьким оказалось рыдание о тех, кого она мучила долгие-долгие годы, то есть обо всём вокруг себя и о себе самой. Отрыдаввшись, она

поднялась, умылась, бережно достала из-под кровати Маймуна-Таловчи и начала уборку в доме. А вместе с этим новую жизнь, которую никогда не поздно начать.

Пустыня

Ослик и не представлял, что вокруг может быть столько плоской земли, сплошь покрытой маками и тюльпанами. И вроде бы все цветы одинаковые. Да не тут-то было! В каждом что-то своё, особенное.

Одни пахли чуть краснее, другие - понежнее и желтей, третьи - позеленей, четвёртые, пятые... Он так наразглядывался и наноухался, что собственная голова показалась ему рыжей пчелой, махавшей ушами над весенней землёй. Даже начал потихоньку жужжать.

А уж как скакал, прыгал и веселился среди рыжей лисьей братии!

Все лисы наперебой рассказывали о его подвигах, присочиняя такое, чего, конечно, и в помине не было.

Будто бы он, отважный Шухлик, сражался с грозным Маймуном-Таловчи на кривых саблях, а потом так ловко лягнул копытом, что теперь их бывший хозяин - ну вылитый носорог!

" А как успел надеть - вот смеху-то - шаровары хозяйки Чиён! А на голову медный тазик! Прохожие на улицах шарахались от непонятого существа в шёлковых шароварах и в медном, сверкавшем, как солнце, тазике с ушами.

Лисы хохотали, тьякали, повизгивали, вспоминая побег, катались по земле среди цветов, и обмахивались из последних сил пушистыми хвостами, как веерами. Все вместе они напоминали шумный цыганский табор.

И рыжий ослик всем телом чувствовал, как в нём оживает и крепнет имя, данное мамой, - Шухлик. Даже ранка на загривке не так уж саднила. Хотелось зна- комиться, озорничать и шутить со всеми встречными. Рассказывать всем подряд о побеге и о том, какой он геройский ослик.

Однако встречных было маловато. Ну, поговорил с черепахой старушкой Тошбакой, да она даже голову из панциря не высунула.

Жаворонок Жур слишком высоко в небе висел, не докричишься! А сорока тётка Загизгон сама без умолку тараторила, ничего слушать не хотела. Стрекоза Нинанчи замерла на минутку, выпучив глаза, и полетела прочь - что ей до каких-то завиральных сказок!

Лисы тем временем помаленьку разбредались кто куда - каждая по своим делам. Улыбнувшись Шухлику, махнув на прощание хвостом, растворялись среди маков и тюльпанов, будто и не было их.

Последним откланялся лис Тулки.

- Ты уж прости, приятель, но где-то совсем рядом, чую, моя лисонька Кореи. Приходи на свадьбу! - И, задирая нос, приюхиваясь, понёсся к закату уже солнцу. Даже адрес не успел записать, где свадьба будет.

Ослик Шухлик остался совсем один. Хотя и не сразу это понял. Некоторое время веселье и задор ещё бодрствовали, подгоняли, и он скакал по ровной душистой земле, размахивая хвостом с кисточкой, - сам не зная куда.

Надвигался вечер. Солнце, красное, как тысячи тысяч тюльпанов и маков, улеглось на землю. А вот уже только половина виднеется, будто нарядный, праздничный шатёр, в котором много весёлых друзей, музыка, пляски. Ах, как хотелось ослику оказаться в этом шатре!

Он так спешил, что едва не расшибся о высокий чёрный столб. Такой одинокий посреди земли, как сам ослик. Правда, от столба всё же тянулись куда-то провода, на которых клювом к заходящему солнцу сидели птицы.

Похоже, боялись, что это последний день уходит. Не вытерпел скворец Майна, сорвался с провода - полетел солнце догонять. А от него лишь маленький кирпичный бугорок остался. Ох, не догнать скворцу
солнце!

Грустно сидят птицы на проводах, провожая сегодняшнее солнце. Хорошо оно светило. Что-то завтра будет? Так думал и ослик Шухлик, прижавшись боком к столбу, чувствуя в нём тепло и какую-то гулкую древесную жизнь.

Солнце скрылось вдруг, внезапно, и над землёй расползлась непроглядная темень, точно чёрный столб распахнулся широко, обняв всё вокруг.

Весенняя пустыня, конечно, далеко не та чёрная яма, в которую ослик Шухлик проваливался ночами во дворе Маймуна-Таловчи. Однако и здесь было очень одиноко и безрадостно. Лисы где-то празднуют освобождение.

Тулки нашёл свою любимую Кореи. А Шухлик, кроме столба, никого не нашёл. Так они и проспали вместе до рассвета. Столб мерно гудел, а ослик временами то ли икал, то ли всхлипывал.

Солнце взошло никак не хуже вчерашнего. Кому-то оно могло показаться даже лучше. Например, ослик, открыв глаза, радостно вскрикнул, чего с ним давно не бывало. Совсем неподалёку паслось стадо серо-жёлтых носатых антилоп-сайгаков. Шухлик, приветственно икая, бросился к ним, как к близким родственникам.

Но сайгаки не поднимали голов, продолжая щипать траву. Навстречу вышел один, с самым длинным, "удто маленький хобот, и очень морщинистым носом, напоминавшим засохшую дыню. Это был вожак по имени Окуйрук.

- Что за вопли? - строго нацелил он острые кривые рожки. - Мы с вами знакомы?

Ослик опешил, не зная, что отвечать.

- Из-звините. Я т-тут один, - бормотал, заикаясь. - Рас-растерялся.

Окуйрук покрутил носом и ещё сильнее сморщил его - то ли собираясь чихнуть, то ли от глубокого презрения.

- М-мы т-тут тоже од-дни, - передразнил. - Раз терялись, два терялись, три терялись, а потом нашлись.

Только не хватало нам какого-то большого ишака в компанию! Катись от нас подальше, убогий заяка, пока рогами не схлопотал!

Ослик Шухлик даже присел от таких речей, и уши у него присели, и даже отдельно - хвост. Поглядел он вслед гордому вожаку сайгаков, на всё их носатое, жующее траву племя, а потом побрёл, как говорится, нога за ногу, куда одна приведёт другую.

Опять разболелась ранка на холке, и похрустывала спина, будто вновь взгромоздили корзины с камнями. Голова кружилась, и солнце казалось теперь тёмным и лохматым, как дикая птица-падальщик.

"Никому я, видно, не нужен. Даже мама меня такого ненужного вряд ли узнает, - думал ослик. - Да и как вернусь я домой, если бывший хозяин Дурды уже получил за меня велосипед, соловья в клетке и съел, наверное, весь изюм. Сразу отведёт обратно к Маймуну-Таловчи! Нет уж, лучше околею здесь одинокий. И высушит ветер мои белые косточки".

Пару раз его преследовали шакалы, и один, самый настырный по имени Чиябури, изловчился укусить за хвост. Но вскоре даже шакалы плюнули на одинокого тощего осла, за которым и охотиться-то скучно.

Коротка весна в пустыне. Быстро увядают тюльпаны и маки. Остаётся сухая трава, саксаул, горькая полынь, кусты верблюжьей колючки да ажурные шары перекасти-поля. Каждый скажет, что пустыня от слова "пусто".

А что такое "пусто"? Да это прос-то - ничего! Трудно вообразить "ничего". Хотя можно изловчиться и представить: - это когда ни хорошо, ни плохо, а так себе. То есть именно - ничего.

За время скитаний по пустыне рыжий ослик свыкся со своими болячками, с одиночеством и чувствовал себя, в общем-то, ничего. Или, можно сказать, - пустынно.

Глаза его плохо видели, будто затянутые паутиной. Но чего особенного разглядывать в пустыне, когда уже ничего не ищешь и никого не ждёшь?

Некоторые редкие знакомые при встрече спрашивали: "Как дела? Как самочувствие, приятель?"

Он неизменно кивал головой, отвечая: "Ничего! Спасибо, ничего!" И брёл дальше, возвращаясь на ночь к своему чёрному столбу. Прислонялся к нему боком и засыпал, слушая до рассвета непонятный гул. И просыпаться ему было лень. Не хотелось просыпаться.

Рыжий ослик на всё махнул копытом, как тот рыночный медведь в верёвочном наморднике.

"Ай-йяй, что-то у меня не получилось в этой жизни, - шептал он безучастному столбу. - Да ничего, ещё как-нибудь немного проживу, протяну, как ты провода тянешь".

Это самое "ничего", эта пустота день за днём поглощали рыжего ослика, как волны размывают песчаный берег. Уже мало чего осталось от того Шухлика, который жил с мамой в родном дворе, который освободил лис и вырвался на свободу.

- Пустыня убивает его! - щебетал жаворонок Жур, видевший ослика почти каждый день.

- Несчастный! - стрекотала сорока Загизгон. - Когда я встретила его первый раз, он слова мне не дал вымолвить! А теперь так молчалив! Так молчалив, как рыжий тупой камень!

- Он выглядит даже хуже, чем на дворе у Маймуна Таловчи, - говорил лис Тулки своей любимой Корси. - Больной! Совсем-совсем больной! Бетоб - иначе не скажешь. Вот какое теперь у него имя - Бетоб. И я ума не приложу, что с ним делать!

Весь этот "миш-миш", то есть слухи и молва дошли наконец до старушки черепахи Тошбаки.

- Знаю одно средство, - прошамкала она, не высовываясь из панциря. - Отведу беднягу Бетоба в Багишамал - сад северного ветерка. А там уж будь что будет! Надеюсь, жив ещё славный дайди Диван-биби.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

второе

Сад северного ветерка, или Багишамал

Дорогу в Багишамал найти очень непросто, потому что этот сад скитается по пустыне. Куда дайди Диван-биби, туда и сад Багишамал! Бродят вместе по пустыне. Дайди, в общем-то, и означает "бродяга". А сад всегда за ним поспекает, нога в ногу, вместе со всеми своими деревьями, дорожками и родниками, с павлинами, фазанами и попугаями.

И старушка черепаха Тошбака была родом из этого сада северного ветерка. Но однажды отстала, проспала что ли. И вот уже лет сто, как не видела ни дайди, ни сада. Всё надеялась на случайную встречу. Сказав, что отведёт рыжего ослика в Багишамал, старушка призадумалась: куда идти? В какую сторону? Да и пока они дойдут с её-то прытью, ослик может - говоря грубо, но честно - копыта откинуть. Совсем-совсем Бетоб - больной ослик!

Рассудив так, Тошбака отправила своего давнего соседа фокусника Хамелеона на разведку, чтобы тот выяснил, где в настоящее время расположился сад и как здоровье дайди Диван-биби. Однако фокусник пропал. В пустыне всякое случается. Могли и слопать, несмотря на фокусы.

Следующим посыльным был тушканчик Ука. На редкость осторожный и осмотрительный братец Ука. Он сам вызвался. Старушка Тошбака поджидала его три недели, но - увы! - был тушканчик Ука, и нет тушканчика Уки.

"Такова пустынная жизнь. То густо, то совсем пусто!" - вздохнула старая, мудрая Тошбака и обратилась к осе Ари.

Во-первых, лететь безопасней, чем ползти или прыгать. Во-вторых, у Ари остаётся здесь в норе целый осинный рой - или она вернётся, или её отыщут.

Действительно, Ари прижужжала обратно через два дня на третий. И даже не отдохнув, стала собирать весь свой рой в дорогу. От избытка чувств она так жужжала, что трудно было разобрать, о чём.

Едва добилась от неё Тошбака, что сад Багишамал сейчас совсем неподалёку. Диван-биби здоровее прежнего. И все шлют приветы, включая фокусника Хамелеона и тушканчика Уку, поселившихся в саду. Да и сама Ари немедленно туда летит.

"Где этот несчастный Бетоб?! - суежилась она, заговариваясь. - Целый ослиный, то есть осинный рой не будет долго ждать одного осы, то есть осла! Сейчас его быстро отыщут и пригонят!"

И правда, получаса не прошло, как появился на горизонте рыжий Шухлик. Он шустро скакал, подгоняемый осинным отрядом! Последний раз такое было, пожалуй, давным-давно, когда он вырвался с лисами из плена. А теперь с непривычки дышал тяжело, прерывисто и спотыкался, не различая под ногами кочек.

В светлых его глазах отражалась только пасмурная, несмотря на солнечный день, пустыня. Он вроде бы хотел спросить: "Почему вы меня тревожите?" Но лишь подслеповато глядел на землю.

- Привет, бедняга Бетоб! - сказала старушка Тошбака. - Тебя ожидает дорога. Одолеешь ли?

- Ничего, - покорно кивнул Шухлик. - Как-нибудь.

- И тебе даже не интересно, какая дорога? - прожужжала Ари. - Не хочешь узнать, куда и зачем?

- Наверное, узнаю, если кто-нибудь пожелает объяснить, - отвечал Шухлик, понурился головой.

- Невероятно! - воскликнула оса, еле-еле сдерживаясь, чтобы не цапнуть ослика. - Какое безразличие!

Старушка Тошбака тем временем дала Шухлику в путь узелок особенно сочной травы.

- Это поддержит твои силы! Поклонись от меня дайди Диван-биби. Назови ему все твои имена. И умоляй взять в работники. Понял ли ты меня, бедный Бетоб?

Однако осиный рой так громко жужжал и торопил в дорогу, что вряд ли Шухлик расслышал черепаший шёпот. Высоко подняв над панцирем старушечью головку, Тошбака долго глядела вслед.

А рыжий ослик брёл за осами, как во сне. Когда чуть отставал, жужжание их напоминало гул чёрного одинокого столба, опершись на который Шухлик провёл так много ночей в пустыне. И теперь жалел, что даже не успел попрощаться с ним.

"Ничего-ничего, - думал он. - Я приду к нему, когда почувствую, что умираю".

Они шли - точнее, ослик плёлся кое-как, а осы роились впереди, будто небольшое грозное облако, - целый день и ещё ночь. А утром перед ними вырос сад северного ветерка, Багишамал. Он сам приблизился, словно ниоткуда. Будто внезапно появился из-за угла. Хотя, спрашивается, какие углы в пустыне?

Сад был в цвету. Весь бело-розовый от абрикосовых, гранатовых и вишнёвых лепестков. А местами - пушисто-жёлтый от кустов мимозы.

Утром деревья зацветали, а уже к вечеру отягощались плодами, хоть урожаем собирай. И так каждый день.

Вокруг цветущих деревьев поднимались, как мощные округлые колонны, густые туи, кедры, кипарисы, пирамидальные тополя, а посередине - один огромный платан. Они будто бы поддерживали над всем садом какое-то особенное небо - ясное и нежное, глубокое и влажное, как чистый колодец.

Сад был и тенист и мягко солнечен. Перекликались попугаи с павлинами и сурки с цикадами, кукушка с кузнечиками и журавли с древесными лягушками. Нашёптывал что-то небесное северный ветерок.

Слышался лепет родника, и журчание ручьёв, и молчание небольшого пруда. Одним словом - оазис.

Иначе говоря, отрадное, милое сердцу и глазу исключение из правил - чудо! То есть то, чего, по мнению некоторых учёных, быть не может.

Конечно, посреди выжженной за лето пустыни в такое трудно поверить. И очень многие проходили мимо, попросту ничего не замечая.

Осы, не долго думая, всем роем устремились в сад, оставив Шухлика у входа. Собственно, никакого входа и в помине не было - заходи, где сердце укажет. Однако Шухлик сомневался и стоял на слабых ногах, качаемый ветром, а перед глазами егоплыли розовые, зелёные, белые и золотые пятна.

В конце концов саду надоело это пустое противостояние, он сам шагнул навстречу, и Шухлик очутился под кронами деревьев, как раз у пруда, на берегу которого сидел маленький лысый человек в тёмно-красном халате. Четыре енота-полоскуна уже постирали какие-то занавески и теперь старательно выкручивали, отжимали.

Ослик подошёл ближе и вздрогнул, настолько этот человек напомнил с виду Маймуна-Таловчи.

- Ах, приветствую тебя, дитя арбуза и дыни! - воскликнул он, поднимаясь.

И все четыре енота тут же покатались со смеху, бросив занавески в пруд.

- Почему арбуза? - спросил Шухлик, настолько ошарашенный, что невольно заговорил, как Валаамова ослица, по-человечески. - В каком смысле дыни?

- Мой золотой заморыш! В саду Багишамал нет никакого смысла. И толку нет! Хотя есть многое другое. Впрочем, где поклон от старушки Тошбаки?

"Откуда он знает?" - удивился ослик.

- Запомни, любезный, я всё прекрасно слышу и чую на любом расстоянии, потому что лысый. Волосы, понимаешь ли, мешают - шуршат и заглушают! - подмигнул чудной человек. - Ну, уж коли ты пришёл, то кланяйся и умоляй взять в работники! Иначе - скатертью дорога.

"Так, значит, это и есть тот бродяга - дайди Ди-ван-биби, о котором говорила черепаха, - с тоской подумал Шухлик. - Сад, конечно, прекрасен! В нём хочется остаться. Но сам дайди не вызывает приятных чувств. И правда, как брат родной Маймуна-Таловчи! Не лучше ли вернуться к моему столбу?"

Меж тем Диван-биби ни с того ни с сего рухнул на колени.

- О, мудрый дальнзоркий господин! - возопил он, звонко шлёпая себя по голове. - Не оставляй меня безутешным! Возьми с собой в то райское место, к тому дивному чёрному столбу, гудящему так сладко день и ночь! Не то сейчас же утоплюсь на горе брату моему, возлюбленному Маймуну-Таловчи!

И он действительно пополз к пруду, а еноты едва удерживали его, вцепившись в полы халата.

- Ах, нет, пустите меня, пустите! - причитал Диван-биби. - Несчастье на мою седую голову! Этот достойный господин, чуть-чуть похожий на осла, даже не пожелал представиться. Ни одного своего имени не назвал.

Беда мне, беда!

И, вывернувшись из халата, в одних небесно-голубых трусах по колено, дайди скорбно, будто кусок глины, бухнулся в пруд. Еноты заголосили на весь сад, прикрыв глаза лапами.

Шухлик совсем растерялся. Точнее, подрастерял тупое безразличие, накопленное в пустыне.

"Сразу топиться?! - возмутился он. - Как бы не так! Сперва пусть выслушает правду о своём любимом т братишке-живодёре".

И с разбегу кинулся в воду спасать дайди. Сразу запутался в занавесках, брошенных енотами, и пошёл ко дну. Вернее, по дну, потому что пруд оказался мелким.

Промытые глаза различили рядом лысую голову дайди Дивана-биби, подобную нераскрывшейся кувшинке, совсем не похожую вблизи на Маймуна-Таловчи.

То есть для осла, особенно подслеповатого, все люди, если честно, на одно лицо. Но в этом было что-то необычное, успокоительное и притягательное, будто в пучке свежей травы или в мамином вымени, которое Шухлик сосал полгода и запомнил навсегда.

- Ах, наконец помылся золотой заморыш! Как хорошо! - усмехался дайди, пуская изо рта водяные фонтанчики. - А то явился в мой сад, точно безымянный пыльный коврик с проезжей дороги!

Подталкивая друг друга, выбрались они из пруда. Рыжий ослик, весь в тине и ряске, стоял на берегу, словно глиняная расписная игрушка-свистулька, какие продают на базарах.

- Ну, так и быть, - сказал Диван-биби, надевая красный халат, в котором очень напоминал маленький острый перчик. - Раз уж так настаиваешь - едва не утопился! - беру тебя в работники. Садовником. Только свисти разок!

И Шухлик неожиданно лихо свистнул, хоть никогда раньше не пробовал, и отряхнулся всем телом - с ушей до кончика хвоста. Показалось, многое стряхнул. Вроде бы тяжёлая каменная плита упала со спины и рассыпалась в прах.

- Какой молодец! - воскликнул обрызганный дайди. - Отряхивайся и свисти каждое утро вместе с петухом Хорозом! И ещё одно условие: работать с улыбкой! Чтобы была, как

растущий месяц. А если перестанешь улыбаться хоть на минуту, сад уйдёт без тебя. Останешься один в пустыне. Даже свой любимый столб не отыщешь.

И еноты важно бродили вокруг, держа друг друга за полосатые хвосты, кивая и улыбаясь, будто специально показывали, как именно надо.

Скажи: "Кишмиш!"

Диван-биби похлопал Шухлика по спине:

- Ну, держись, золотой заморыш, сделаю из тебя человека!

Но тот неожиданно упёрся.

- Не хочу быть человеком!

Очнувшись от пустынной спячки, рыжий ослик с удивлением обнаружил, что нрав у него совсем не покладистый. Наоборот, торчком, в разные стороны, как короткая грива на шее. Он припомнил разом все обиды и всех своих обидчиков. И такая досада поднялась в душе, что хотелось лягаться налево и направо.

- Извините, любезный, - прищурился дайди. - Не знаю, что и сказать. Сделать из вас осла? Да ведь вы и так уже изрядный норовистый осёл! К тому же весьма упрямый! Кайсар-упрямец одно из ваших имён. Верно? А ещё - Танбал-лентяй и Бетоб-больной. Хорошенькая кучка! И где-то глубоко под ней настоящее имя - Шухлик. Хочешь не хочешь, а придётся докапываться.

- А если не хочу?! - помотал головой рыжий ослик.

Диван-биби развёл руками:

- Дело хозяйское! Но поглядите, умоляю, в этот скромный пруд, говорящий одну только правду.

Шухлик заглянул краем глаза и увидел неизвестное в природе животное. Горбатенькое, как карликовый верблюд. Угрюмое, как сотня носорогов. Подслеповатое, как крот. Вислоухое и облезлое. С шакальим злым оскалом.

- И что это?! - отшатнулся он, как от удара плёткой - Моё отражение?

- От рожи изображение, - вздохнул дайди. - И к сожалению, любезный, рожа ваша. Родная мамочка-ослица не признает! Поэтому, чтобы никого не пугать в саду, чтобы деревья не увядали, надо её, то есть, простите, рожу, хоть какого смягчить. Скажите, пожалуйста, "кишмиш"!

- Ну, пожалуйста, - неохотно повторил Шухлик. - Кышмыш!

- Аи! - вскрикнул дайди, отпрыгивая в сторону. -

Боюсь, что вы меня укусите! Или сожрёте, как кошка мышку! Наверное, любезный, вы никогда не пробовали кишмиш, потому что нельзя произносить так зверски название сладчайшего сушёного винограда. Представьте себе этот нежный вкус. Ну, ещё одна попытка!

Ослик старался изо всех сил, но тут вспомнил, к несчастью, о том изюме, который получил за него на базаре хозяин Дурды, и так гаркнул "кижмыж!", что отдышавшиеся на берегу еноты едва не лишились чувств.

- Уже значительно лучше! - кивнул Диван-биби, чутко прислушиваясь, как настройщик музыкального инструмента. - Теперь повторите. Но, заклинаю, потише, помедленней, будто вытягиваете сочный, длиннющий корешок из грядки.

Шухлик вдруг ясно вообразил этот корешок и потянул его осторожно, чтобы не оборвать:

- Ки-и-и-ш-м-и-и-ш...

И уши сошлись на затылке, обнявшись, как родные братья. А потом подпрыгнули и чуть не улетели, будто два рыжих фазана. Ослик вытарашил глаза - ведь именно так он улыбался давным-давно, когда жил рядом с мамой на родном дворе. И во рту и на душе стало так сладко, будто и впрямь наелся кишмиша!

Диван-биби вдруг выхватил откуда-то сачок, каким ловят бабочек, и накрыл голову Шухлика.

- Попалась! - воскликнул он. - Уже не упорхнёт! Берегите, берегите её, любезный! Она такая нежная. Носите её с утра до вечера! И спите вместе - милее этой улыбки нет на свете!

Рыжий ослик ещё раз заглянул в пруд. Действительно, очень многое уже изменилось к лучшему. На него смотрела небольшая опрятная головка с круглыми ушками и приятной азиатской улыбкой. Вид, может быть, и глуповатый, но располагающий.

Ослик прищурился, склонился к самой воде. И глазам не поверил - его отражение моргнуло, фыркнуло сквозь усы, махнуло перепончатой лапой, представилось: "Ошна!" - и поплыло к другому берегу, оказавшись обыкновенной выдрой.

Шухлик едва не упустил свою улыбку. Ещё бы чуть, и она уплыла бы за выдрой. Потом опять лови её сачком или на удочку в пруду!

Уже наступил вечер. Первый вечер Шухлика в саду Багишамал. Он и не заметил, как день прошёл, как облетели с деревьев цветочные лепестки, как вызрели ягоды и фрукты.

Там и сям стояли раздвижные стремянки, на которых сидели всякие Божьи создания, собиравшие плоды в корзины. Среди них приметил Шухлик и тушканчика Уку, и фокусника Хамелеона, и енотов-полоскунов, и одного старинного знакомого сурка по имени Амаки, и кукушку Кокку.

- Идите ужинать, любезный, - услышал он голос дайди. - Горсточка кишмиша поддержит ваши силы.

Да не забудьте с утра свистнуть вместе с петухами. Ангельских сновидений! Би-би! - прогудел на прощание.

И Диван-биби куда-то упорхнул, как ночной мотылёк, в своём тёмно-красном халате. Хотя встречаются ли лысые мотыльки? Наверное. В саду Багишамал всякое бывает.

Садовая голова

Как говорится, от работы не будешь богат, а будешь горбат. Шухлик это запомнил ещё с тех времён, когда жил у Маймуна-Таловчи.

Само слово "работа", понятно, происходит от слова "раб". А кто такой раб? Да просто подневольный сирота, вроде рыжего ослика Шухлика, который искренне, всем сердцем ненавидел всякую работу.

Ранним утром, когда деревья только-только зацветали, он свистнул, опередив петуха Хороза, отряхнулся, сгоняя сон, и с улыбкой на морде отправился к пруду.

Неизвестно, спал ли Шухлик с этой улыбкой, но она как-то помялась со вчерашнего дня и напоминала протяжный зевок. Однако настроение всё равно, хоть чуть-чуть, а улучшалась.

Веял лёгкий освежающий северный ветерок. Неподалёку бормотал ручей, и к пруду подходили умыться разные обитатели сада, кивая ослику как новому соседу. Особенно любезны были четыре енота и сурок дядюшка Амаки. Так долго и церемонно раскланивались, что у дядюшки закружилась голова, и он шлёпнулся в воду, откуда его живо извлекла выдра Ошна.

Впрочем, попадались и хмурые ворчуны. Например, дикобраз Жайра, стуча длинными иглками, так глянул исподлобья, будто Шухлик спёр у него завтрак. И крыса Каламуш, пробегая мимо, пискнула досадное "рыжий пень" вместо "добрый день".

Ослик и правда стоял как пень, ожидая, когда появится дайди Диван-биби и задаст работу, прикажет, что делать. Время от времени, восстанавливая улыбку, он потихонечку говорил: "Кишмиш".

Уже весь сад был в цвету, и сам день распустился, сладко благоухая, а дайди куда-то запропал. Шухлик обогнул по берегу пруд и прошёлся вдоль ручья, осматривая по пути деревья, кусты и клумбы. Так он достиг родника и увидел, что его почти завалил огромный валун, съехавший с глинистого пригорка. Бедный родник, задыхаясь, еле пускал пузыри.

Шухлик упёрся плечом, поднатужился и сдвинул камень, а затем откатил подальше в сторону. Оглядевшись, он решил, что и сам глинистый холмик здесь совсем ни к чему. Надо его срыть. Вообще расчистить место вокруг родника. Утрамбовать и выложить мелкой галькой.

Так он и провозился до вечера, пощипав на обед кое-какой травы. Между делом заметил: яблони дают такой урожай, что ветвям необходимы подпорки, иначе обломаются. К тому же хорошо бы отвести от ручья каналы-арыки к окраинам сада, где воды явно не хватает.

Уже затемно Шухлик приплёлся к своему стойлу неподалёку от войлочной кибитки дайди Диван-биби, располагавшейся прямо под огромным древним платаном, или чинарой.

Он так умирился, что даже есть не хотелось. Пожалуй, и у Маймуна-Таловчи не каждый день настолько уставал.

Закрыв глаза, ожидая привычную чёрную яму, но всю ночь плыли перед ним розовые деревья и закатное небо, на котором проступала, как растущий месяц, знакомая уже улыбка.

Утром петух Хороз был очень горд, опередив Шухлика. Рыжий ослик с трудом проснулся, но сразу вспомнил, какие у него впереди дела, сколько всего задумано, и так свистнул от всей души, что сад встрепенулся и начал расцветать минут на двадцать раньше положенного.

Каждый день Шухлик находил себе новые занятия в саду. Устраивал затончики и плотины, водопады с фонтанами, замысловато подстригал кусты, так что они напоминали его знакомых - тушканчика Уку, например, или сурка дядюшку Амаки, - прокладывал новые дорожки и убирал опавшие листья.

Если бы его спросили, любит ли он свою работу, Шухлик, наверное, удивился: "Какая работа? От слова "раб"? Никто мной не понукает и не колет палкой в загривок. Что в голову приходит, то и делаю. А это я люблю. Просто моя голова оказалась садовой".

Ему уже не требовалось произносить "кишмиш" для поддержания улыбки. Она так надёжно прилипла, будто резиновая купательная шапочка.

Всё, казалось бы, прекрасно, однако кто-то постоянно вредил Шухлику - прокопанный накануне арык полузасыпан, дорожки сузились и окривели, а водопад совсем не в том месте, где был вчера! Исчезла знакомая вишня, зато неведомо откуда возникли три новых гранатовых дерева. Словом, очень странные садовые происшествия.

Ослик, хоть и улыбался через силу, но так злился на всех без разбору, что начинал порой рычать, как дикий камышовый кот, распугивая павлинов и фазанов.

Выдра Ошна, казалось ему, нарочно мутит воду в пруду. Фокусник Хамелеон дразнится, становясь ярко-рыжим, когда Шухлик рядом.

Тушканчик Ука вообще изображает из себя карликового осла, потому что имеет хвост с кисточкой. Даже дядюшка Амаки слишком уж приветлив, а кукушка Кокку кукует с утра до вечера, как сумасшедшая, назло Шухлику. Все хотят обидеть!

Особенно он подозревал дикобраза Жайру и крысу Каламуш. "Жутко неприятные особы! - думал Шухлик. - От таких всего можно ожидать. Устрою, пожалуй, засаду!"

И вот, когда наступили тихие сумерки, он спрятался в кустах облепихи. Очень удачно - рыжий среди рыжих ягод, не разглядеть. А ему всё было видно, насколько может видеть подслеповатый ослик безлунной ночью.

Неподалёку успокоительно лепетал ручей. Пронзительно вскрикивали павлины, желая друг другу спокойного сна. А попугай Тутти, как обычно, мурлыкал колыбельную всему саду. Какие-то смутные тени порхали среди деревьев. И просыпались светлячки, не дававшие, к сожалению, достаточно света.

"Хорошо бы поставить несколько фонарей", - решил Шухлик и вдруг услышал осторожные шаги по тропинке вдоль ручья. Кто-то - наверное, с дурными намерениями - подкрадывался к фонтану, строительство которого ослик закончил на днях.

И наконец, проступила во тьме мрачная фигура. Не раздумывая, дико рыкнув, Шухлик, как типичный хищник, выпрыгнул из кустов. Запнулся о камень или корень и врезался со всего маху в ближайшее дерево, осыпавшее его спелыми гранатами.

Голова сразу опустела, позванивая, будто сухой бамбук. Скорее она напоминала безмозглый пень, на который присел светлячок, потому что на лбу разгорался "фонарь". И кружилась-кружилась, как проворная юла. В таком состоянии, как ни странно, многое новое хорошо входит в голову и застревает там навсегда.

Сквозь звон в ушах донёлся голос дайди Дивана-биби:

- Ах, мой драгоценный садовник! Ещё немного, и вы бы меня пришибли. Откуда такая свирепость? И на кого это вы охотитесь? Тут охота запрещена!

- На вредителей, - пробормотал рыжий ослик, краснея от гранатового сока. - Путают всё, мешают...

- Сожалею! - вздохнул Диван-биби. - Но вы, фонарь моей души, забываете, что я - дайди-бродяга.

И сад мой тоже - скиталец! Он не стоит на месте, а кочует со мной. Поэтому всё в нём преобразуется день ото дня. И пруд меняет очертания, и ручей - русло, и тропинки - направление. А крыса с дикобразом тут вовсе ни при чём!

В кронах деревьев, вперемешку со светляками, мелькали звёзды, тоже небесные скитальцы. Ничего в этом мире не стоит на месте. А если останавливается, то умирает.

- У вас, милейший, чудесная садовая голова, а вы тратите её на всякие глупости. Крысы, дикобразы, засады с фонарями,- говорил дайди, и голос его удалялся. - Хотя могли бы выращивать потихоньку свой собственный сад!

- Как это? - спросил Шухлик, стараясь поспевать за голо-сом.

- Да так! Очень просто! - воскликнул Диван- биби. - Эти звёзды свидетели, - поднял он глаза, - что много лет назад я жил посреди голой пустыни! Ни деревца, ни кустика! Ну, может, пара телеграфных столбов.

Потому что, скажу по секрету, и в сердце моём и в душе была пустыня. Сахро - такое это жёсткое, сухое и безводное слово. А теперь, любезный, как видите, - сад Багишамал! - развёл он руки. - И внутри меня - сад. И вокруг меня - сад. Любой может зайти, напиток из родника и посидеть в тени.

Тихо шелестели в ночи деревья под северным ветерком, будто вторили словам Дивана-биби. А Шухлик наострил уши на садовой своей голове, чтобы ничего не пропустить. Ведь не так уж часто доводится послушать человека, за которым, как верная собачка, ходит целый фруктовый сад.

Корзинка с чувствами

Впрочем, наяву ли всё это происходило, точно не известно. Кажется, Шухлик лишился чувств, стукнувшись о гранатовое дерево. Более того, потерял улыбку и сразу отстал от сада.

Несчастный и жалкий брёл он опять по пустыне, собирая, как грибы в корзинку, свои потерянные чувства. Сад Багишамал виднелся неподалёку, но никак не удавалось нагнать его. И Шухлику было так одиноко, что хотелось высказать все печали.

- Горе мне, горе! - сокрушались он, оглашая пустыню воплями. - Я самый злополучный и невезучий из всех ослов: никому не нужен, никто меня не любит!

- Стыдно так говорить! - не выдержал сад Багишамал. - Тебя любит мама-ослица и лисы, которых ты освободил из плена! Разве этого мало? А ещё тётка Сигир, дядька Бактри и кошка Му-шука.

Но Шухлик не успокаивался:

- Эх, я самый глупый и бездарный осёл на свете! Ничего у меня не получается! Ни на что я с годен, только камни возить!

- Какая чепуха! - отвечал Багишамал. - Ты так умело, так хорошо ухаживаешь за мной! Тебе по силам вырастить среди пустыни свой сад, с которым будешь неразлучен, как черепаха Тошбака со своим домиком.

Каждый способен стать оазисом, куда со всех сторон приходят путники - напиток воды, послушать её журчание и просто отдохнуть в тени деревьев.

Шухлику безумно захотелось вырастить собственный сад, цветущий по утрам и дающий плоды к вечеру, - в своей душе и вокруг себя.

Он понял, что давно об этом мечтал!

Тогда он заберёт маму у хозяина Дурды, чтобы никогда больше не расставаться и жить в своём саду, бродя с ним по миру, принимая в нём уставших путников и странников. Как хорошо им будет вместе - маме, Шухлику и саду!

Вот его цель - вырастить сад в душе и вокруг себя и жить в нём вместе с мамой! А ведь недаром слова "исцеление" и "цель" растут из одного корня. И ещё "целый", что означает здоровый! Конечно, вряд ли больной и хилый достигнет своей цели.

Мечта порхала перед Шухликом, как прекрасная крылатая ослица, то отдаляясь, то приближаясь!

С чего же начать? Возможно ли на самом деле вырастить такой сад? И хотелось бы в это поверить, да трудно было. Шухлик очень сомневался в своих силах. Одно дело - таскать тяжёлые камни, рыть арыки и прокладывать новые дорожки. Тут нужна внешняя сила,

мышечная. А для возвращения собственного сада - внутренняя, какая-нибудь подмышечная, которая находится, видимо, в душе.

Ещё вопрос: есть ли у ослов душа? Наверное, у хороших, достойных она есть, а у завалищих, вроде Шух-лика, - нету. Или просто спит глубоким сном?

И тут он почувал, как зыбучие пески расступаются под ногами, затягивают в бездну, имя которой - неуверенность. И вот уже лишь голова торчит на поверхности.

- Да что ты в самом деле?! - вытащил его за уши подоспевший Багишамал. - Подумай своей садовой башкой, может ли одна дождевая капля быть хуже или лучше других капель? Каждая по-своему хороша. Так и ты - единственный и неповторимый рыжий ослик. Поверь в себя, и всё одолеешь!

Действительно, Шухлик разбежался и легко перепрыгнул зыбучие пески, очутившись на твёрдой почве. Он уже собрал довольно много потерянных чувств - целую корзинку с верхом.

- Выброси оттуда поганки, то есть все дурные чувства, - посоветовал Багишамал.

"Собирал-собирал, а теперь выбрасывать? - задумался ослик. - Как-то жалко. Всё-таки, какие бы ни были чувства, а свои, не чужие".

- Если хочешь вырастить сад, - настаивал Багишамал, - освободись для начала от трёх "з" - злости, зависти и злословия! Слышишь, как звонко зуззат, или жужжат, точно навозные мухи. От них прежде всего тебе самому дурно. Они и солнечные дни превращают в пасмурные.

Сохрани только добрые чувства, которые создают оазисы в пустыне! С ними ты всемогущ - любые препятствия рассыпятся перед тобой в прах.

"А если в корзинке одни поганки да мухи? - испугался Шухлик. - Всё выкину и останусь совсем бесчувственным осликом. Стыда не оберёшься!"

- Знаешь ли, никто не рождается злым и грязным, - снова донёсся садовый голос. - Однако в мире есть зло и грязь. Они проникают в тебя незаметно, как пыль. Как песчинки, которые тащит с собой ветер-суховея, нанося целые барханы. Но если в душе добро и любовь, ты защищен, будто бы вокруг тебя густой сад.

Подумай, ты живёшь на этом свете, что само по себе чудесно. Не это ли причина для радости?

- Легко сказать! А у меня от этой жизни всё ноет и поскуливает внутри, - вздохнул Шухлик. - Сплошные преграды и загвоздки - ни обойти, ни объехать!

Сад Багишамал был совсем рядом, рукой подать. Казалось, склоняется и заглядывает в глаза рыжему ослику. Шелестит каждым листочком и каждой травинкой, пытаясь втолковать что-то очень важное:

- Все загвоздки в твоей голове. Хотя бы сделай вид, что очень счастлив! И это будет первый шаг. Попробуй измениться и думать только о хорошем. Тогда и жизнь твоя переменится к лучшему. Ты сможешь управлять ею, как велосипедом.

Шухлик покачал головой:

- Да вряд ли я так смогу! И на велосипеде сроду не сидел. Один раз только и видел, когда меня на него обменяли.

- Займись-ка собой, любезный садовник! - воскликнул сад Багишамал. - Ты убираешь опавшую листву, присматриваешь за моими тропинками и родником. День ото дня я лучше, чище. Так последи и за своими мыслями, и за своей душой, и за своим телом! Им так же, как саду, необходимы забота и внимание.

- Ах, некогда мне! - махнул ослик и хвостом, и ушами. - Времени не хватает.

Багишамал зашумел, как от порыва ветра:

- Значит, учтивый дурень, тебе некогда жить! Имей в виду, "не-ког-да" - очень длинное слово! Бесконечное! И тянется до самой смерти, цепляясь за тебя когтями! А "времени не хватает" - так обычно говорит твоя лень!

- Да разве я лентяй! - возмутился Шухлик, едва не рассыпав из корзинки оставшиеся добрые чувства. - Тружусь с утра до вечера!

- О, лень так разнообразна! Столько видов и подвидов! У каждого своя собственная лень, - разъярял Багишамал. - Матушка-лень, тётушка-лень и бабушка лень. Есть, как ни странно, даже дядюшка-лень. Понятно, что жалко гнать от себя таких близких родственников!

Ослик заинтересовался:

- А у меня какого вида? Бабушка или тётушка? Крупная или мелкая?

- Одному лень мешает бегать, другому ходить. А третьему и сидеть-то лень, - продолжал сад. - У кого-то она размером с комара. Хлопнешь, и нету! А может быть такая, которую и лопатой не пришибёшь. Твоя хорошо известна - братец-лень по имени Танбал. И похоже, он очень велик!

Шухлик сразу увидел братца Танбал а. Ох, до чего толстый, неповоротливый и равнодушный, как бегемот. Вот разлётся на дороге и не позволяет ослику заняться собой. Даже не даёт в сад войти, который все-г о-то в двух шагах. Возможно ли договориться с Тан-балом или придётся бороться?

- Разрешите пройти, - вежливо попросил Шухлик.

Но Танбал и ухом не повёл. Глаз не приоткрыл.

- Прочь с дороги! - крикнул тогда рыжий ослик. Ни ответа, ни привета! Лежит братец-лень, как бревно.

Шухлик упёрся плечом, лягнул копытом и спихнул его в канаву. Очухался наконец Танбал. Заворчал, заёрзал, норовя из канавы выползти.

- Так легко от меня не избавишься! - пыхтел он и сопел. - Эй, запомни, куда бы ты ни отправился, сорок дней буду на твоём пути! И посмотрим ещё, кто кого!

"Ну и братец у меня! От такого натерпишься!" - подумал Шухлик.

Вошёл в сад Багишамал - и очнулся под гранатовым деревом.

Уже рассвело. Рядом сидел тушканчик Ука, разглядывая "фонарь" на лбу рыжего ослика.

- Откуда такая прелесть? - спросил он.

- Бодался вот с этим деревом, - честно ответил ослик. - Довольно-таки весело! Быстро засыпаешь и видишь поучительные сны.

- Везёт некоторым! - сказал Ука и ускакал по своим делам.

"Какой милый тушканчик, - подумал Шухлик. - И хвост у него с кисточкой, как у меня!"

Оглядевшись, он заметил рядом пустую корзинку. Все добрые чувства, которые там оставались, вернулись обратно к Шухлику. Вместе с улыбкой. В общем-то, он прекрасно чувствовал себя этим утром, будто освободился от кучи мусора, мешавшей видеть, слышать и дышать.

Мимо, постукивая иголками, проходил угрюмый дикобраз Жайра. Шухлик кивнул ему:

- Привет! Доброе утро!

И дикобраз вдруг расцвёл, как диковинный цветок, вроде огромного репейника. Начал шаркать ножками и похрюкивать:

- Привет! Рад вас видеть! Утро очень доброе! - Глядел он, правда, исподлобья, но такая уж физиономия у дикобраза. Иначе глядеть не может.

Шухлику хотелось улыбаться всем подряд и говорить: "Доброе утро!" А потом: "Добрый день" и "Добрый вечер". Он скакал по саду, как тушканчик Ука, помахивая хвостом с кисточкой. И едва не наступил на крысу Каламуш, которая, принюхиваясь и чихая, сновала меж деревьями с узелком на спине, будто собралась в дальнюю дорогу.

- Здравствуйте! - крикнул Шухлик. - Добрый день!

Крыса вздрогнула и поднялась на задние лапы.

- Прощай, рыжий пень! - ухмыльнулась она. - Я покидаю этот паршивый сад - здесь слишком чисто для меня. А поблизости есть подходящее местечко.

Ещё накануне Шухлик, если бы и не сказал, то непременно подумал: "Какая противная крысина!" Однако теперь, расставшись с дурными чувствами, он спросил:

- Хотите, подвезу?

- Ты что, в самом деле такой улыбочивый болван? - огрызнулась крыса. - Или просто придуряешься? - Оскалилась и заспешила прочь из сада Багишамал, попискивая на ходу: - Дурень, скотина и обалдуй!

- Прощайте, - ответил Шухлик и на минуту погрузился, задумался: не стоило ли сохранить в корзинке хотя бы парочку поганок или навозных мух?

Конечно, нелегко становится с каждым днём лучше, хоть на куриный шажок. Но всё же стоит попробовать. Это так приятно и празднично! Ощущаешь, что не только ты, но и весь мир вокруг стал чуть-чуть поучше. Ну самую малость. На дне корзинки.

Прощальный день

Нет-нет, Шухлик ни с кем больше не собирался прощаться.

Все были ему приятны. Как славно кукует без умолку кукушка Кокку! А до чего же умелый фокусник Хамелеон - то жёлтый, то рыжий, то фиолетовый! И сурок дядюшка Амаки так любезен, будто всю жизнь обучался хорошим манерам. Ну, и выдра Ошна тоже славная сестричка - любо-дорого поглядеть на её фигурное плавание.

"Чудесно, - прислушивался к себе ослик, - когда на душе нет злости! Так легко и чисто, будто только что искупался в пруду".

На берегу сидел, как красный перчик, дайди Диван-биби. Он возился в сырой глине, ловко вылепливая небольшие фигурки людей и животных, точь в точь настоящие. Кого-то они напоминали Шухлику.

- Давненько не виделись, - сказал дайди. - Кажется, за прошедшую ночь вы здорово изменились, мой дорогой садовник! Не считая "фонаря" во лбу, заметен и внутренний свет, который лучится из ваших подслеповатых глаз. Что же случилось?

Шухлик не знал, как всё объяснить. Рассказывать о корзинке с чувствами? О беседе с садом Багишамал? Да то ли было это, то ли не было!

- Мне кажется, - потупился ослик, - что я как-то очистился. Даже вижу яснее.

- Прекрасно! - воскликнул дайди. - Как интересно! Наверное, и память у вас прояснилась. Приятно, думаю, вспомнить хозяина Дурды, продавшего вас на базаре. Доносчика козла Таку. И уж конечно, добросердечного Маймуна-Таловчи, с которым вы были, как говорится, не разлей вода!

Шухлик не ожидал такого подвоха. Особенно сегодня ему меньше всего хотелось бы думать о тёмном, мрачном прошлом. И горло перехватило, и голова помутилась от былых обид и оскорблений. Он услышал знакомое жужжание навозных мух. Вот они, тут как тут! Добрались из пустыни. Облепили ослика. И солнечный день обернулся пасмурным.

Шухлик стряхнул мух, но они кружились рядом, не оставляя его в покое. Подоспели на помощь еноты-полоскуны, размахивая полотенцами. Ну никак не удавалось разогнать этот мушиный рой. На редкость приставучие отборные насекомые!

- Оказывается, не так-то просто освободиться от дурных чувств и помыслов, - заметил Диван-биби и протянул глиняное изваяние, в котором Шухлик сразу признал Маймуна-Таловчи. - Пожалуйста, он в твоей власти! Делай с ним что хочешь.

Понятно, ослик с превеликим удовольствием растоптал бы этого глиняного болванчика! Да только неловко было крушить искусную работу. Ведь сам Диван-биби старался, лепил.

- Легче всего разбить и растоптать, - согласился дайди. - Не слишком приятная персона! Но поверь старому бродяге - Маймун-Таловчи тоже Божье создание, и где-то глубоко в душе у него должен быть свет.

- Вряд ли, - возразил Шухлик и едва не проглотил особенно назойливую муху.

- Конечно, сама душа одичавшая, - вздохнул Диван-биби. - Заброшенная, позабытая хозяином. Вроде одинокой и глупой крысы Каламуш, которая бежит сейчас с узелком по пустыне. Мне жалко эту глухую и слепую, заблудшую душу! Она страдает, как безногий инвалид, до которого никому нет дела.

И Шухлика вдруг охватила жалость, вытеснявшая злость и обиды. Он даже погладил глиняного болванчика по голове, отчего тот преобразился, похорошел, чуть ли не озарился изнутри.

- Знаешь ли ты, что такое прощение? - спросил дайди. - Это чудесное исцеление, избавление и помилование! Не только для того, кого простили, но, в первую очередь, для того, кто простил. Если в тебе есть сочувствие, иначе говоря, прекрасное соцветие из добрых чувств, ты способен простить.

Диван-биби расставил перед осликом знакомые фигурки. Кроме Маймуна-Таловчи тут были прежний хозяин Дурды, предатель-козёл Така, хозяйка Чиён и надменный вождь сайгаков Окуйрук.

Ослик с грустью разглядывал их. "Они не ведали, что творили", - подумал Шухлик. Скорее, услышал эти древние-древние, немногим младше Валаамовой ослицы, слова, долетевшие неизвестно откуда.

Злость и обиды его исчезали, испаряясь, как грязные лужи под солнцем. И навозные мухи сразу сгнули, будто и не было.

- В этом мире нет совсем плохих и пропащих, - говорил меж тем Диван-биби, передвигая так и сяк фигурки. - Хотя много потерянных, которые не знают, куда идти. Бродят в дремучем лесу или в бескрайней пустыне.

Огрызаются и нападают первыми. Страдают, не понимая этого. Кусаются, потому что сами боятся - дрожат от страха, переполнены страхом. Только покажи им, что не робеешь и не злишься. Дай понять, что просто жалеешь, даже сочувствуешь, и всё изменится. Прежде всего для тебя!

Шухлику вновь стало легко, как утром, когда он только что очнулся под гранатовым деревом. Да нет - намного легче!

Пожалуй, мог бы вспорхнуть, чуть оттолкнувшись копытами. Он был переполнен соцветием добрых чувств, как воздушный шар горячим дымом, - вот-вот полетит!

Диван-биби, придерживая его за хвост, остерегал:

- Такое состояние надо беречь и охранять! Каждый Божий день быть на страже, прислушиваться к себе, чтобы не растерять его. Состояние прощения дороже сундука с золотом. Погляди-ка, любезный садовник, во-о-он туда, - кивнул он в сторону родника.

Прямо посреди лужайки, которую Шухлик вчера подстригал, неожиданно выросли и уже цвели пять новых деревьев - яблоня, груша и три вишни. Привыкший вроде бы к садовым причудам, ослик диву давался: откуда вдруг, да так быстро?

- Это твои собственные деревья, - улыбнулся дайди. - Первые в будущем саду! Видишь, какие чудеса творит прощение.

Шухлик не удержался и поскакал, высоко подлетая, перебирая в воздухе ногами, к своим деревьям. Хотелось понюхать их, потереться о стволы, взрыхлить землю у корней.

- Запомни крепко: всё в твоей власти! - звучал в ушах голос Дивана-биби, хотя сам он оставался на берегу пруда. - Смотри на жизнь, как художник-творец смотрит на бесформенную глину, из которой можно вылепить, что пожелаешь. Ты созидатель своей жизни, своей судьбы!

Или это сад Багишамал опять заговорил с Шухликом? Впрочем, какая разница, если дайди и его сад - одно целое. Как и рыжий ослик со своими первыми деревьями, выросшими в день прощения.

Превращение третья

Сорокадневная война

Шухлик всех приглашал поглядеть на свои деревья. Они так буйно цвели, невозможно глаз оторвать.

Однако к вечеру ничего не уродили - ни яблока, ни груши, ни вишенки. Оказались пустоцветами. Шухлик понимал, что это он виноват, а не деревья. На урожай попросту не хватило сил в его душе. То есть веры в свои силы.

На другое утро, едва солнце приподнялось над пустыней и заглянуло в сад, разнёсся повсюду дурной какой-то, заунывный вой, будто предупреждение о бомбёжке. Петух Хороз до того растерялся, что позабыл кукарекнуть. Вообще сад Багишамал притих и даже расцвёл позднее обычного. Все его обитатели ходили вялые, словно не выспались.

Этот долгий вой, как привязанная к Шухлику натянутая резинка, вытаскивал его в пустыню. Нехотя, с тяжёлым сердцем вышел он из сада и сразу понял, в чём дело.

Толстый, огромный, бегемотоподобный Танбал,

братец-лень, звал сразиться, помериться силами. Страшно было глядеть на него. И непонятно, с какого бока подойти. То и дело он менял обличье. Откуда-то вдруг вырастали щупальца, как у спрута. А в следующий миг Танбал расползлся по песку, как чёрное ежевичное желе.

Шухлика одолевали сомнения. Ему ещё не доводилось сражаться. Он был вполне мирным, а не воинственным осликом.

- Ну что, испугался?! - оглушительно, как десяток паровозов, пыхтел Танбал. - Сдаёшься? Тогда бери меня с собой в сад! Заживём вместе!

Конечно, Шухлик не мог такого допустить - привести в Багишамал чудовищную образину.

Он заржал не своим голосом и бросился на Танба-ла, пытаясь ударить копытом туда, где виднелись маленькие сонные глазки. Однако братец-лень неожиданно ловко увернулся. И Шухлик почувствовал, что вновь увязает в зыбучих песках неуверенности. Они затягивали быстро. Сковали ноги и уже щекотали живот.

- Могу тебя спасти, - подмигивал Танбал, очень довольный, что удалось заманить в ловушку. - И будем неразлучны!

"Нет уж, - думал Шухлик. - Лучше погибнуть! Всё равно рядом с таким уродом - это не жизнь, а сплошное мучение".

Так бы и пропал без следа бедный рыжий ослик в зыбучих песках, если бы не кукушка Кокку, наблюдавшая за ним с вершины платана. Она раскуковалась на весь сад, созывая подмогу. Первыми подоспели четыре енота-полоскуна и сурок дядюшка Амаки.

Хорошо, что у енотов оказалась с собой бельевая верёвка. Дядюшка Амаки осторожно подполз к тонущему Шухлику и привязал верёвку за хвост.

- Выдержит ли? - волновался сурок.

- Верёвка-то крепкая! - отвечали еноты. - Не беспокойся!

- Меня тревожит хвост! - нервничал дядюшка.

- Да тащите уже! - воскликнул Шухлик, отплёвываясь песком, подступившим к морде. - Я же не ящерица, хвостами не швыряюсь!

Крепкие ребята еноты впряглись, поднатужились и, кряхтя, будто четыре маленьких трактора, выволокли ослика из песчаной западни.

Оставалось признать, что первая схватка проиграна.

Притворившись зрелой тыквой в очках, Танбал сидел неподалёку - потягивался и зевал, словно на скучном, утомительном спектакле, где всё заранее известно.

- До завтра, родной! - помахал он пухлой ручкой. - На прежнем месте! А если не придёшь, сам пожалую в гости!

По дороге в сад дядюшка Амаки недоумевал:

- Чего ты с ним связался? - спрашивал, заглядывая Шухлику в глаза. - Кто он такой, этот овощ? Или он фрукт? Вот мой совет: плюнь, и забудь о нём!

Ослику не хотелось ни с кем разговаривать - настолько он был огорчён, унижен и подавлен. Пришёл к своим деревьям и чуть не заплакал. Они не зацвели сегодня, а пожелтели, увядая.

"Не утопиться ли? - мелькнула мысль. - Да вряд ли получится - выдра Ошна спасёт!"

В таком печальном настроении застал Шухлика на берегу пруда дайди Диван-биби.

- Би-би! - приветственно погудел он. - Би-и-и-би! Но ослик только кисло, через силу улыбнулся.

- Анал-манал! - сокрушённо воскликнул дайди. - Опять двадцать пять - за рыбу деньги! Конечно, у меня есть напиток из трав, снадобье, которое поможет тебе в сражении, но это будет временный успех. Ты сам должен победить Танбала - раз и навсегда! А для этого нужен стойкий характер. У твоего дедушки, кстати, характер был хоть куда!

- Какой дедушка? - удивился Шухлик. - Я не слышал ни о каком дедушке.

- Сейчас не о нём речь, а о характере, - сказал Диван-биби, покачав строгим пальцем.

- Ты хоть понимаешь, что это такое? Может, у тебя его вообще нету? Шухлик подумал и согласился:

- Похоже, что вообще...

Характер представлялся ему в виде двуручного меча или тяжёлой дубины, которой легко отдубасить Танбала. А ничего подобного у ослика отродясь не имелось.

Тут уж и Диван-биби на время призадумался, поглаживая лысую голову.

- Значит, придётся выковать. Крепкий и надёжный. Нержавеющий, - вздохнул он.

И внимательно поглядел на Шухлика, вроде бы соображая, удастся ли на самом деле выковать и приживётся ли такой твёрдый у ослика. Может, нужен помягче? Ну, как переспелая дыня.

- Характер, любезный садовник, - это особенные свойства души, которые или помогают жить или мешают.

Диван-биби поднялся, направляясь к своей кибитке под огромным платаном, а за ним и Шухлик.

- Настоящий твёрдый характер ощущает себя в долгу перед жизнью, - продолжал рассуждать дайди. - Он знает, что своим рождением обязан жизни, и благодарен ей. И ясно видит, как она прекрасна.

Отбросив войлочный полог кибитки, Диван-биби пригласил Шухлика зайти. Ослик сразу увидел небольшую наковальню и молот.

- С таким характером беспокойно, зато весело, - говорил дайди, раскладывая по наковальне какие-то камешки, листья и кору платана, цветок граната, верблюжью колючку и глину из пруда. - Само слово "характер" пришло к нам из древнегреческого языка, в котором означало "чеканщика".

Как известно, чеканщик, нанося рисунок, царапает металл, бьёт молоточком. Так и характер царапает душу, пробуждает, не позволяя ей дремать. Заставляет радоваться каждому новому дню и не унывать в любой беде.

Он достал щипцами из очага раскалённый уголёк и тоже бросил на наковальню, а затем примерился, сощутив глаз, и звонко ударил молотом, так что всё окуталось дымным облаком, в котором скакали и сверкали разноцветные искры.

Шухлику показалось, что искры вместе с горьковатым дымом проникли в него. Разгораются внутри. Согревают и оживляют. Сердце или душу? Сразу не поймёшь. Он закашлялся, чихнул и, выскочив из кибитки, остановился под платаном.

Такого могучего дерева он никогда не видел. Ещё вчера почему-то не замечал. Пожалуй, чтобы охватить его, потребуется круг из дюжины ослов. А до вершины - ну, никак не меньше сотни! И то, если считать с вытянутыми хвостами.

Шухлик прислонился к платану, испытывая внезапный восторг оттого, что и он, рыжий ослик, - маленькая часть громадного неизмеримого мира, в котором жутко любопытно жить. В этом мире всему и каждому есть место и нет ничего лишнего. Уж если родился ослик по имени Шухлик, значит, он нужен здесь. Только бы понять, для чего? Наверное, чтобы жить без тоски и уныния, а с благодарной улыбкой.

То ли Дивану-биби удалось одним ударом молота выковать приличный для ослика характер, то ли платан передал ему тысячелетние мудрость и мощь? Так или иначе, но Шухлик ободрился и разом поверил в себя, в свои силы.

"Нынешнее поражение - сущий пустяк! - размышлял он, прогуливаясь от дерева к кибитке и обратно. - Оно даже полезно, поскольку научило не лезть в западню из зыбучих песков. Завтра я покажу Танбалу новый победоносный характер! Только бы во сне его не растерять".

Из кибитки вышел дайди Диван-биби. Почесал Шухлику ухо и шепнул:

- Ты должен знать, любезный садовник, что Танбал, братец-лень, - родственник самой смерти. Будь смотрителен и не угоди в его липкие лапы.

На следующее утро Шухлик, не дожидаясь призывного воя Танбала, сам свистнул, разбудив сад, и отправился на поле боя. Небо уже порозовело, а серая пустыня замерла перед восходом солнца. Братец-лень ещё дремал, устроившись на песчаном бархане. Трудно было различить, где кончается бархан и начинается сам Танбал.

Почувяв ослика, он заворчался. И стало понятно, никакого бархана нет. Один сплошной Танбал! Со вчерашнего дня вырос втрое. Какой-то сухопутный кит-кашалот с панцирем на голове! А пасть такая, что туда поместится десяток верблюдов.

Однако новенький твёрдый характер не позволял Шухлику размякнуть и усомниться в победе. Перепрыгнув зыбучие пески, он стремительно зашёл в тыл Танбалу. И увидел, что спина его и зад совершенно не укреплены - дряблые и беззащитные, как рыбе заливное.

"В атаку!" - скомандовал характер, сверкая в глазах Шухлика подобно острому клинку.

И рыжий ослик налетел на Танбала, как храбрый кавалерист. О, как он лягался и бодался! Толкался, пинался и кусался! Хлестал хвостом и ушами! Топтал и грыз!

Вряд ли кто-либо на всём белом свете выдержал подобный натиск.

Братец-лень никак не ожидал такого скорого манёвра-простого, но хитроумного. От внезапного яростного нападения с тыла он ошалел и замер, как в столбняке. Чтобы развернуться и дать отпор, ему бы потребовалось полдня. Но Шухлик не терял ни минуты, дробя Танбала на мелкие кусочки. И вскоре одна лишь башка отворяла пасть, завывая о пощаде.

Шухлик пнул её, и голова, бессильно щёлкая зубами, цепляясь за верблюжьи колючки, покатила по песку. Она быстро усыхала, как-то убавлялась, пока не превратилась в маленькую щучью головку.

Отряхнувшись, рыжий ослик направился к саду. Он возвращался с победой! И никакого изнеможения или лёгкой усталости после битвы... победа всё вытесняла. Шухлик нёс её гордо, как первоклассник букет в школу. Глаза сияли. Уши обнимались. И кисточка на хвосте распушилась, словно мимоза.

Однако сзади долетело какое-то змеиное прерывистое шипение:

- Ещ-щ-щё увидимся. Наш-ш-ш-а война не на ж-ж-ж- изнь, а на с-с-с-мерть...

- Не сомневаюсь! На этом свете, Танбал, нам с тобой не ужиться! - крикнул Шухлик, оглядываясь.

Сейчас он с превеликим трудом смог бы представить себе того одинокого и несчастного, равнодушного рыжего ослика, скитавшегося в пустыне и бормотавшего: "Ничего". Или того, который совсем недавно скулил и плакал, жалуясь на жизнь саду Багишамал. Даже вчерашний, едва не утонувший в зыбучих песках неуверенности осёл, казался Шухлику посторонним, мало знакомым.

И тут он услышал, что кто-то на самом деле скулит в ближайшей ямке под белым, как кость, кустом саксаула. Заглянул и увидел шакала, а именно настырного Чиябури, любителя укусить за хвост. Впрочем, теперь ему было явно не до хвостов! Настолько облезлый и худой, что страшно поглядеть. Хныкая и плача, шакал Чиябури зализывал перебитую лапу.

Конечно, он не узнал рыжего ослика. Но зарычал на всякий случай, хотя и рычание это больше напоминало стон.

Шухлик присел рядом:

- Послушайте, бедняга! Может, это странно будет выглядеть, но забирайтесь ко мне на спину! Я отвезу вас в сад, где есть вода и пища. Там вы поправитесь, а здесь погибнете.

Как ни плох был шакал Чиябури, а взвизгнул из последних сил:

- Чтобы меня, хищника, вёз какой-то травоядный осёл?! Вся пустыня содрогнётся от смеха! Да лучше сдохнуть!

Шухлик, ничуть не обижаясь, заметил:

- У вас, похоже, твёрдый характер, но он мешает вам жить. Не начихать ли, кто чего скажет, засмеётся или содрогнётся? Стоит ли из-за этого умирать?

- Впервые слышу столь благоразумные речи, - твякнул шакал. - Пожалуй, вы кругом правы...

Озираясь и поскуливая, он неловко вскарабкался на спину ослика и притих, вконец измученный. Наверное, впервые в истории, начиная с самых древних времён, осёл вёз шакала. Впрочем, это выглядело вполне нормально, по-человечески, в лучшем, душевном смысле слова.

Шухлик ступал осторожно, стараясь не тревожить перебитую ногу Чиябури. Шакал часто и горячо дышал ему в ухо.

- Помилуйте, - прошептал он, - но не тот ли вы полудохлый осёл, которому я когда-то чуть не откусил хвост?

У меня особый прикус, и след его приметен.

- Тот, да не тот! - отвечал рыжий ослик, подходя к пруду.

- Утопите? - обречённо спросил шакал. Сгрузив его на берег, Шухлик покрутил хвостом в воде, вызывая выдру Ошну:

- Лежите спокойно! Здешняя медсестра перевяжет ногу водорослями и смажет целебной глиной. Через неделю будете прыгать, как щенок. Выздоровливайте, а мне пора!

Шухлик спешил взглянуть на свои деревья. Ещё издали он заметил, что все ожили, позеленели и покрылись бело-розовыми воздушными цветами. Вообще-то он наперёд знал, что так и будет. Просто верил.

Не на жизнь, а на смерть!

Войны бывают очень долгими. Например, известна Столетняя война. Вообще трудно вообразить, как это можно двум соседним народам воевать сто лет подряд - целый век. Однако воевали по глупости.

Мало того, есть случаи, когда воюет меж собой один и тот же народ, разделённый надвое только словами и мыслями. Такие гражданские войны - верх глупости.

Но всё-таки есть войны более или менее умные - освободительные! Против захватчиков.

И многие люди воюют сами с собой, пытаются освободиться от того, что им в себе противно, что захватило, поработило и не даёт житья. День изо дня сражаются, то проигрывая, то побеждая.

В общем-то это справедливые войны. Хотя они могут длиться всю жизнь, поскольку сложно раз и навсегда избавиться от мерзкого рабства. Часто оно уходит в подполье. А потом, едва расслабишься, начинает партизанить, мелко пакостить.

Победу нужно утвердить всем своим существом - душой и телом! Помнить каждую минуту, что ты свободен, что иного и быть не может, что ты - победитель во веки веков.

Вот уже целый месяц Шухлик бился не на жизнь, а на смерть с братцем-ленью.

Иной раз так не хотелось просыпаться ни свет ни заря, выходить из сада в пустыню на поле боя, но ослик принуждал себя усилием воли. Чтобы победить лень, надо показать ей свой характер, делать через "не хочу". А начинается всё с простых мелочей, которые должны стать привычкой, - например, чистить зубы по утрам и вечерам, убирать постель или делать зарядку, хоть порой и очень не охота.

Зато как радостно одолеть в себе то, что мешает жить! Сразу чувствуешь, какую огромную тяжесть уже сбросил с плеч, и понимаешь, что тебе по силам освободиться от других изъянов.

Шухлик стал опытным воином и не давал спуску Танбалу. Молотил его, крушил, рвал на мелкие клочки, раздувал пылью среди барханов. Танбал выглядел чахлым, хворым и квёлым, умолял простить и отнести в сад Багишамал к пруду, как больного шакала Чиябури.

Но на следующее утро, устроив коварные ловушки и засады, обернувшись летучей саранчой или сворой чёрных пауков, вновь поджидал Шухлика. Ослик поражался, как он мог раньше жить с подобной дрянью внутри, буквально душа в душу.

Шёл, кажется, тридцать седьмой день войны. Шухлик, честно говоря, сбился со счёта. Впрочем, и на этот день у него был готов план наступления. Ослик хотел заманить Танбала в зыбучие пески, откуда сам едва спасся.

Прискакав на окраину сада, Шухлик замер от неожиданности - в пустыне его поджидали трое. Рядом с Танбалом стоял Кайсар, братец-упрямец, похожий на старую жилистую корягу, усеянную шипами. А чуть поодаль - Бетоб, братец-больной, напоминавший жабу величиной с павлина.

Шухлик давно позабыл о них. И вот здрасьте! Выстроились, как три богатыря.

Лёгкое облачко сомнения и неуверенности окутало всего на миг голову рыжего ослика. Но подлый братец Бетоб, высунув длинный змеиный язык, сразу напустил на него кашель, чихание и ломоту в костях.

В былые времена этого хватило бы, чтобы Шухлик окон-чательно расклеился, почувствовав себя неизлечимо больным. Однако теперь многое изменилось - начиная с нержавеющей характера и кончая пятью личными деревьями в саду Багишамал. Ослик не терял веру в себя. Если и обронил на секунду, тут же поднял!

- Чихать я хотел и кашлять на вас! - крикнул он, заходя с того края, где ошивался битый-перебитый-измочаленный Танбал, принявший на этот раз вид варёной курицы, только что из бульона, - на большее уже не был способен.

Шухлик резво поскакал на Танбала, но перепрыгнул и неожиданно обрушился всеми копытами на шипа-стую башку Кайсара, расколов её, как трухлявый пенёк. Тут же развернулся и со всего маху лягнул Бетоба точно в нос, совершенно его расквасив.

Танбал закудаhtал от ужаса и снёс яйцо всмятку. Кайсар, ничего не видя и не соображая, крутился на месте, упрямо пытаюсь боднуть хоть кого-нибудь, кто подвернётся.

Тут и подвернулся слепо ковылявший Бетоб. Получив шипами по разбитому носу, он горестно квакнул и отскочил, угодив прямо в зыбучие пески. Ещё с минуту слышалось его хриплое кваканье, пока песок не сомкнулся над головой. Последним исчез длинный фиолетовый язык, извивавшийся над песком, будто ядовитое растение. А вместе с ним - кашель, чихание и ломота в костях у Шухлика. Как рукой сняло!

- Пере-пере! - кудаhtал Танбал, уворачиваясь от обезумевшего Кайсара. - Мирие!

Шухлик примерился и одним ударом, как дровосек колуном, расщепил Кайсара пополам. Братец-упрямец крикнул, будто старый дуб, сокрушаемый ураганом, и затих навсегда.

- До завтра! - крикнул ослик вслед Танбалу, который удирал, взмахивая варёными крылышками.

Вернувшись в Багишамал, Шухлик застал у пруда шакала Чиябури и дайди Дивана-биби. Они оживлённо беседовали на шакальском языке.

- Что это за имя такое дурацкое - Диван-биби? - тьявкали Чия-бури.

- Именно что дурацкое! - радостно соглашался дайди, тоже потявкая. - Понимаешь ли, шакалок, много лет назад у нас в доме был диван с колесиками. Я любил ездить на нём по улицам, приговаривая "би-би! би-и-б-и-и!", чтобы прохожие расходились. С тех-то давних пор меня и прозвали - Диван-биби.

- Я бы обиделся! - взвизгнул шакал.

- Представь, шакалок, и я, глупец, обиделся! - завыл дайди очень натурально. - Настолько, глупец, обиделся, что ушёл из дому.

Диван-биби посыпал свою лысую голову травой, которая сразу прижилась - даже несколько жёлтеньких цветочков распустились, - и продолжил:

- Долго бродил в одиночестве по свету. Но со временем понял: нет никаких обид в этой жизни! И нет ничего важнее самой жизни. Мы родились, чтобы жить, обретая добро и любовь. Примерно так, как пчёлы собирают мёд. Такое у нас задание. Если в душе добро, ты идёшь лучшими дорогами жизни и не лезешь в капканы, как некоторые, - не будем указывать пальцем, кто.

У Чиябури уже зажила нога, повязку сняли, и он стал прежним, настырным, вредным и приставучим шакалом.

- Добро, любовь, душа - какая-то тёмная заумь и сплошная дурь! - Очень неприятно оскалился он. - Ты, дедок, говори, да не заговаривайся! Кто такие "некоторые"? Укажи прямо пальцем!

- Это опасно - тыкать пальцем, - покачал Диван - биби зелёной шевелюрой. - Всякое может случиться!

Чиябури клацнул зубами:

- Ой-ой-ой, не надо пугать! Чем только в меня не тыкали! И всё нипочём! Эх, честно скажу, так хочется за палец тяпнуть! Впрочем, и ослиный хвост подойдёт! - покосился он на Шухлика. - Давненько не кусал.

- Не шали, шакалок, не то опять в историю влипнешь, - предупредил Диван-биби.

Однако тот подскочил к Шухлику и уже разинул пасть, собираясь-таки цапнуть за хвост. Дайди прошептал какую-то скороговорку, указывая пальцем на шакала, и в тот же миг он превратился в розовую свинью. Всё как полагается - пяточок, хвостик завитушкой!

- Ну, прекратите издеваться! - захрюкал Чиябури. - У меня же душа шакаля! Куда это годится - шакал в свинячьей шкуре?! В конце концов я сам себя искусаю до смерти.

- Смотри-ка, о душе заговорил! - усмехнулся дайди. - Катись ты со своей шакальей душонкой! - хлопнул он ладонями. - Чтобы духу твоего тут не было!

И действительно, свинья покатила-покатила по тропинкам, по дорожкам, меж деревьями, прочь из сада, хрюкая и твякая через раз, оборачиваясь постепенно шакалом. Только пяточок остался поросычий.

- Что же получается? - спросил Шухлик. - У Чиябури совсем нет света в душе?

Диван-биби, задумавшись, сорвал с головы цветочек, понюхал и обратно посадил.

- Есть, конечно, свет, да очень слабый, рассеянный. Хоть мы на шакала зла не держим и прощаем его неблагодарность, но пусть себе живёт, как знает, в своей пустыне. А в саду Багишамал ему делать пока нечего.

Дайди поднялся, и видно было, что он опечален. Даже цветочки на голове чуть привяли. Плотно запахнув полы халата, он пошёл к своей кибитке под платаном, напоминая издали засушенный красный перчик.

Шухлик подметал шакалий дух и думал, поглядывая вслед дайди: "Тот, кто долгие годы бродит по миру, у кого сад внутри и вокруг, должен многое знать и быть очень мудрым. А знания и мудрость живут, видимо, рядом с печалью, которая жжёт, как печка. Печаль мудреца - это, наверное, забота, волнение и хлопоты о тех, у кого в душе мало света".

День уже угасал. Света было не больше, чем в душе шакала Чиябури. Но уже появились звёзды и полная улыбка луны.

Шухлик навестил свои деревья. Погладил каждое и вдруг сообразил, что деревьев прибавилось. На два больше - не пять, а семь! Они чувствовали себя хорошо, хотя плодов покуда не давали. Ослик пошептал что-то ласковое, ободряющее и отправился спать.

Оставалось ещё три дня войны.

Танбал с утра поджидал на прежнем месте. Сидел на обломках Кайсара, почитывая газету. В очках и та-почках, в соломенной шляпе с петушиным пером он выглядел на редкость добродушным. Такой милый толстячок!

- Обещают на сегодня грозу с градом и молниями, - засопел он, увидев Шухлика. - Кстати, угадай, пожалуйста, слово из четырёх букв! Животное, обитает в пустынях, под угрозой исчезновения, занесено в Красную книгу. Есть "Л" и "Е"!

- Это мой предок, - ответил Шухлик. - Дикий африканский осёл!

- Как бы не так! - подскочил Танбал. - Слишком много букв - "дикийафриканскийосёл"! Это, прошу прощения, - "лень"! Из семейства оленей, вероятно. Такое милое животное лень, а под угрозой исчезновения! Очень обидно! Уже занесено, представь, в Красную книгу! Подумай, не ты ли виноват?

Танбал скомкал газету и запустил в Шухлика. Она просвистела, как пушечное ядро.

За газетой полетела шляпа. Яростно вращаясь и кукарекая пером, она неслась над пустыней, будто газонокосилка, - срезала по пути холмики и бугорки, кусты саксаула и верблюжью колючку. Ослик едва успел подпрыгнуть, спасая ноги.

А Танбал уже метнул сразу обе тапки и следом очки. Тапки порхали неровно, точно летучие мыши. Вверх-вниз, влево-вправо, - не уследишь! Только слышно, как скрипят - то ли гвоздями, то ли зубами. Им так хотелось вцепиться в ослика - кто вперёд! - что они столкнулись, не долетев. Кувырнулись в воздухе, шлёпнулись оземь и, униженные, расплозлись, пятясь, как раки.

Зато очки ослик прозевал. Незаметно подкрались. Прыгнули и оседлали нос, ухватившись дужками за уши. И стряхнуть невозможно! Какие-то особенно хитрые очки. Сквозь их стёкла Шухлик видел вроде бы лучше, чётче, но совсем не то, что происходило на самом деле.

Танбал показался отцом родным - заботливым и участливым. Хотелось обнять его и никогда не расставаться.

- Драгоценный мой, рыженький, золотой! - ворковал Танбал без умолку, заговаривая уши. - Я тебя ни в жизнь не брошу, не оставлю, не покину. Ненаглядный мой, мы всегда будем вместе. Иди ко мне, голубок! Отдохни на моей груди!

Пожалуй, перестарался братец-лень. Слишком приторной и длинной была его речь. Шухлик понял, что делать. Закрыл глаза, чтобы очки не обманывали, и пошёл вслепую на голос

Танбала. И вот, когда услышал совсем рядом его тяжёлое, сиплое дыхание, ударил наугад копытом. И попал!

Шухлик бил стремительно и точно, будто вовсе не копыто, а рыжая молния сверкала над пустыней.

- Вот тебе гроза! - приговаривал он. - Вот тебе град и молнии! Вот тебе лень из семейства оленей! Исчезни наконец проклятый!

- Всё-всё-всё! - завопил Танбал. - Сквозь землю провалюсь! В воду кану! В Красную книгу запишусь!

Шухлик плюнул и отправился домой с закрытыми глазами. Хорошо, что кукушка Кокку непрерывно куковала, как специальная звуковая маяк для слепых.

- Эй, дуралей, - послышалось сзади. - Мы ещё не весь кроссворд разгадали. Жду тебя завтра с большим нетерпением.

Ослик невзначай приоткрыл глаза, и сквозь чёртовы очки увидел перед собой страшную картину. Сад Багишамал стоял сухой и чёрный, без единого листочка, а в небе над ним зависла тяжёлая сизая туча, напоминавшая Танбала.

У Шухлика сердце оборвалось, хоть он и понимал, что это оптическое очковое враньё. Однако дальше шагал, не глядя, натываясь на деревья, продираясь сквозь кусты, оступаясь, пока не бултыхнулся со всего маху в пруд, перепугав сестричку выдру Ошну.

- Умоляю! - отфыркивался ослик. - Нужна срочная операция! Удали эти лживые стеклянные очки!

Ошне пришлось долго возиться. Очки держались намертво, будто лесной клещ. Медсестричка и зубами пробовала, и когтями. Чуть уши не отодрала.

- Есть одно средство, - сообразила она. - Набери побольше воздуха, нырни и сиди под водой, сколько выдержишь!

Шухлик так и поступил. Страшно сидеть под водой с закрытыми глазами, но ещё страшнее открыть: мало ли что привидится? Ослик просидел минуту, другую, третью. Наконец очки захлебнулись, отцепились и всплыли, прикинувшись на поверхности рыбьим пузырьём. Не долго думая, Ошна его проглотила.

А когда вынырнул счастливый Шухлик, сказала ему медово-строгим голосом, каким только очень хорошие медсестры разговаривают на медосмотре:

- Пожалуй, пора заняться твоим зрением. Даже обманные очки это показали! Если бы ты хорошо видел, они бы не смогли задурить тебе голову.

- Конечно, - согласился ослик. - Надоело, когда вроде видишь, а толком не поймёшь, что именно. Мои собственные глаза, а тоже любят поднаврать! Хотелось бы отучить их от этого.

- Дайди Диван-биби знает как, - улыбнулась Ошна. Распростившись с сестричкой выдрой, Шухлик

прогуливался по цветущему саду и беседовал со своими глазами:

Что вы, ребята, дурака валяете? Ну, даже странно! Вы же мои родные, и я к вам со всей душой. Зачем меня подводите? Вот, к примеру, вы говорите, что это фи́га, то есть фиговое дерево, а при ближайшем рассмотрении оказывается - липа. Разве так честно поступать? Нет, я вас, ребята, не упрекаю, но надо же совесть иметь. Глаза и на самом деле застыдились. Начали щуриться, подмигивать и слезиться, а потом вообще закрылись, и Шухлик вскоре заснул.

Он устал от этой войны - не на жизнь, а на смерть. Скорее бы она, проклятая, кончалась!

Ему приснились всадники в латах, все, как один, на белых ослах. Они скакали-скакали незнамо куда по пустыне. Потом взлетели, выстроились клином и врезались в сизую грозовую тучу. Засверкали молнии, хлынул плотный ливень с градом. Шухлик проснулся мокрый от дождя.

Когда он вышел из сада, пустыня предстала перед ним особенно скучной, тусклой под бледными низкими облаками, сильно пустынной. Никого до самого горизонта. Может, Танбал уже сдался, утёк без следа под ночным ливнем? Да не тут-то было!

- Поговорим как мужчина с женщиной, - послышалось знакомое пыхтение. - Во-первых,, будем считать нынешний день за два! Сегодня или никогда! Это наша последняя

схватка! Во-вторых, то же самое, что и в-третьих, а именно ни-че-го. Попробуй одолеть "ничего"!

Шухлик осмотрелся. Пусто вокруг. Действительно, ничего! Даже сад Багишамал растворился в тумане. И ослик вдруг вспомнил свою прежнюю полужизнь-полусмерть рядом с чёрным гудящим столбом.

Его охватил ужас. Хотел уже поскакать в сад к своим деревьям, но померещилось, будто невидимый Танбал примеривается на-всегда оседлать его.

Шухлик остановился. Вновь огляделся - и повеселел.

Глаза его, пристыженные накануне, видели не так уж мало. Влажный песок под копытами. Вот ползёт жук-скарабей, отделяя песчинку от песчинки. Маленькая ящерка, высунувшись из норки, кивает кому-то головой. По стволу саксаула проложили бесконечную тропинку чёрные крохотные муравьи. Завис под облаками, едва заметно мельтеша крыльями, знакомый жаворонок Жур.

А на горизонте - стадо носатых сайгаков с вожаким Окуйруком, кажется не крупнее муравьев. И совсем ничтожный плетётся за ними шакал Чиябури, нос свиным пяточком.

Да разве это пустыня, когда столько в ней жизни? Разве может быть "ничего"? В любом "ничего" своё житьё-бытьё, которое посылно, если не разглядеть, то ощутить и понять душою, коли очень захочется.

Единственное подлинное "ничего" - всё то, что тебе неинтересно или противно, то, что ты не хочешь видеть и понимать. Вот это для тебя натуральное "ничего"! Зачем с ним бороться? Просто отвернись да иди своей дорогой.

Так Шухлик и поступил. Танбал перестал для него существовать, умер. И пыхтение его рассеялось в воздухе, как дождевая пыль.

"В общем, в сражениях на войне нужны не только копыта, - улыбался рыжий ослик, спеша вприпрыжку к саду. - Не обойтись без пристального взгляда из умной головы!"

Конечно, трудно назвать это открытием. Но именно такой победоносной мыслью завершилась сорокадневная война, которая шла, как известно, не на жизнь, а на смерть.

Хвост, четыре копыта и семь гранатов

Вернувшись в Багишамал, небо над которым было бирюзово-ясным, Шухлик напрямик отправился к своим деревьям.

Он ожидал и верил в это, но всё же так обрадовался, что сплясал буйный танец испанских быков. В его маленьком саду вызревали первые плоды!

Шухлик уселся на лужайку и попытался сосчитать. Несколько яблок. Немного больше груш. Вишен десятка три-четыре. И шесть гранатов на двух последних деревьях. На одном - три. На другом - два. А всего

шесть.

Ослик призадумался. Ох как ему нравилось думать! Как нравилось считать! А как чудесно сидеть на лужайке под деревьями, выросшими и внутри тебя и вокруг.

"Значит так, - соображал Шухлик. - Если на одном дереве три граната, на другом - два, а всего их почему-то шесть, то ещё один гранат, вероятно, задержался в моей душе или в голове. Я знаю, что он есть, но пока не смог поместить на дерево. Вот и вся задача!"

Он поглядел на гранатовые деревья: точно, теперь по три штуки на каждом! Но всего-то, почувствовал он, должно быть семь!

Ослик прошёлся на задних ногах, потом - на передних. И вдруг понял, что очень ноет, стынет и жжёт переднее правое копыто. Как раз то, которому выпало располосинить Кайсара. Наверное, укололось

шипом.

В сравнении с плодоносящим садом это, конечно, чепуха, но всё же мешает. На войне копыто вело себя достойно, терпело и не жаловалось. А теперь, когда Шухлик расслабился и отпустил боль, она тут как тут, будто высунулась в окошко и кричит: "Пожар!"

Прихрамывая, ослик поковылял к пруду, надеясь на медсестричку выдру Ошну. Чем-нибудь смажет да перевяжет...

На берегу шло праздничное чаепитие по случаю окончания войны.

Дайди Диван-биби попивал зелёный чай из бирюзовой, как небо, пиалы. Вокруг восседали еноты-полоскуны, дядюшка Амаки, тушканчик Ука и фокусник Хамелеон. Из воды высунулась сестричка Ошна. У всех по пиале и кубуку рахат-лукума.

Особенно важничали еноты - нежно и деликатно покусывали рахат-лукум, отчего носы их покрылись белой пудрой, и шумно прихлёбывали чай. Старались перешуметь друг друга. Поглаживали животы, отдувались и закатывали глаза к бирюзовому, будто пиала, небосводу, показывая, как им небесно-хорошо.

- Поздравляю, драгоценный садовник! - воскликнул дайди. - С первым урожаем и великой победой! Сожалею, что не обошлось без ранения. Но это дело поправимое - присаживайтесь рядом.

Шухлик поморщился от боли:

- Да, всё прекрасно. Спасибо! Хотя моё правое копыто совсем не право! Плохо себя ведёт. Разнылось, будто десять зубов разом! Тьфу!

- Погодите! - прервал его Диван-биби. - Вы что ли сороконожка? Если не ошибаюсь, у вас всего-то четыре копыта, не считая хвоста! Зачем же на них плевать? А это раненное в бою, переднее правое, вообще не заслужило такого отношения. Оно отважно шло впереди! Ему орден положен! Памятник при жизни! Как героически сражалось оно с Кайсаром, невзирая на острые шипы. О, доблестное копыто! Сочините хотя бы гимн в его честь!

Шухлику показалось, что прославленное, вознесённое до небес копыто немного затихало, нежась от похвалы. Не ныло, как прежде, а мурлыкало, будто кошка Мушука. Ослик поглядел на него благодарно и о ощутил, что холод и жжение сменяются теплом и лёгким приятным покалыванием.

- Какой молодец, - подмигнул дайди. - Всё ловишь на лету, как фокусник Хамелеон комаров да мошек.

Закрыв глаза, Шухлик послал храброму копыту волну любви. Он чувствовал, как эта целебная волна покатила от самого сердца, через подмышку и, достигнув копыта, обволокла его, успокаивая, баюкая, словно младенца.

Да, у ослика было такое безоблачное настроение после победы на войне, что копыто быстро всё поняло и пошло на поправку.

- Не забывай, дорогой садовник, ты - хозяин четырёх копыт и хвоста, - нащёптывал Диван-биби.

Более того, господин всего своего тела. Следи и ухаживай за ним, как за садом.

Шухлик улыбался, вспоминая плоды на семи деревьях, и правое переднее копыто улыбалось, кажется блаженно, сквозь дрему, и почёсывалось, что говорило о скором выздоровлении.

"Вера в свои силы не только на войне помогает, - думал рыжий ослик. - Вера лечит, исцеляет, не хуже повязок медсестрички Ошны".

- Конечно, - кивал дайди. - Поверь старому вояке, твоя вольная душа командует всем телом, как генерал армией. Но генерал должен быть мудрым и заботливым, вроде известного полководца Суворова. Тогда каждый солдат - жив-здоров, весел и знает, что не оставят его в беде. В пустыне не пропадёт, в море не утонет, в горах не разобьётся.

А в голове Шухлика всплыл вдруг старинный завет, ровесник древнего платана:

"Если имеешь веру с горчичное зерно, скажи горе: "Иди!" И гора придёт".

"На что мне гора? - размышлял ослик. - Да и не буду я ей приказывать, у неё, наверное, свои начальники! А вот копыто мне, действительно, подчиняется. Эй, стойкое копыто, слушаешься меня?!"

"Так точно!" - отчеканило по-солдатски правое переднее.

А потом, замявшись, будто спотыкаясь, добавило: "Об одном умоляю: почешу!"

Чаепитие между тем закончилось. Еноты полоскали носы и посуду.

- Навсегда запомни, в каком счастливом расположении духа общался ты с больным копытом! - сказал, откланиваясь, дайди. - Пригодится в будущем!

Да как не запомнить, когда в этот день и война кончилась, и сад принёс первые плоды!

Шухлик почти не хромал по пути к своим деревьям, но всё же оберегал мужественное копыто. Зато позабытый на время хвост вёл себя как хотел - крутился, точно полоумный, хлопал по бокам и норовил дотянуться до ушей.

"Ладно, побалуйся пока", - разрешил ослик, считая гранаты.

На одном дереве - три. На другом - четыре. Правильно, всего семь. Как и было задумано.

Нло - неопознанный летающий осёл

На закате дня прискакал тушканчик Ука и передал приглашение от Дивана-биби, который звал ослика вместе с его маленьким садом в гости к платану.

Шухлик не знал, способны ли его деревья отправиться в гости. Они не говорили ни "да", ни "нет".

- Ну, если вдруг надумаете, дорогу найдёте! - сказал Шухлик уходя.

- Могу проводить, - предложил Ука, услышав краем длинного уха нечто о дороге.

И, не дожидаясь согласия, поскакал рядом, как маленькая карикатура на осла-лилипута. Видно, ему очень хотелось рассказать по секрету что-то эдакое, о чём сам недавно узнал.

Тушканчик подпрыгивал к ушам Шухлика и успевал шепнуть два-три слова. Приземлившись, сразу готовился к следующему прыжку, но забывал, к сожалению, на чём остановился. Поэтому история Уки напоминала то ли книжку с выдранными страницами, то ли телеграмму.

- Чудесная сила Дивана-биби... - начал он бодро. - Это такая сила - всё может... От сорных трав и колючек... Одним своим словом... Искал уединения в пустыне... Воткнул свой посох... Открылся родник...

Здесь поставил кибитку... Пришёл белый осёл...Твой дедушка... Они скитались... По воздуху... Летали!.. Людоеды!.. Платан!

В конце концов тушканчик Ука совершенно запыхался и отстал, оставив невероятную кашу в голове ослика.

Уже смеркалось, когда Шухлик подошёл к платану. Под его густой кроной было светло. Вроде бы сам ствол лучился. И листья тихо-тихо, едва слышно позванивали, будто часы, отмечавшие каждую секунду.

"Какое-то позвоночное дерево", - подумал ослик.

"Чи-на-ра-чи-на-ра, - так тикал платан, вбирая в себя время. - Чи-на-ра-чи-на-ра".

Дайди стоял, прилепившись плотно к стволу, как ночная багрянокрылая бабочка-парвона. Казалось, спит стоя, общаясь в то же время с деревом.

- Да, этот платан как стержень, на котором держится весь сад Багишамал, - промолвил он, не открывая глаз. - Садовый позвоночник! А вашему садику, любезный, пока не хватает стержня. Он милое дитя, но бесхребетное, поэтому не может идти за вами. Впрочем, всему своё время. Или, как говаривал ваш дедушка, всякому фрукту свой овощ.

- Опять дедушка? - покачал головой Шухлик. - А где же бабушка?

- Трудно сказать, - вздохнул Диван-биби, присаживаясь. - Дедушка был молчуном. Красивый белый осёл по имени Буррито. Родом из Испании. Он участвовал там в гражданской войне, на которой потерял дар речи. А потом улетел в наши края. Тут-то мы с ним и повстречались!

Шухлик развесил уши - одно с другим в этом рассказе никак не сходилось. Даже у тушканчика было понятней! Если дедушка потерял дар речи, то каким, простите, образом высказывался о фруктах и овощах? И на чём летел из Испании? Билет, что ли, купил на самолёт?

- Какой острый ум! - воскликнул дайди. - Настолько острый, что, как иголка, прошивает материю насквозь, не замечая, увы, сути. Неужели стоит обращать внимание на всякие пустые мелочи, когда речь идёт о вашем родном дедушке? Впрочем, в те далёкие годы я тоже был довольно глупым молодым человеком и не знал, что некоторые ослы замечательно летают. Какие там самолёты? Ваш дедушка Буррито носился в небе, как неопознанный объект! Мы посетили сотни стран! Проснувшись у меня в кибитке, мы завтракали на гавайских островах, посреди Тихого океана!

Диван-биби поднялся и, взволнованный, обежал три раза вокруг платана.

- Хотел бы я иметь такого дедушку! - сказал он, вернувшись в слезах.

- Осла?- не понял Шухлик.

- А кто, по-вашему, лучше: дедушка-осёл или осёл- дедушка?

Шухлик отчаянно задумался. В этом вопросе виднелась какая-то заковырка, вроде занозы, и не хотелось ударить в грязь лицом.

- У меня ни того, ни другого не было, - признался он. - Если не считать хозяина Дурды, которого я уже простил - и как дедушку, и как осла.

- Однако мы отвлеклись, - заметил дайди, прислушиваясь к дыханию засыпающего сада.

Потом внимательно посмотрел на Шухлика, будто определял, созрел ли рыжий ослик для его рассказа. Поймёт ли? Поверит ли?

- Как много неверующих в этом мире! - огорчённо всплеснул он руками. - Живут одним разумом, а то, что туда не помещается, отвергают. Их души, способные вырастить сад, дремлют без дела. Отсюда все горести и печали!

Дайди снова присел под платан и нахмурился:

- Вот и мой родной дедушка Олим, большой учёный, никак не верил, что осёл Буррито умеет летать. Тогда я предложил ему усесться позади меня, но не открывать глаза во время полёта. Ещё хорошо, что с двумя седоками Буррито не мог подняться за облака.

Мы устремились к океану примерно на той высоте, где порхают мелкие птички, вроде воробьев. К несчастью, мой упрямейший дедушка любил, как говорится, всё потрогать пальцем. Мало ли что ветер свистит в ушах, а ноги болтаются, не доставая земли? Наверняка, это какой-то фокус, надувательство!

Словом, огляделся дедушка и тут же свалился с ослиной спины, угодив именно на тот гавайский остров, где людоеды скушали знаменитого адмирала Кука. Получив неожиданный подарок с неба, они, не мешкая, развели костёр, а дедушку Олима привязали вот к этому самому дереву.

Дайди кивнул на платан. И он зазвенел громче, будто извиняясь каждым листочком, что вырос среди людоедов.

- Неужто сожрали?! - ахнул Шухлик.

- Не всё так быстро! - ответил Диван-биби. - Людоеды не совсем уж дикие. У них тоже свои порядки и правила. Они хотели приготовить моего дедушку, соблюдая все старинные рецепты. Для людоедов - что учёный Олим, что адмирал Кук - безразлично! Главное, приправа. Пока они старательно перетирали какие-то корешки и травки, мы с Буррито кружили над островом, думая, как выручить дедушку.

Шухлик нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ожидая услышать окончание. Сердце его замирало. Он так живо представлял обречённого на съедение дедушку, ощущал запах костра и острый аромат приправы! Ему казалось, что он сам, рыжий ослик, привязан к дереву, а вокруг кровожадные рожи.

- Но почему бы не договориться? - пытался убедить себя Шухлик. - Обменять дедушку Олима на картошку или бананы!

- Увы, напрасны переговоры с голодными людоедами! - пресёк его надежды Диван-биби. - Ничего не хотели в обмен. Твой дедушка, бесстрашный осёл Буррито, даже себя предлагал! Но людоеды нас осмеяли. "Мы же не ослоеды!" - орали они, стараясь между делом сшибить меня камнем.

Дивана-биби тоже, видимо, разволновали воспоминания.

- Собрал я все свои силы, всю свою веру! - возвысил дайди голос. - Крошку за крошкой, крупицу а крупицей, как в голодный год подбирают последние колосья с поля! И громко приказал дедушке Олиму подняться в воздух и следовать за нами. Но его так крепко привязали, что взлетел он вместе с платаном, лишив людоедов не только обеда, но и священного дерева.

- У-ф-ф! - отдышался ослик. - Какой счастливый конец!

- Пожалуй, это только начало, - улыбнулся Диван- биби. - Как видишь, платан укоренился рядом с моей кибиткой, став стержнем, или позвоночником, будущего сада Багишамал.

Дайди провёл рукой по стволу и легонько постучался, как в дверь гостеприимного дома, где ему всегда рады. Показалось, что дерево признательно вздохнуло, как огромная собака, которую хозяин погладил и почесал за ухом.

- Кстати, учёный дедушка Олим так и не поверил в летающего осла! - рассмеялся Диван-биби. - А людоедов на гавайском острове принял за кошмарный сон, хотя я подарил ему верёвку, которой его привязали к дереву. "Да мало ли что за верёвка! - возмутился дедушка. - Что она доказывает? Уверен, это лженаучная верёвка!" Ему так легче жилось. Когда ничего не перечило его любимой науке, дедушка Олим чувствовал себя вполне счастливым. У каждого своё счастье, как и своя лень. Как говорится, кому счастье, а кому ненастье!

Диван-биби погрузился, будто над головой его задержалась тучка, а лицо занавесил дождь.

- Знаешь ли, когда хоронили дедушку Олима, мир его праху, - поклонился дайди земле, - я увидел высеченные на могильных камнях годы жизни усопших. И глазам своим не поверил! Получалось, что на кладбище - одни младенцы и дети, не старше десяти лет!

Что же стряслось в этом маленьком селении? Эпидемия? Землетрясение?!

"Бог с тобой, внучок, - отвечала мне бабушка. - Какие младенцы? В наших местах все долгожители. Твоему дедушке Олиму исполнилось девяносто девять! А теперь погляди, что выбито на камне, который он сам приготовил незадолго до смерти!"

Я слова не мог вымолвить и стоял ошеломленный. "Здесь нет ошибки, - вздохнула бабушка, опираясь на мою руку. - У нас в кишлаке такой старинный обычай - на могильных камнях выбивают только годы, прожитые в счастье. Вот видишь, у дедушки Олима за девяносто девять лет жизни набралось семь счастливых. И это не так уж и мало! - закивала она головой. - У многих, посмотри, всего - го несколько месяцев полной и радостной жизни. А всё остальное время - какая-то пустота, непонятно что. Так, существование!"

Когда мы возвращались с кладбища, пели птицы, стрекотали цикады, цвели деревья, налетал свежий ветерок, и мир был переполнен жизнью. Тогда я сказал себе, что каждый миг этой жизни, горестный или весёлый, - всё равно счастье!

Моя маленькая бабушка шла рядом, держа меня под руку, и тихо улыбалась. Я понял, что она вспоминает дедушку Олима. Видит его лицо, слышит его голос. "Он часто рассказывал о полёте на белом осле! - посмотрела на меня бабушка снизу вверх светлыми глазами. - О людоедах, о возвращении на платане! Нет-нет, он ни во что так и не поверил, но говорил, что это был один из самых счастливых дней его жизни.

Представляешь! - хохотал Олим. - Нас, вероятно, принимали за НЛЮ! А я всегда утверждал, что никаких НЛЮ не существует в природе! Всё это атмосферные явления - игра облаков и преломление солнечного света. Как, впрочем, и сам белый осёл! - Бабушка всхлипнула. - Да я с ним и не спорила. О чём, внучок, спорить-то, когда у меня на заднем дворе в покинутой летающей тарелке - оранжерея с одного бока, а с другого - курятник. Олим бывало удивлялся, какие яйца наши куры несут, не меньше страусиных. Любил он яичницу". - И бабушка, обняв меня, горько заплакала.

Много ли, думал я, наберётся счастливых дней у моей бабушки? Возможно, и не так уж мало! Она всю жизнь любила дедушку Олима. И до сих пор любовь в её душе. А где любовь, там счастье рядом...

Дайди Диван-биби дунул, и тучка, что висела над его головой, рассеялась. Он огляделся, будто проверял, все ли на месте, и подмигнул рыжему ослику:

- Так что, уважаемый садовник, ваш дедушка Буррито был неопознанным летающим ослом! Короче - НЛЮ! По-моему, хорошая, достойная судьба. Мы с ним дружили много лет. И этот богатырский платан любил его, как сына. Верно?

И дайди запрокинул голову, прислушиваясь к мелодичному листовому перезвону. Как будто некто невидимый в обширной кроне платана тихо перебирал нежные струны.

Огромная Секунда жизни

- А он был счастлив? - спросил Шухлик. - Мой де душа.

Дайди подвёл его к холмику, заросшему белыми лилиями.

- Вот здесь покоится Буррито - один из самых счастливых ослов в мире. До конца дней своих он летал, как птица. Даже когда совсем одряхлел, перемахивал потихоньку с ветки на ветку, забираясь на вершину платана, откуда подолгу любовался садом и окрестной пустыней. Ты можешь гордиться таким ослом-дедушкой!

Шухлик понюхал белые лилии.

Они едва заметно трепетали - вот-вот вспорхнут и разлетятся по ночному саду, как светлячки.

"О, как прекрасно парить в воздухе, глядя на звёзды! - мечтал рыжий ослик. - Или мчаться, взмахивая ушами и крутя хвостом, по крутому небосводу к восходящему солнцу! Жалко, что мы с дедушкой Буррито не знали друг друга. Возможно, он научил бы меня летать!"

Диван-биби потрепал Шухлика по спине:

- У вас есть много общего. Если ясно представишь себе, каким именно хочешь стать, - всё обязательно получится! Ты знаешь, любезный, что такое счастье?

"Может быть, - рассудил ослик, - счастье - это когда все хорошие части вместе, - душа, и разум, и тело. Ты цельный, но ощущаешь себя маленькой частью громадного мира. Ни ты без него, ни он без тебя!"

Так Шухлик подумал, но высказать постеснялся - слишком заумно и туманно.

Однако дайди всё равно услышал.

- Почему бы и нет? На счастье множество взглядов. - И он широко развёл руки, показывая, сколько. - Для кого-то это - просто покой, довольство и благополучие. Жизнь без горя, смут и тревоги. Для одних счастье дороже любого богатства. А другие считают, что только в богатстве и есть счастье. Ищут его, дурацкое своё счастье, за горами, за морями. Хотя, если честно, оно совсем рядом - в наших душах.

Дайди заглянул Шухлику в глаза, будто проверяя, как там, на ослиной душе, есть ли признаки счастья.

- Истинное счастье - это радость от каждой секунды жизни! - вдруг подпрыгнул дайди, словно кузнечик. - Радость, которая в тебе самом и вокруг тебя, как сад Багишамал. А платан, слышишь, позванивает, отсчитывая секунды твоей жизни, то есть твоего счастья.

И они постояли молча, прислушиваясь к этому тихому листовенному перезвону.

О, как быстро убегают секунды жизни! Точно так же, как и секунды счастья! Хотелось бы растянуть, прочувствовать каждую. Разглядеть её со всех сторон.

Ах, сколько же на самом деле счастья в крохотной секунде! Она переполнена им и вот уже раздувается, как прозрачный воздушный шар.

Огромный шар, в котором виден весь мир, вся Вселенная!

Шухлик только моргнул, как очутился внутри этой счастливой секунды.

Он скакал по саду Багишамал, и прыжки его были невероятной длины. Ослик едва касался копытами травы.

Почти летел. Он взмывал над цветущими деревьями, и аромат обволакивал душистыми облаками.

Из одного в другое переносился он, определяя по запаху, какое дерево внизу, - яблоня, персик, гранат или груша. Поднималось солнце, и лепестки набирали цвет. Белые становились белее, а розовые - розовее.

Казалось, от восходящего солнца расходятся по всей земле тёплые и нежные переливы пастушеской свирели, ласкавшие Шухлика как морские волны, накрывавшие с головой восторгом. Он и не заметил, как начал подпевать. "И-и-и-а-а-а! - вторил он свирели. - И-а-и-а-и-а!"

И птицы, очнувшись ото сна, подхватили на разные голоса - так что всё бирюзовое небо с прозрачной луной быстро наполнилось, как хрустальная пиала, чистыми звуками утра.

Шухлик перемахнул пушистые кусты застенчивой мимозы и опустился у водопада с фонтаном, которые он сам устроил в саду. Воды, падающие сверху и прыгающие снизу, посередине сталкивались, образуя невероятное завихрение, окружённое ярким колесом радуги.

Ослик ступил в фонтан. Его сразу подняло и закружило, как мохнатый мячик.

Вода сверху, и вода снизу! Упругие струи уносили остатки тревог, обид и сомнений. Живая вода струилась сквозь Шухлика. Всё тело его - каждая мышца, каждая клеточка от ушей до хвоста и копыт, - всё черпало из этого бурлящего, будто смеющегося, потока безмерную силу и бесконечное движение.

Сама душа рыжего ослика резвилась тут, как золотая рыбка. Она ныряла, кружилась в этой живой воде, словно неугомонный пузырёк воздуха.

Это могло бы продолжаться вечно, поскольку, как говорят, вода - наш первый дом. Все вышли из воды. И Шухлик наконец выпрыгнул на лужайку, отряхиваясь так, что вокруг заплясали, как стрекозы, сотни маленьких весёлых радуг. Понятно, радость и радуга всегда рядом! Они как яйцо и курица, - неизвестно, кто появился первым...

- Какой красавец! - раздавались птичьи голоса. - Поглядите-поглядите - золотой ослик!

"Неужели это обо мне?" - подумал Шухлик, поглядывая на свои бока и копыта.

Действительно, они стали буквально золотыми и мягко сияли на солнце, отбрасывая блики на траву и на деревья.

Кукушка Кокку, как заведённая, прямо-таки захлёбывалась от восхищения, сбиваясь на кудахтанье:

- Отку-ку-ку-да-х ты, ку-ку-диковинный ко-ку-ку-ролевич?! Из ка-ку-ких ку-ку-краёв?

Даже гордые павлины кивали головой фазанам, соглашаясь:

- И правда - чудо природы! Настоящий золотой ослик! Хотя есть сходство со здешним Шухликом.

Прозрачная луна парила в небе, напоминая тень славного белого осла Буррито. Она звала: лететь, лететь!

И Шухлик так неожиданно легко и просто поднялся в воздух, будто сад Багишамал подтолкнул его, подбросил, как пушинку, вверх - в лазурное, залитое солнцем небо. Хвост с кисточкой стелился по ветру, и в ушах пели-звенели тугие потоки. Да и сам ослик посвистывал и кричал во всё горло.

С чем сравнить счастье вольного полёта? Только со счастьем свободной жизни!

Дедушка Буррито мог бы гордиться внуком!

Сверкая, как золотой луч, Шухлик мчался в небесах. Над розовым садом, над жёлтой пустыней, над маленькими селениями и большими городами. И люди, случайно поднявшие голову, никак не могли понять, что это за явление природы - свистящее, проворное, с копытами, хвостом и длинными ушами. Может, такая странная комета?! Чего только не бывает в этом мире!

Кувырнувшись, взбрыкивая ногами, Шухлик нырнул, как в воздушный пруд, в пышное кучевое облако - тихое и чуть-чуть мокрое. Каждой каплей оно нашёптывало речные и морские сказания о русалках, о водяных, о добряках-дельфинах, о спрутах, осьминогах и китах. Облаку хорошо в небе, а думает оно о земле, куда рано или поздно вернётся дождём.

Омытый облачной влагой, ослик полетел дальше. Впереди показалась горная гряда. На вершинах - ослепительный снег. А повыше, почти касаясь белых пиков, зависли чёрно-фиолетовые грозовые тучи. Они наливались багряным светом. И вдруг вспыхивали стремительно, будто пронзали небо сияющими кинжалами и саблями.

Гроза разошлась не на шутку, беспрестанно полыхая, ударяя по горам короткими и длинными разрядами. Вроде азбуки Морзе - точка, тире, тире, точка. Похоже, что тучи звали к себе золотого ослика, приняв его за одинокую, заблудившуюся молнию.

Шухлик, приблизившись к грозе, ощутил её невыносимую мощь, которую она, наверное, долго копила, а теперь раздавала направо-налево. И сам ослик, распушившись, будто золотой одуванчик, впитывал это грозное небесное могущество. Пожалуй сейчас, он смог бы сдвинуть горный хребет или расколоть его, как грецкий орех, надвое.

Внезапно среди туч и мелькания молний Шухлик заметил райскую птицу. Да нет - чудесную осьми-крылую ослицу, купавшуюся в грозе!

О, как она стройна и грациозна! А перья восьми её крыльев, как драгоценные камни - алмазы, рубины, сапфиры, изумруды, - переливаются и лучатся!

Каждый любит на свой манер - кто глазами, кто ушами, кто губами или руками. А Шухлик любил носом. Ещё в детстве он полюбил корову Сигир, потому что от неё замечательно-уютно пахло парным молоком, свежей травой и сеном. И вот теперь влюбился без памяти в осьмикрылую ослицу, которую давным-давно замечал на небе среди звёзд.

Ах, до чего тонкий и острый, изящный и призывный аромат исходил от ослицы! В нём перемешались удары грозы, рокотание грома, бурные порывы ветра, дыхание пустыни и лугов, прохлада горного воздуха и бодрость океанской волны.

И сердце Шухлика мгновенно озарилось любовью, так что из него посыпались во все стороны маленькие булавочные молнии. В голове стало просторно, как в бесконечной степи. И открылилась душа.

Он устремился к ослице. Но она исчезла - нигде не видать! Возможно, оседлав молнию, скатилась на ней в горы? Или умчалась к звёздам, уже проступавшим на закатном небе?

Оставив позади утихающую бурю, Шухлик медленно поплыл на спине, выискивая созвездие Крылатой ослицы. Он знал, что непременно встретится с ней - не сегодня, так завтра!

Едва шевелясь и грезя наяву, всматриваясь в огни городов и тьму пустыни, вернулся золотой ослик к саду Багишамал, и потихоньку, круг за кругом, опустился на лужайку, где росли семь его деревьев. Ах, нет! Уже восемь! В центре, как стержень, как позвоночник нового сада, появился платан-подросток! Очевидно, внук платана-исполина, который отсчитывает секунды жизни.

Вокруг лужайки, освещенной светлячками, сидела целая компания музыкантов. Лучше сказать, струнно-духовой оркестр. Четыре енота с флейтами. Сурок дядюшка Амаки с толстенной трубой, в которую он смог бы заползти без труда, как в нору. Тушканчик Ука, едва удерживающий скрипку. Фокусник Хамелеон с однострунной балалайкой. Томная выдра сестричка Ошна, прильнувшая к арфе. А ещё кукушка Кокку, дикобраз Жайра с губной гармошкой, петух Хороз со своим фальцетом, павлины, группа цикад и несколько древесных лягушек.

Кукушка взмахнула хвостом, и оркестр заиграл довольно стройно старинный испанский танец сарабанда. Верно, давно разучивали.

Шухлик в золотом камзоле, будто король всех на свете ослов, перебирал в такт копытами, хоть сроду не слышал этот танец. "Наверное, и это наследство от дедушки Буррито!" - думал он, глядя на звёзды.

И вот одно из созвездий дрогнуло, поколебалось в небе и в мгновение ока очутилось на земле, рядом с Шухликом. Прекрасная крылатая ослица!

- Позвольте! - поклонилась она. - Белый танец! - И глаза её лучились, как изумруды. А крылья, сложенные на спине, напоминали подвенечное платье.

Они кружились и кружились - золотой и осьми-крылая. С деревьев гулко падали оземь спелые плоды. И так же гулко билось сердце Шухлика, считая секунды счастья. Он был на седьмом небе, где, как говорят, счастье рождается.

Незаметно музыка утихла. Сколько ещё времени они стояли и смотрели друг на друга - неизвестно. Ослица улыбнулась, взмахнула крыльями, расплёскивая лунный свет по лужайке, поднялась над садом Багиша-мал и растворилась в звёздном небе.

А под ноги Шухлику медленно-медленно, будто танцуя сарабанду, опустилось изумрудное перо. Золотой ослик поднял перо, пристроил его за ухо и очутился под древним позвоночным платаном рядом с дайди Диваном-биби.

- И всё это за секунду? - спросил он, провожая взглядом тот прозрачный воздушный шар, из которого только что вышел. - Столько радостной жизни?

Дайди оглядывал его с головы до хвоста.

- Посмотрите-ка, каков фрукт! - зацокал он языком. - Был рыжим, а стал золотым, глазом не успел моргнуть! Запомни навсегда, что ты пережил за полную секунду счастья. В твоей жизни миллионы таких секунд! И постарайся, чтобы другие были не хуже этой. А если выпадут тяжёлые секунды, принимай их без уныния - они мелкие, как песчинки. Огромная секунда счастья - вот что такое наша жизнь!

Платан над ними мерно позванивал, и откликнулся из сада его внук-подросток, укоренившийся среди деревьев Шухлика.

Новое

превращение

Сад Ворона

- ЗОЛОТОЙ МОЙ, - прищурился Диван-биби. - А что это у вас за ухом? Неужто изумрудное перо?!

Шухлик потупился, застеснявшись:

- Да, перышко, подобрал под деревом...

- О, я хорошо знаком с осьмикрылой ослицей! Она гостила в моём саду! Но редко кому удаётся её увидеть. - И Диван-биби заглянул ослику в глаза. - Да, золотой садовник, похоже, ты влюблён?!

И Шухлик сразу до того покраснел, что стал червонным.

- Ну, как же в неё не влюбиться?! - всплеснул руками дайди. - Она чудесна, волшебна! Имя её Ок-Тава.

- Ок-Тава, - повторил ослик. - Она прекрасна. Диван-биби согласно кивнул.

- Однако знай: Ок-Тава ветренна и непостоянна! Чтобы удержать её, надо всегда помнить о ней, ухаживать и оберегать в своей душе. Только так покоришь сердце крылатой ослицы! Останется с тобой - И вы будете счастливы, и ты сможешь всё в этой жизни. Если действительно полюбил, отдай ей всё лучшее, что есть в тебе.

- А что именно? - наострил уши золотой ослик. - Что у меня лучшее?

- Может, записать? - улыбнулся дайди. - Вспомни радость прощения! Радость освобождения от трёх "3"!

Радость победы над ленью! Радость исцеления копыта! И вообще радость от огромной секунды жизни! Собери в букет и подари. От такого букета самая расчудесная ослица не откажется. Ну, попробуй!

Шухлик, вспоминая все свои радости и складывая их вместе, стебель к стеблю, вдруг преобразился и засиял, как восходящее солнце. Диван-биби даже прикрыл глаза рукой.

- О, какая роскошь! - воскликнул он. - Мир ещё не видел такого богача! Ты, золотой садовник, самый завидный жених! Храни пока этот букет, не теряй ни листочка. Но если попросят, раздавай без сомнения! Эти радости вернуться к тебе втрое радостнее!

Казалось бы, всё правильно! Бесспорно. Шухлику очень бы хотелось поверить до конца словам дайди. Но постепенно его одолели ужасные, мучительные сомнения. Таких он не испытывал со времён первого сражения с Танбалом.

"Диван-биби мудр, много знает и всё понимает, - размышлял Шухлик. - Но в этом случае, наверное, ошибается. Разве может такая волшебная звёздно-крылая ослица принять от какого-то ослика-садовника букет его скромных радостей? Навряд ли! А если и примет, то из жалости!"

Шухлик всё больше угнетался и уничижался. Неуверенность словно хлестала его кнутом и колола острой палкой в загривок, как когда-то Маймун-Таловчи, да будет свет в душе его!

Золотой ослик день и ночь страдал от любви к дивной ослице. Не мог оторвать глаз от её изумрудного пера. И думал, думал, чем бы украсить свой букет.

И вот однажды утром - ещё петух Хороз не успел прокричать - Шухлика осенило. Он вспомнил об огненном цветке любви! Вот с этим цветком его букет преобразится! Такой не стыдно будет поднести Ок-Таве!

Возможно, он тронет сердце крылатой ослицы. Об этом единственном в мире цветке рассказывал сурок дядюшка Амаки. По его словам, цветок любви раскрылся в Базизагане - в саду Ворона.

Если смотреть с окраины сада Багишамал, из-под пирамидальных тополей, далеко в пустынном мареве время от времени показывался, как остов корабля, потерпевшего крушение, сухой и голый, мёртвый сад.

Его деревья, будто надломленные мачты и косые телеграфные столбы, зловеще чернели, проступая на нежно-бирюзовом рассветном или же розовом закатном небе.

Сад-призрак. Вернее, бывший сад, погибший почему-то.

Шухлика давно тревожила несчастная судьба сада Ворона. Что с ним случилось? Отчего скончался?

- Сколько себя помню, этот сад всегда именно такой - мёртвый, - сказал как-то дядюшка Амаки - Слышал только, что там ужасно! Трясины и зыбучие пески. Кишмя кишат скорпионы, змеи, летучие мыши, пауки да крысы. Словом, всякая гадость! Но в одном месте на кусте саксаула, - зашептал сурок, - горит огненный цветок небывалой красоты. Цветок любви Оч. Ну, очень, очень яркий. Чистое, говорят, пламя. Сплошной свет! - И дядюшка важно надул щёки. - Кукушка Кокку, пролетая, сама видела!

Шухлик расспросил кукушку. Впрочем, ничего нового не узнал. Да, огненный цветок посреди чёрного сада Базизаган. Кокку больше куковала о том, как её едва вороны не заклевали. Там их, как комаров, - тучи!

В конце концов ослик выяснил подробности у Ди-вана-биби.

- Грустная история, - сказал дайди, полевая из лейки лютики-цветочки на голове. - Я знал человека, который вырастил изумительный сад - в себе и вокруг себя. Настолько хорош был этот сад, так благоуханен и свеж, что человек, а звали его Одам, возгордился!

По лицу Дивана-биби текли струйки воды. Казалось, он плачет о том человеке.

- Одам сложил высокую глинобитную стену, чтобы никто просто так не заходил в сад, не обрывал плоды, не пил из родника. Он пускал людей через ворота, собирая плату - деньгами, золотом, верблюдами или овцами. В его саду к деревьям были прикованы цепями раскладушки. И путники, оплатившие вход, покупали ещё и ключ, дабы открыть амбарный замок и отдохнуть на раскладушке, потому что Одам запрещал ложиться на его шёлковую траву.

Сидевшие поблизости еноты так горестно трясли головами и полосатыми хвостами, что в глазах рябило.

- Да, скорбная, увы, история! - повторил Диван-биби.

Отложил лейку и поднялся в полный рост, оказавшись вдруг под два метра.

"Чем это он себя поливает?" - удивился Шухлик.

- Совершенно не важно, чем! - тут же ответил дайди. - Важно - с каким чувством! Так вот, и года не прошло, как сад Одама начал увядать. А вскоре и совсем зачах - голые, чёрные деревья, как после пожара.

- Горим?! - выскочил откуда-то заспанный тушканчик Ука, услышавший краем уха о пожаре. - Где огонь?!

- Спокойно, дорогуша, - погладил его Диван-биби. - Можешь безмятежно дрыхнуть! А что касается пожара, то он действительно случился в душе Одд-ма. Всё спалил, оставив пустыню, жаждущую не воды, а богатства! Любой сад пропадёт, если думать только о деньгах. И теперь мёртвым садом владеют вороны. Не советую приближаться к Базизагану - опасно!

- А что с этим человеком? - спросил Шухлик, пропустив совет мимо ушей. - С Одамом?

Дайди, вылепливая нечто из глины, отозвался нехотя:

- Был человек Одам, а превратился в Одамхура, то есть в злодея, погубившего сад в душе своей и вокруг себя. Одамхур - злодей перед самим собой. Воздвиг он высокий дворец на песке. Живёт один в покое и достатке. Но его покой холодный, могильный. Вокруг голая пустыня. Не приживаются даже кусты верблюжьей колючки. Тишина, как в склепе. Только шуршит песок, собираясь в ползучие барханы. И дворец день ото дня ниже и ниже. Всё, что лишено души и света, налито тяжестью, подобно чугунной гире, и уходит навеки в песок.

Так сказал дайди, открыл ладони, и оттуда выпорхнула маленькая, вроде горихвостки, птичка...

И вот теперь ранним утром, увидав именно эту горихвостку на вишнёвой ветке, Шухлик припомнил все рассказы о саде Базизаган, об огненном цветке любви.

Сад Ворона как раз маячил на светлеющем горизонте, точно скелет гигантского древнего ящера. Не мешкая, золотой ослик отправился в путь.

Он спешил. Скакал вприпрыжку. Переходил с рыси на галоп, а чёрный сад никак не приближался. Висел над пустыней в дымке, будто мираж. Казалось, даже отодвигается, ускользает от Шухлика. Нарочно морочит голову.

Уже солнце перекатилось через весь небосклон и, покраснев, прилегло на бок. От каждого бугорка, от каждой ямки поползли синие тени.

Быстро, как из засады, выскочила полная яркая луна, не давая Шухлику разглядеть звёзды, среди которых летела, наверное, осьмикрылая Ок-Тава.

Вероятно, он долго бежал, задрал голову. Потому что совершенно неожиданно возникла перед ним оплывшая от дождей и ветра глинобитная стена, из-за которой так мрачно - оторопь брала! - глядел пустыми мёртвыми глазами сад Ворона.

В лунном свете голые ветки, мерещилось, дрожат и вытягиваются, как ведьмины руки, намереваясь тут же ухватить и придушить золотого ослика.

Густые чёрные тени ползали по земле, и непонятно было, куда ступать - канава здесь или холм?

Первыми, как остервеневшие упыри, бросились на Шухлика комары и москиты. Такой плотной стаей, словно попону накинули. Ослик отмахивался хвостом, прядал ушами и фыркал в обе ноздри. Однако комары умудрились залезать даже в рот, норовя укусить за язык.

"Ничего! - думал Шухлик. - Вытерплю! У меня шкура толстая. Хорошо, что комары, а не змеи!"

Под копытами то сухо хрустело, то мокро хлюпало. Ослик не видел, куда ставит ноги. В саду было чер-ным-черно, несмотря на полную луну в небе. Она, кажется, не хотела сюда заглядывать.

"Зато огненный цветок в такой крошечной тьме сразу покажется! - ободрял себя Шухлик. - Издали примечу!"

Но не тут-то было! Там да сям бледно мерцали, как затухающие головешки, синевато-зеленоватые мелкие бродячие огоньки. Вспыхивали диким светом чьи-то хищные глаза. И мутно отблещивали странные лужицы.

"Не слишком подходящее место для цветка любви, - задумался Шухлик. - Может, дядюшка Амаки и кукушка Кокку напутали чего-нибудь? А Диван-биби так и вообще не поминал о цветке!"

Ослик шагнул незнамо куда и увяз по колено в пузырящейся вонючей трясине. Напрягся и выпрыгнул, угодив в немыслимо колючие кусты. Ободрал бока и ноги. А хвост отнялся и онемел, словно пропал оторванный, но через миг будто завопил, озарившись до самой кисточки яркой болью.

Услыхав быстрый шорох и злорадное шипение, Шухлик понял, что это змеиный укус.

Бедный хвост так отяжелел и опух, точно его свинцом накачали, и колотил по ногам, как дубина.

"Всё в порядке! Змея не слишком ядовитая! Не кобра и не гюрза, - утешался золотой ослик. - Да и хвост не такой уж важный орган - не голова в конце-то концов".

И тут же на спину и голову обрушилось гнилое дерево, так что Шухлик прилёг от неожиданности.

"Хорошо, что трухлявое, - поднимался он на дрожащих ногах. - Иначе бы хребет переломило".

От шума проснулись вороны. Закаркали вразнобой и хором, как взбешённая базарная толпа, поймавшая воришку.

"Пускай себе каркают! - улыбнулся Шухлик. - Среди белого дня могли бы заклевать!"

Впрочем, и в ночи хватало клевальщиков и кусальщиков.

Во-первых, самый главный, наверное, ворон не поленился - подлетел и клюнул ни с того ни с сего в левый глаз. А во-вторых, накинулась со всех сторон, отчаянно попискивая, целая свора летучих мышей. Царапались, щипались и кусались! Впивались и в уши, и в нос, и в несчастный хвост, и в гриву.

Шухлик не испытывал ничего подобного за всю сорокадневную войну. На войне хоть какой-то порядок и правила, а в саду Ворона - чистой воды бандитизм и разбой.

Повалившись на спину, золотой ослик отбивался копытами.

"Как здорово, что нет летучих крыс!" - думал он, лягаясь и брыкаясь.

И ощутил сразу несколько жалящих ударов по шее скорпионьими хвостами. Ослик подскочил метра на три и тотчас увидел невдалеке огненный цветок любви!

- О, благодарю вас, скорпионы! - крикнул Шухлик. Не обращая внимания на выходки всяких злобных

насекомых, только вздрагивая израненной шкурой, золотой ослик поскакал к цветку.

Он полыхал на сухом кусте саксаула. Пожалуй, лишь издали, имея сильно развитое поэтическое воображение, можно было принять горящую простым желтоватым пламенем макушку саксаула за огненный цветок любви.

То есть огонь, конечно, был! Но любовью и не пахло. А воняло горючими, легко возгораемыми газами, которые, вероятно, вытекали здесь из-под земли.

Шухлик не то чтобы глубоко расстроился и огорчился, но как-то временно опустошился.

- Вот так встреча! - услышал он злобный голосок. Перед ним стояла на задних лапах крыса Каламуш, и в глазах её посверкивали жёлтые искры.

- Позвольте приложиться к вашей ручке! - оскалилась крыса.

Золотой ослик смутился. О чём, собственно, речь, о какой ручке? И ответить не успел, как Каламуш вцепилась зубами в его ногу.

- Было очень приятно, - пискнула, исчезая в ночи.

"Ну, вот и крысу порадовал, - вздохнул Шухлик. - Кажется, всем, кому хотелось, удалось меня цапнуть или клонуть!"

Однако согласитесь, совсем уж глупо возвращаться домой сплошь отколошмаченному да ещё и без всякой добычи! Нужен хоть какой-то трофей для поддержания духа.

Ослик потянул зубами ствол саксаула и легко выдернул из рыхлого песка. В переплетённых корнях виднелся толстый клубень, напоминавший очень крупную репу.

"И то хорошо! - обрадовался Шухлик. - Позавтракаю перед обратной дорогой".

Уже небо светлело, когда под несмолкаемое карканье, шипение, писк и бульканье, таща в зубах горящий куст с репой, выбрался ослик из жуткого чёрного сада Базизаган.

Мало чего оставалось от золотого ослика! Вид его был жалок. Какой-то побитый медный чайник из утильсырья. На голове между обтрёпанными ушами выступала, как рог, шишка. На спине - горбик.

Ободранные бока кровоточили. Левый клонутый глаз заплыл. А хвост так распух, что напоминал лисий и мешал переставлять ноги, которые и без того еле двигались - все в царапинах, волдырях, с отпечатками крысиных зубов.

Он плёлся по своим следам, удивляясь, насколько широко и уверенно шагал накануне.

И всё же душа его не зачерпнула черноты в саду Ворона.

"Возможно, и не самые лучшие секунды жизни, - рассуждал Шухлик. - Но было страшно, ужасно, нестерпимо и крайне любопытно! Даже отчасти весело! К тому же добился, чего хотел!" - покосился он здоровым глазом на горящую макушку саксаула.

Горела она медленно и вяло, но всё же огонь подбирался мало-помалу к носу. Не хватало ко всему прочему опалиться!

Шухлик решительно выплюнул куст. Поддельный цветок любви задрожал на песке, пыхнул и погас, оставив лишь облачко сизого дыма. Впрочем, на другом конце саксаула имелся ещё клубень, похожий на репу. Пора было восстановить силы, утолить, как говорится, печали. Словом, позавтракать.

Ослик раздвинул копытом плотно заплетённые, перевитые корни и только тогда понял, что это никакой не клубень и не репа, вообще не овощ и тем более не фрукт. Перед ним лежал закупоренный горшочек, в каких обычно варят кашу, картошку или похлёбку.

Не задумываясь, Шухлик сбил глиняную покрывку. И едва наклонился к горшочку, как голову окутало густое белое облако, будто каша уже сварилась.

- Час от часу... - чихал он, отползая в сторону.

- Всё легче! - раздался бодрый голос.

Облако медленно рассеивалось, проявляя по частям очень небольшого, величиной с овцу, но крепкого, как буйвол, осла. Совершенно красного - индейской, вероятно, породы.

"Вот так штука!" - воскликнул Шухлик про себя, поскольку язык плохо ворочался, искусанный всё же комарами.

- Хоть и не штука, а к вашим услугам! - радостно расшаркался нелепый красный осёл. - Ваш вечный слуга Малай! Джинн из горшочка!

Шухлику вдруг стало безумно весело. Он разглядел этого Малай и не мог удержаться - покотился от хохота по песку.

У джинна из горшочка был лисий хвост - точь-в-точь, как у Шухлика после змеиного укуса. На спине - горбик. Во лбу - шишка в виде рога. А на левом глазу - чёрная пиратская повязка.

- Чего смешного, мой господин? - удивился Малай, крутя пушистым хвостом. - Всегда принимаю облик того, кто меня освободил! Разве кто-нибудь скажет, что я не осёл?

Джинн оглядел себя и остался, кажется, доволен.

- Ну, ошибся немного в окрасе! - хихикнул он. - Признаю - дал маху! Но цвет-то, цвет какой дивный! Пунцовый, рубиновый, кумачовый! Клянусь всеми чистыми духами, ничего особенно смешного нет!

Он прыснул и заржал, как лошадь, на всю пустыню.

Так они и обхохатывались вместе, без удержу, как угорелые, будто нанюхались в саду Базизаган болотного газа. Ржали, гоготали, хрюкали, даже кукарекали, пока солнце не взошло.

Шухлику очень полегчало. Ушибы и раны уже не так саднили. Но всё же крепкий силач Малай, засидевшийся в тесноте, посадил рыжего ослика себе на спину, а свой горшочек пристроил на голове, изящно, словно шляпку. И поспешил вприпрыжку к саду Багишамал. Некоторые жители пустыни, видевшие эту парочку, долго потом размышляли, был ли то мираж вроде фата-морганы, когда красная фата везёт рыжую моргану, или вещее знамение неизвестно чего, или просто помрачение рассудка.

А какая тень торопилась за осликами - любо дорого поглядеть! То ли отброшенная разлапистым четырёхухим кактусом, то ли двуххвостой каракатицей.

Ноги Шухлика волочились по песку, и Малай постоянно извинялся за неудобства:

- Знаете, мой господин, столько лет просидеть в горшочке, куда и килограмм картошки не влезет, - поневоле сожмётся да скукожишься! В общем, спрессовался и ростом на этот раз не вышел. Пардон!

- А как ты в горшочке-то очутился? - спросил Шухлик.

Красный джинн призадумался.

- Да уж и не упомяну, кто меня туда загнал! - хмыкнул он. - Тыщу лет взаперти - это не шутка! Позабыл всё на свете. Спасибо тебе, мой повелитель, выручил!

Солнце достигло зенита, тени попрятались, а Малай отмахал, наверное, полпути, когда спохватился:

- О, вечные духи! - завопил он. - Как убедительно я воплотился в осла! Настолько, что совсем запамятовал о своём джиннстве!

Взмахнул хвостом, дунул-плюнул, пошептал. Что-то свистануло над пустыней, будто снаряд, и оба осла очутились под платаном-позвоночником, рядом с кибиткой Дивана-биби.

- Ах, привет из сада Ворона? - подошёл дайди, кивая красному ослу. - Как я погляжу, это не фрукт и не

овощ, а чистый дух из горшочка!

- Так точно! - весело отвечал Малай. - Стихийноурождённый джинн! На многое способен!

- А где же мой золотой садовник?! - воскликнул, оглядываясь по сторонам, Диван-биби. - Неужто обернулся этим рыжим драным мочалом?! Какая-то помятая, побитая жестянка! Очень ловко! Тоже, видно, на многое способен!

Шухлику нечего было ответить.

Ну, хотел раздобыть огненный цветок любви для крылатой ослицы, пленить её сердце. Да не вышло! Но есть ли тут его вина?

Пожалуй, всё-таки есть, потому что дважды не поверил дайди. И в самом себе опять усомнился. А мог бы сообразить, что цветок любви только в душе расцветает. Причём тут старый, сухой саксаул в саду Ворона?

Эх, отлежаться бы теперь в укромном уголке, чтобы никто не видел и не слышал.

- Нет уж, дудки! - погрозил ему дайди неизвестно откуда взявшимся кнутом. - Хочешь, загоню в горшочек вместо Малай! Там отсидишься тысячу лет. Но вспомни огромную секунду счастья! Разве не стыдно тратить такие секунды, сидя в горшке или отлёживаясь в укромном уголке? Ты ведь и правда на многое способен, почти как джинн.

- Верно-верно! - поддакивал Малай, снимая с головы горшочек. - Правду говорит учитель! В твоих силах, мой владыка, сызнова стать золотым! А я чем могу - помогу!

Поглядев на важного, красномордого и горбатенького джинна с лисьим хвостом, с пиратской повязкой на глазу, Шухлик опять рассмеялся.

Дайди протянул ему кнут, превратившийся в морковку.

- Смейтесь, улыбайтесь и хохочите - это хорошее начало! А ещё, любезный садовник, призови осьмикрылую Ок-Таву.

- Простите, нет! - упёрся Шухлик. - В таком измочаленном виде встретиться с чудесной ослицей?! Ни в коем случае!

- Именно в коем! - погладил Диван-биби его ободранный бок. - Ведь Ок-Тава прекрасно знает, что ты - золотой! А пострадал от любви к ней, погнавшись за огненным цветком! Она будет смотреть на тебя как на героя и поможет вернуть прежний облик.

Поверь, без крылатой ослицы никак не обойтись! - кивнул дайди. - Ну, а я пока уведу Багишамал подальше от сада Ворона...

И он пошел куда глаза глядят, а за ним и весь его просторный сад со всеми своими обитателями.

Ок-Тава

Да, чёрный сад Ворона на славу постарался, задал изрядную трёпку Шухлику. Как только ослик расслабился, очутившись дома, всё тело заныло и застонало. Он лежал под платаном не в силах пошевелиться. Подняться не мог.

Рядом сидел Малай. Томясь от безделья, джинн призывно поглядывал на рыжего ослика и спрашивал каждую минуту:

- Может, прикажете чего-нибудь, мой господин? Слушаю и повинуюсь!

Очень надоел! И Шухлик придумал ему занятие - сварить компот в горшочке.

Вроде бы пустяковая работа, но Малай так разволновался, будто повелели новый город возвести. Долго выяснял, из каких именно фруктов варить, нужен ли сахар и сколько времени кипятить. К тому же беспокоился, не испортится ли его милый горшочек.

Словом, этот чистый дух в образе красного осла с подбитым глазом оказался на редкость бестолковым. Вместо того чтобы без затей дунуть-плюнуть-пошептать, отправился к пруду за водой, потом - собирать яблоки, груши, персики и абрикосы. Мыл их, чистил и резал кружочками. Никак не мог развести огонь в очаге.

Очевидно, Малай хотел хоть немного побыть простым ослом, а не волшебным джинном. Или опять упустил из виду, кто он такой по своей природе.

В конце концов, не справившись с очагом, он всё же дунул-плюнул, и под платаном возник здоровенный котёл, полный компота.

То ли джинн так расстарался, то ли фрукты из Баги-шамала трудно чем-либо испортить, но получился божественный, воздушный нектар, который стыдно называть компотом. Почуввав благоухание, слетелись и сбежались жители сада. Кто с ложками, кто с чашками, а некоторые обходились своими клювами и языками.

- Как это тебе удаётся? - спросил Шухлик. - Целый котёл ниоткуда?

Малай помолчал, пытаясь разобраться, чего, откуда и каким образом появляется.

- Если честно, сам не пойму! - признался он. - Только точно знаю, будет так, как я захочу. Вернее сказать, как повелит мой господин!

"Интересно, - думал Шухлик. - Если я могу командовать джинном, то почему бы ни приказать самому себе? Наверное, моё тело тоже должно подчиниться? Обязано отвечать, как Малай: слушаю и повинуюсь! Или я себе не господин? А то разлеглось под деревом и стонет".

Он вспомнил, как Диван-биби понуждал его говорить "кишмиш" и улыбаться, отчего делалось легче на душе. Не поможет ли это и сейчас встать на ноги, приосаниться?!

Шухлик сказал "ки-и-и-и-ш-м-и-и-ш". Уши его обнялись, едва не взлетели, однако ноги подрагивали и не держали.

Нет, тут, пожалуй, мало одной улыбки до ушей. Нужна от ушей и до кончика хвоста. Улыбка всего тела - вот что такое осанка! Улыбнись всем телом и обретёшь стройность, статность!

Ослик попытался, но дело не заладилось - тело не слушалось.

"Тело-дело! - рассердился Шухлик. - Ты же мой организм, то есть инструмент, который всегда помощник. А с тобой не только компота, а и каши не сварить!"

В общем, огонь в очаге как-то не разгорался. И было ясно, без осьмикрылой ослицы Ок-Тавы не обойтись. Шухлик почуял, что она вот-вот появится. Выпорхнет прямо из его души, как будто с небес сойдёт.

Что-то зачекотало за ухом. Изумрудное перо! С замирающим сердцем ослик приложил его к губам и тихонько подул - раз, другой и третий.

Ок-Тава возникла от одного радостного воспоминания! Как только душа Шухлика наполнилась чистотой, нежностью и любовью, она не заставила себя ждать, явилась.

Высоко в небе выгнулись сразу восемь летящих радуг. Это драгоценные крылья Ок-Тавы преломляли солнечные лучи. Когда приближается любимая ослица, даже простой белый свет становится праздничней!

Шухлик уже ощущал огромную секунду счастья - тот прозрачный шар, вместивший весь мир, всю Вселенную, где он летал и танцевал с Ок-Тавой.

Крылатая ослица бесшумно, как лист платана, опустилась рядом. И Шухлика накрыла волна небесной свежести, в которой был знакомый запах ветра, ударов грозы и рокотания грома, блеска молний и солнечного тепла.

Взмахами своих сияющих крыльев Ок-Тава в один миг развеяла, как пыль, остатки неуверенности, сомнений и страхов. Разогнала жужжащих и зузза-щих мух.

Душа ослика наполнялась силами так заметно, как русло горного ручья под проливным дождём. И по всему телу струилось и пробегало желание стать стройным, крепким, золотым, потому что душа стремилась к этому. На Шухлика, как говорят в таких случаях, сошла благодать, а по-иному - добро и счастье.

Теперь, когда с ним Ок-Тава, в его власти приказать телу, заставить повиноваться, как послушный инструмент, вроде свирели, на которой душа сыграет весёлый задравный напев.

В ослика вселилась спокойная уверенность чистого духа: "Всё будет так, как я захочу!"

И, поднимаясь на ноги, он улыбнулся Ок-Таве всем телом - от носа до самой кисточки на хвосте.

- О, как приятно видеть настолько всеохватную улыбку! - произнесла крылатая ослица так нежно, словно сад зашелестел под дыханием северного ветерка. - Несмотря на раны, у вас геройский вид! Вы такой статный и складный, как полководец, принимающий парад войск!

- Верно-верно! - деликатно выглянул из-за дерева Малай. - До вашего приземления валялся тут, как чучело огородное, а сейчас мой господин - добрый молодец! Хоть куда! Вон поглядите: - искры из глаз сыпятся!

Действительно, Шухлик так посмотрел на джинна, что тот опять чуть в горшочек не забрался, но всё-таки добавил:

- Не хотите ли компота, прекрасная небожительница? Только что сварен по воле моего владыки.

От одной мысли, что Ок-Тава будет хлебать компот из котла вместе с тушканчиком Укой, сурком дядюшкой Амаки и енотами, Шухлика передёрнуло. Не потому, конечно, что компания не та, а просто навряд ли осмикрылая ослица питается компотом, пусть даже напоминающим воздушный нектар.

- Давайте пройдемся по саду, - предложил он. - Здесь как-то шумно.

- А меня не приглашаете? - снова высунулся Малай, будто красный дятел из дупла. - Я затоскую, мой господин, без вас и без всякого дела!

- Слушай, давно не было дождя, - нашёлся Шухлик. - Не сможешь ли устроить?

Джинн вытаращил глаза, и пиратская повязка съехала на ухо. Настолько его, видимо, потрясло задание, что даже не сказал, как полагается: "Слушаю и повинуюсь!"

- Погодите, погодите! - забормотал он, выкатываясь из-за платана. - Хотелось бы уточнений, мой повелитель! У меня с дождями сложные отношения. В последний раз, когда вызвал ливень, дело кончилось всемирным потопом.

- Так это было примерно пять тысяч лет назад! - воскликнула образованная Ок-Тава.

- Вот-вот, - вздохнул Малай. - Тогда меня и упекли в горшочек! Засиделся, говорю, позабыл всё на свете.

Очень тяжело без общения! А вы, мой господин, едва освободив меня, бросаете на произвол судьбы. Кто знает, что у меня с дождём выйдет?

- Всего лишь небольшой дождичек, - улыбнулась крылатая ослица. - На полчаса.

- Такой, который называется "слепым" - с солнцем пополам, - кивнул Шухлик.

- Как скажете. - Невесело зачерпнул джинн компота из котла и спохватился: - Слушаю и повинуюсь!

Рыжий ослик и Ок-Тава были слишком заняты друг другом, иначе бы заметили, что прозвучало это не слишком уверенно.

Они шли рядом под цветущими деревьями. Медленно кружась, падали на них розовые и белые лепестки. И радуга, соединяя, выгнулась над ними.

Крылья Ок-Тавы касались Шухлика, и к нему возвращались радости и добрые чувства, подрастерянные в саду Ворона. Любовь и сострадание, вера в свои силы и радость прощения - всё-всё Шухлик собирал в букет, стебель к стеблю. А самый крупный и яркий цветок - счастье огромной секунды жизни! Этот букет получился очень большим, величиной с рыжего ослика, однако невидимым.

Впрочем, Ок-Тава ощутила его и даже разглядела. Она расправила сияющие крылья, низко поклонилась, и букет, как корона, засверкал над её головой.

И на душе у Шухлика стало так легко, так свободно и вольно, хоть сейчас лети! Когда рядом Ок-Тава, ему всё по силам и каждая секунда жизни отраднa и празднична.

Они долго гуляли по садовым тропинкам. Мимо пруда, вдоль ручья к роднику и затем к водопаду с фонтаном. Навестили деревья Шухлика. Погладили каждое. И посмотрели, как быстро, буквально на глазах, подрастает и крепнет платан-позвоночник, внук древнего платана.

Сад Багишамал лепетал и щебетал, рассказывая забавные истории о своих странствиях. А Шухлик с Ок-Тавой прохаживались молча. Зачем говорить, если они без слов понимали и чувствовали друг друга.

Ослик думал о маме. Как ей там живётся у хозяина Дурды? Скорей бы настало время, когда Шухлик сможет забрать её к себе в сад!

Вдруг точно ему на нос прилепился жёлтый цветок. Другой, третий. И посыпались с неба мокрые жёлтые цветочки "куриной слепоты". Короткий "слепой" дождь. На полчаса, как и заказывали Малаю.

Правда, не обошлось без сюрпризов. Свалились в сад несколько подслеповатых кротов и слепышей из семейства мышинных, которые живо освоились, проворно выкопав норы. Да ещё пара сов, моргавших круглыми жёлтыми глазами, не понимая, куда эхо они угодили.

Уже смеркалось. Обитатели сада Багишамал сидели, как обычно, на лестницах-стремянках, собирая урожай. А сами фрукты - простые с виду яблоки, груши, вишни, персики - начинали мерцать в подступающей темноте. Они светились изнутри, как лампочки.

Да и сам Шухлик, похоже, светился. Даже вроде бы сиял!

- Би-би, би-би! - послышался голос дайди. - Ах, какая чудесная сиятельная пара!

Обратите внимание: такие плоды созревают не каждый вечер. Это сад постарался в честь прекрасной Ок-Тавы!

Однако уже настала пора крылатой ослице прощаться до утра.

Она вздохнула всеми восемью крыльями и поднялась над садом, будто купаясь в его фруктово-лиственном запахе и свете. Вспыхнула на миг, как далёкая зарница, и нет её! Растворилась в ночном небе, чтобы взойти созвездием.

Лестница-стремянка

Шухлик заметно погрузился и поблек.

Дайди ободряюще похлопал его по спине:

- Ну, подумай, не должно ведь исчезать с неба целое созвездие! Даже ради такого милого садовника, как ты. Что скажут астрономы? Кстати, я дам тебе подзорную трубу, чтобы мог любоваться своей небесной Ок-Тавой!

Щурясь, глядел Шухлик на выплывавшие из тьмы звёзды. Одни дрожали, как едва заметные тусклые песчинки. Другие лучились, превращаясь в смутные круги. И непонятно уже было, где светящиеся яблоки и груши, где порхающие светлячки, а где сами звёзды.

Диван-биби покачал головой:

- Да, братец, о чём это я? Какая там подзорная труба?! Ты же подслеповат, как крот. Не говоря уж о клюнутом глазе! Тут и телескоп вряд ли поможет!

Рыжий ослик кивнул и шмыгнул носом. Что да, то да! Он уже как-то сжился со своими болячками. Свыкся с туманом в глазах. Конечно, ко всему привыкаешь. Если каждый день что-то болит и ноет, то эти боль и нытьё становятся почти родными. Как говорится, стерпится-слюбится!

"Чего он от меня хочет, этот странный садовый бродяга с травой на голове?" - горько подумал Шухлик.

- Я хочу, чтобы ты хотел, - мягко ответил дайди. - Чтобы ты стремился к своей цели. Если у тебя есть цель в жизни, то не стой на месте, а двигайся к ней! Стань цельным, то есть здоровым, и тогда легко достигнешь того, о чём мечтаешь - вырастишь свой сад и будешь жить в нём со своей мамой. Согласись, не так уж много я хочу от моего садовника!

Диван-биби вдруг залез на стремянку под гранатовым деревом, отчего лестница издала нежный и стройный звук.

- Знаешь ли, драгоценный, нет ничего хуже привычки к болезни! Разве что поселиться в чёрном саду Ворона вместе с крысами, змеями и скорпионами!

Он размахивал руками и полами халата, возвысив голос на пять ступенек, красный от гранатового света, почти как джинн Малай:

- Такая привычка - это как ложное учение, которое вошло в голову и крепко-накрепко там засело! Твои болячки внушили тебе, что дважды два - пять! И ты им поверил!

Дайди, как большая ночная птица, спикировал с лестницы на лужайку, опустившись перед самым носом Шухлика.

- Ты должен обрести привычку к здоровью! - дунул он ослику в нос так ловко, что у того вся грусть и тоска вылетели из ушей. - На это понадобится сорок дней, как на войну с ленью! Именно сорок дней будешь привыкать к тому, что ты здоров, а дважды два - четыре, а не пять и не три. Надо это крепко запомнить

и выучить - ты здоров, как $2 \times 2 = 4$!

- Ну, в общем-то, я знаю, что дважды два - четыре, но лучше от этого не вижу, - сказал Шухлик. - И что дальше?

- Дальше? - улыбнулся Диван-биби. - Всё очень просто! Вот лесенка, по которой надо взойти, чтобы сорвать с самой верхушки дерева гранат. Она недаром называется "стремянка". И первая её ступенька, - подтолкнул он ослика, - это стремление, или желание, выздороветь. Нужно усилие воли, чтобы встать на неё!

Шухлик влез на резко скрипнувшую ступеньку, покачиваясь, как бычок на шаткой доске.

- Вторая ступенька, - снова подтолкнул его дайди. - Это твоя осанка, статность, то есть улыбка всего тела. Третья - чудесное настроение, когда ты пережаешь огромную секунду счастья! И четвёртая - это вера, иначе говоря, уверенность в том, что тебе всё по силам!

Ослик перебрался на пятую ступеньку. Потянулся всем телом и сорвал гранат с вершины дерева.

- Правильно! - воскликнул дайди. - Последняя ступенька - это действие. Упражнения, которые необходимы, чтобы достать желанный фрукт, то есть здоровье! Ты напряг мышцы, потянулся, и здоровье - тут как тут! Во рту! Или, можно сказать, в голове, поскольку рот часть головы, не правда ли?

Шухлик промычал что-то в ответ, жуя гранат и потихоньку спускаясь. Ступеньки досадно, ненадёжно повизгивали под копытами - вот-вот обломятся или выскользнут.

- Эта стремянка - музыкальный инструмент, вроде ксилофона! - Дайди лихо пробежался вверх-вниз, сыграв на лестнице трогательную мелодию, напоминавшую "Во поле берёзонька стояла. Люли-люли, стояла!"

Он подошёл к Шухлику и шепнул на ухо, будто под большим секретом:

- У каждой ступеньки свой голос! Каждая важна по-своему, и без одной не зазвучат другие. Они поют, а не трещат, когда на них верно, с чувством и толком, ставишь копыто!

Ослик недоверчиво взглянул на свои копыта, потом на лестницу. Ничего особенного, обычная с виду садовая стремянка!

- Если возьмёшь стройный и благозвучный аккорд на всех пяти ступеньках, ты добьёшься выздоровления! - растолковывал Диван-биби, приплясывая вокруг граната. - Играя на этой стремянке, как крысолов на дудочке, ты освободишься от болезней, которые сидят в твоём теле, будто зловредные крысы. Выведи их и утопи в зыбучих песках пустыни!

Шухлику захотелось исполнить что-нибудь красивое на садовой лесенке. Например, испанский танец сарабанду в честь дедушки Буррито.

Однако раздался такой дикий треск, скрип и визжание, что весь сад вздрогнул, а рыжий ослик, как мешок с овсом, брякнулся на землю!

- Только не отчаивайся! - утешал его Диван-биби, помогая встать. - Завтра прилетит Ок-Тава, и у тебя обязательно получится! Ступеньки зазвучат стройно, в лад, и всё пойдёт на лад, потому что ощутишь радость каждой секунды жизни, как тогда, когда впервые увидел осьмикрылую ослицу в небе, среди грома и молний. Ок-Тава - это твоё состояние счастья! И она поможет тебе выздороветь, поддерживая веру, что ты победитель, что всё в твоих силах!

"Действительно, - сообразил Шухлик. - Ведь в ту огромную счастливую секунду я сам создал Ок-Таву!"

- Какой молодец! Умнейший в мире осёл! - развеселился Диван-биби, прыгая меж деревьев, как тушканчик Ука. - У каждого своя Ок-Тава! Это ангельский колокольчик в душе, который не позволяет ей дремать и смиряться с болезнями. По его звучанию тебя легко найдёт твоя счастливая судьба! Точь в точь как хозяйки отыскивают своих коз по звону колокольчиков, что вешают им на шею, чтобы не терялись.

У Дивана-биби среди травы на голове зазвенели тихонько лиловые цветы-колокольчики. Время от времени он взбегал по лестнице, извлекая новые дивные напевы: "Полёт шмеля", "Танец с саблями" и "Уч-Ку-дук - три колодца". Успевал ещё и рассказывать:

- Вот так каждое утро, дождавшись крылатой ослицы, ты будешь одолевать эти пять ступенек. Целых сорок дней, пока не привыкнешь быть здоровым, пока не превратишься в золотого ослика! Букет твоих радостей разгорится сильнее, ярче, и тело твоё наполнится тёплым животворным светом.

Диван-биби оттолкнулся от последней ступеньки и полез неизвестно как и куда - выше, и выше, и выше.

- Запомни, дорогой садовник, лестница-стремянка бесконечна. Стремится в небеса! Можно подняться и к самой Ок-Таве, чтобы всегда быть вместе. Передать ей привет?

Дайди уже едва виднелся в ночи. Чуть заметно колыхание его красного халата, будто призрачные всполохи небесного огня, и еле-еле слышен звон цветочков на голове.

- Выхожу один я на дорогу! - разнёсся вдруг над садом голос Дивана-биби. - Сквозь туман кремнистый путь блестит! Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, и звезда с звездой говорит! В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сиянье голубом...

Все, кто ещё не спал на этой земле, замерли, вслушиваясь. Так сказочно к месту пришли слова! Кажется, можно было разобрать, о чём шепчутся звёзды, куда ведёт путь в тумане, что слышит пустыня и даже какие сны видит земля.

Шухлику немислимо захотелось быть здоровым и долго-долго-долго жить в этом волшебном мире, путешествуя по нему с мамой-ослицей, внимая каждому звуку, запаху и движению.

Расправив халат, как крылья, дайди Диван-биби спустился из поднебесья и присел рядом.

- Поздравляю! - сказал он, отдышавшись. - Ты уже на первой ступеньке стремянки! Стремление быть здоровым - с него начинается путь, что блестит в тумане! Знаешь ли, слово "здоровый" происходит от слова "дерево". Здоровый - значит, подобный дереву по высоте, силе, стройности! Погляди на платан! Вот какая у тебя должна быть осанка! Будто всем своим существом ты тянешься ввысь, поднимая к солнцу лиственную крону.

Дайди встал и показал, как дерево устремляется вверх - для него нет преград! Вытянулся метра на три, словно молодая яблоня, и закачал ветками, зашелестел листвой.

- Представь, что и у тебя на голове корона, - улыбнулся он. - Тебе это легко, поскольку ушки на макушке, как царственный венец! Расправь плечи и вдохни полной грудью. Спина прямая, и позвоночник твой, будто бамбук.

Диван-биби, приняв вид добродушного бамбукового медведя из семейства енотовых, оглядел Шухлика с хвоста до ушей:

- С такой осанкой, улыбаясь всем телом, никому не уступишь. Осанка поднимает твоё настроение до небес! Вообрази: ты в сбруе и под седлом среди быстроногих арабских скакунов. Ты статен, как они! И тебе по силам их обогнать!

- В крайнем случае, я подсоблю, - возник откуда-то понурый Малай. - Что нам, ослам, арабские скакуны! О, не думай обо мне плохо, мой господин, я на многое способен! Дождь, правда, не удался, каюсь! Но обещаю исправиться! Только не загоняй обратно в горшочек!

И джинн рухнул перед Шухликом на колени.

- Очень я затосковал, мой повелитель, ожидая скандала из-за слепого дождя! Затаился и горькую думку думал о пропащей своей жизни. Но, вижу, никому нет дела до старика Малая! Дозволь сыграть что-нибудь для души на этой лестнице-ксилофоне!

Никто не возражал, и красный джинн, как спятивший кролик, запрыгал по ступенькам. Судя по всему, он долго уже сидел неподалёку в кустах, не решаясь подойти. И наконец не вытерпел - так хотелось поиграть на стремянке!

Из-под его копыт изливалась какая-то загадочная, непривычная слуху музыка. Хотелось назвать её океанической. От неё клонило в сон. Веки сами закрывались.

Диван-биби, наскитавшись, напрыгавшись и налетавшись за день, уютно посапывал под гранатовым деревом. А Шухлику жалко было засыпать и расставаться с короной на голове и с мыслями о том, как он обогнал арабских скакунов.

- Что это ты играешь? - спросил ослик сквозь Дрёму.

- Колыбельную древней Атлантиды, мой повелитель! - отвечал Малай, мелькая вверх-вниз по лестнице. - Её пели жрецы, чтобы атлантам хорошо спалось и все их желания исполнялись на следующее утро. Спокойной ночи, мой господин, и ворох добрых сновидений!

Командир полка -нос до потолка

Шухлик хотел бы увидеть во сне маму-ослицу.

Но сновидения были странные. Не то чтобы совсем кошмарные, хотя и не очень-то добрые. Словом, на первых порах Шухлик выслушал много горькой правды.

Всё началось с беседы со своим собственным позвоночником, который ослик по-дружески называл По.

Этот По оказался очень умным - сверху донизу наполненным становым мозгом, - разговорчивым, но большим нытиком.

"Нелёгкая у меня доля, - жаловался он. - То тяжеленные корзины с камнями, то гнилое дерево! Все шишки на меня валятся! Чудом пока держусь! Хорошо, когда я неслышно, как платан, позваниваю, радуясь жизни. Куда хуже, если скриплю и похрустываю, как лестничные ступеньки под твоими копытами!"

"Ну что ты, дорогой По! - отвечал во сне Шухлик. - Я так тебе обязан, так ценю! На тебе вся моя статья держится!"

"Хороша статья! - ворчал По. - С горбиком на спине! Какая-то старая кляча, а не молодой осёл!"

"Да, изрядный зануда, - подумал ослик. - Впрочем, придётся к нему прислушаться".

"Ещё бы! - воскликнул По. - Я и за твои глаза в ответе! Если мне плохо, у тебя зрение ухудшается! Не знаю, о чём и чем ты думаешь. Хоть бы постарался укрепить мышцы - ведь они поддерживают меня!"

Прикажи им набраться сил! Иначе искривлюсь и зачахну, как дерево в саду Ворона. Будешь подслеповатым и перекошенным калекой - одно плечо выше, другое ниже. Ты этого хочешь?!"

Да кто же такого хочет? Шухлик размышлял, как бы побыстрее успокоить позвоночник, пообещав ему заботу и ласку, но тут донеслись новые голоса, вялые, еле слышные и недовольные.

При этом у ослика зашевелились уши и хвост, и он во сне начал перебирать ногами, будто бежал неведомо куда. Наверное, хотел скрыться от жалоб и укоров. Да не тут-то было! Голоса не отставали, напротив - сделались громче.

"Куда ты? - попискивали они. - Совсем о нас позабыл? Погляди, на кого мы похожи - дряблые и сонные, будто увядающее растение. А должны быть резвыми, прыткими, шустрыми, как мышки. Недаром же нас называют "мышцы"!"

"Отовсюду одни попреки, - вздыхал ослик. - Вероятно, так бывает на родительском собрании в школе, где распекают нерадивого ученика. Конечно, все правы, кроме меня самого".

"Ты знаешь, как приятно ощущать нас под кожей, когда мы полны сил? - не умолкали мышцы. - Мы бегаем, играем, точно настоящие мышки, если нас заставлять каждый день трудиться. А без твоего участия разленимся и ожиреем! Почему бы тебе всерьёз не заняться нами? Или хочешь быть "жиртрестом", который кое-как ноги двигает?"

В общем, картина получалась печальная. Кривой, слепой и жирный рыжий осёл! Действительно, похоже на кошмар. Проснуться бы и не вспоминать этот сон!

Однако разговорилось вдруг всё тело Шухлика. Каждая клеточка его организма спешила вставить словечко. Ослик и не догадывался, что их столько - целая великая армия.

"Да ты весь-весь, от кончика носа до кисточки хвоста, сложен из нас, из живых клеток! Как час состоит из секунд, так и ты - из клеток! - жужжали они, будто пчелы в улье. - Мы вроде крохотных комнаток или кладовых, где хранится множество добра. Например, твоё наследство - сведения и знания, передаваемые от родителей детям. Вот почему ты вспомнил испанскую сарабанду, которую танцевал твой дедушка Бур-рито".

"Спасибо! - отвечал удивлённый Шухлик. - Приятно познакомиться! Неужели я умудрился и каждой из вас чем-то не угодить?"

Клетки ахнули и запели разными голосами - нервными, костными, мышечными, - из которых, впрочем, вышел стройный хор. Интересно было слушать поющее во сне тело!

"Совсем не о том речь! Все мы - основа твоего существа, которое живёт, растёт, стареет и умирает! Но мы подчиняемся твоей душе, её радостям и печалям, то есть твоим чувствам. Если на душе у тебя плохо, мрачно, то в наших комнатках тоже - потёмки и до болезни рукой подать. А когда с тобой Ок-Тава, когда в твоей душе свет огромной секунды счастья, нам так хорошо, что любая хворь отступает".

"Это я замечал, - вздохнул Шухлик, вспомнив крылатую ослицу. - Чего же вы от меня хотите?"

"Наполни нас любовью к жизни, как пчёлы наполняют соты мёдом, и непременно станешь здоровым, как могучий платан! - воскликнули клетки. - Призови Ок-Таву и направь свою любовь, как поток чистого горного ручья, в то место, где болит. Например, к хвосту, укушенному змеей. Этот поток промоет наши комнатки от яда и унесёт, как сор, недуги. Твоя душа командует нами, как генерал войском! Только прикажи, и мы ответим: "Слушаем и повинемся!"

"Неужели всё так просто и ловко получится?" - думал Шухлик.

Вообще забавно ощущать себя генералом, которому подчиняется армия клеток. Очень важный чин и слишком ответственный. Надо бы привыкнуть к такому назначению!

А клетки, перебивая друг друга, твердили:

"Запомни, ты полководец, а все органы твоего тела - солдаты. Знай, что можешь приказывать им, и они подчинятся, исполнят твою волю! А уж мы, твои клетки, постараемся, поможем! Ты наш властелин! Всё в твоих силах! И всё будет так, как ты пожелаешь! Скажи, "да будет так!" И так будет!"

Они до того разволновались, раскричались, особенно нервные клетки, что у Шухлика по всему телу мурашки побежали, а потом стало очень щекотно в носу. Он чуть было не расчихался, но утерпел, потому что хотелось дальше послушать. Сон изменился к лучшему. Всё же приятно, когда тебя называют полководцем, генералом и даже властелином! И не какой-то джинн Малай, которого выручил из горшочка, а свои родные клетки.

"Помнишь, что говорил Диван-биби, - здоровье у тебя в голове! - продолжали они. - Твои мысли влияют на чувства. А твоя кровь, будто гонец, передаст эти добрые чувства нездоровому солдату, который, приняв их как приказ, как орден, обязательно пойдёт на поправку!"

"Как только проснусь, - решил Шухлик, - по всему телу разошлю гонцов с приказами и орденами! Пора уже навести порядок в армии!"

А клетки всё уговаривали ослика, настойчиво убеждали:

"Все силы своей души, всю любовь пошли больному солдату, и он обязательно откликнется - это мы обещаем! - начнёт выздоравливать. Поток чистого горного ручья унесёт печали и боли. Только верь в это!"

Если ты поверил в своё исцеление, то эта вера передаётся и нам, клеткам. Значит, ты приблизился на ступеньку к выздоровлению, потому что мы, не лентяй, возьмёмся за дело - изживём немощи и недуги!"

"Да вы просто золотые клеточки! - улыбался и радовался во сне Шухлик. - С такой армией все болезни разгромлю!"

"Бесспорно! Нет сомнений! - поддакивали клетки. - Взгляни на свои болячки со стороны, вроде бы с командного пункта. Спокойно и твёрдо прикажи им как совершенно постороннему стаду сайгаков, убираться из твоего тела, из расположения твоих войск. гони их прочь!"

Шухлик уже представил себя в генеральском мундире, в штанах с широченными золотыми лампасами и огромной фуражке с кокардой. Он стоял на возвышенности, оглядывая поле боя, где выстроилась его армия - бесчисленные клетки, готовые для него на всё. Впрочем, они ни на секунду не умолкали в строю.

"Вспомни, как помог своему копыту, - доносилось то с одного фланга, то с другого. - Ты отвечаешь за каждого солдата, всё равно хвост это, глаза или позвоночник. Ты велишь ногам идти, хвосту - махать, а глазам - подмигивать. Точно также можешь повелеть выздоравливать! Прикажи, например, своим глазам видеть лучше, и они подчинятся!"

"Позвольте! - неожиданно вмешались глаза. - Вы тут кое о чём позабыли! Воля, вера, любовь и Ок-Тава - всё прекрасно! Но есть ещё пятая ступенька стремянки - действие! Без упражнений, простите, мы не восстановим зрение".

Шухлику очень не понравилось это замечание. Генералу ведь нельзя прекословить! Что за бунтовщики в собственном теле?

"Стало быть, простого приказа вам недостаточно?! - оскорбился он. - Не будете слушать своего командира?!"

"Командир полка - нос до потолка!" - раздался хвостливый голосок.

"Отставить разговорчики! - прикрикнул во сне Шухлик и поджал хвост, чтобы знал своё место. - Так как же - отказываетесь выполнять приказ?" - гневно обратился к глазам.

"Мы бы с радостью, - сказал правый. - Сами хотим хорошо видеть!"

Но подбитый левый глаз отвечал дерзко:

"Ты чего, командир? Где это видано, чтобы солдат без подготовки сразу прыгал с парашютом или стрелял из танка? Сначала приказывают научиться! А для обучения нужны специальные упражнения, которые мы с удовольствием выполним".

И правый поддержал брата:

"Конечно, командир, куда важнее ваш порыв души, вера в поеду, но в глазном деле пустяков не бывает! Придётся подняться на пятую ступеньку, иначе не доберёшься до верхушки дерева, до здоровья".

"Сорок дней занятий, - моргнул левый, - и мы обещаем запросто, без телескопа и подзорной трубы, разглядеть Ок-Таву в ночном небе!"

Шухлик уже понял, что глаза правы. Однако генералу как-то неловко признаваться перед солдатами в своих ошибках.

"А почему именно сорок дней?" - заупряился ослик, будто позабыл, что говорил ему Диван-биби.

Все его клетки вновь застрекотали, как сороки, стараясь растолковать:

"О, это такая важная цифра! В старину всё считали сороками - первые сорок, другие сорок. Целых сорок недель, прежде чем родиться, человеческий ребёнок в животе у матери! А нам всего-то сорок дней надо, чтобы свыкнуться с тем, что мы здоровы! И ты будто заново родишься - в новой золотой сорочке, крепкий, как дерево!"

"К тому же за сорок дней научишься искусству побеждать и станешь умелым командиром. Твоё тело будет слушаться тебя, как отца родного", - осторожно шепнул хвост.

А левый глаз нарочно приоткрылся, намекая, что пора вставать и приниматься за дело. Пришлось и правый открывать.

- Упражнения - это празднество! - услышал Шухлик, уже проснувшись. - Потому что каждая секунда жизни праздник! Так что сорок дней это всего лишь около трёх с половиной миллионов праздничных секунд! Не теряй их попусту.

Солнечный ливень

Поднималось солнце. Зацвёл сад Багишамал.

Под гранатовым деревом у музыкальной стремянки среди деревьев Шухлика стоял дайди Диван-би-би в каком-то немыслимом парадном наряде генералиссимуса. Красный мундир с золотым шитьём, эполетами и огромными пуговицами, размером с чайное блюдце. А на голове у него вместо колокольчиков воинственно сидел колючий кактус, из которого, как перьевой султанчик, выглядывал белоснежный цветок.

Не успел Шухлик прийти в себя после долгой ночной беседы со своим телом, как раздался шелест крыльев, и сошла с небес чудесная Ок-Тава. Приобняла ослика, и он почувствовал, как душа его, а затем и каждая разговорчивая клеточка переполняются радостью и счастьем огромной секунды жизни.

- Настройся на успех всеми струнами твоей души! - улыбнулась Ок-Тава. - Ведь если одна фальшивит, сыграть невозможно!

Диван-биби взмахнул рукой, и пуговицы на мундире зазвенели, как литавры:

- Вперёд, на стремянку! Хотя постой, не всё ещё сказано...

Он присел на ступеньку, покачивая кактусом с цветком.

- Не в самих упражнениях дело, а в настроении, с которым их выполняешь. Это очень важно! Упражнения - только нарядная форма на вешалке. Она будет впору и украсит тебя, если ты ощущаешь праздник в душе! Если в тебе есть дух Ок-Тавы, то упражнения обязательно помогут, пойдут на пользу. Ты приведёшь тело в порядок, и всё-всё в нём будет стройно, складно, как на параде перед полководцем. Понял или нет?

Тут же выпрыгнул из-за деревьев жизнерадостный Малай. За последние дни на свободе, ничем не стеснённый, малютка-ослик заметно подрос, достиг уже размеров барана.

- Как не понять?! - воскликнул он. - Упражнения сами по себе вроде пустого горшочка, где нет чистого духа, то есть джинна! Главное, чем заполнить этот горшок - компотом или кашей. Чего пожелаете, мой господин?

Видно было, что дух Малай истомился без приказов, не зная, чем угодить. Точно, как тело Шухлика.

- А можно я кое-чего пожелаю? - спросил Диван-биби. - Исполнишь?

- Вообще-то так не положено, засомневался Малай. - Надо узнать у моего властелина, позволит ли?

Шухлик махнул хвостом:

- Да конечно! Слушайся дайди и повинуйся, а я пока научусь командовать своим телом! С глазами надо разобраться! Не говоря уж о позвоночнике и мышцах.

Диван-биби нашептал что-то джинну - сначала в одно ухо, а затем и в другое. Судя по всему, не одно пожелание, а сразу несколько.

Склонив голову, Малай усердно и прилежно, будто отличник задание на дом, всё запоминал, чтобы не наделать глупостей, как со "слепым" дождём. Похоже, поручение пришлось ему по вкусу! Джинн подпрыгнул от избытка чувств, чмокнул дайди в щёку и так резво куда-то поскакал, что ни один арабский конь не угнался бы.

А Шухлик, обнявшись с Ок-Тавой, подошёл к стремянке. Он точно знал, что ступеньки не заскрипят и не затрещат, как накануне, а откликнутся мелодичными звуками.

Он уверенно ставил копыта, и лестница отозвалась, заиграв сарабанду!

И под эту музыку запели все его клеточки!

И по телу, как музыка, покатались тёплые волны любви, нежности и здоровья.

Вдох и выдох на каждой ступеньке! И Шухлик ощущал, как в него вливается свежесть сада, бодрость и уверенность в себе.

Он уже взошёл на пятую ступеньку, когда хлынул солнечный ливень.

Каждая капля, размером с пуговицу на мундире Дивана-биби, сияла, наполненная солнцем, и отражала цветущий сад, бирюзовое небо и самого ослика, который выглядел безупречно золотым.

Это был медленный, как танец сарабанда, ливень.

Сверкающие капли, точно огромные секунды счастья, тихо плыли в воздухе, будто на парашютах.

Крылья Ок-Тавы переливались под солнечным ливнем, и капли загорались красным, синим и зелёным цветом.

Они опускались на Шухлика и просачивались сквозь тело, унося с собой боли, хвори и недуги.

Солнечный ливень омывал листья на деревьях и траву, само небо и глаза Шухлика. Всё вокруг проступило явственнее, ярче. Всё стало новым и прекрасным.

Можно было разглядеть, будто в микроскоп, мельчайшие подробности жизни - божьих коровок с пятнышками на спинах, муравьев, шевелящих усами при встрече друг с другом, безмянных букашек и козявок, напоминавших крохотные живые буквы, то резкие, то расплывчатые, будто в прятки играли. В какой-то миг даже свои собственные поющие клеточки сумел ослик рассмотреть наяву.

Так чётко и ясно его глаза никогда ещё не видели. Что правый, что левый! До того хорошо глядели, аж сердце замирало, какие молодцы!

- Вот и запустили зрение! - произнёс Диван-биби, словно военачальник, одержавший победу в крупной битве. - Не в том смысле, что махнули на него рукой. А постарались - и включили! Будто моторчик вечного двигателя. Чувствуешь, закрутились всякие колёсики и шестерёнки? Поехало зрение по гладкой дорожке в сторону улучшения! А впереди маячит селение Шифо. Чудесное местечко, Шифо! Само название означает исцеление, выздоровление.

Шухлик посмотрел с высоты вдаль, однако никакого Шифо не узрел. До самого горизонта лежала пустыня, куда уже пришла серая зима, с редким снегом, частыми холодными дождями и ветрами. А здесь, в саду Багишамал, по-прежнему - весеннее утро. И в душе золотого ослика, и вокруг подрастают всё новые и новые его деревья. Да и сам он, как

богатырское деревце, а на ушах и хвосте распускаются, кажется, цветы, вроде того белоснежного султанчика на кактусе Дивана-биби.

- Чтобы разглядеть Шифо, нужны особые занятия для глаз, - подмигнул дайди. - Каждый день их надо тренировать. Напоминать, как славно потрудились сегодня, и благодарить, чтобы завтра видели ещё лучше. Ты, золотой садовник, должен привыкнуть к хорошему зрению! Тогда и явится тебе Шифо!

- А я как раз оттуда! - возник под стремянкой запыхавшийся Малай. - Так спешил застать солнечный ливень. Удачно получился?

Действительно, ливень удался! Последние его капли мирно опускались на землю. Судя по всему, Диван-биби отлично растолковал джинну, что и как делать. И не только насчёт ливня.

На спине у красного осла покоилась тяжёлая каменная плита с таинственными знаками - крючочками, закорючками и каракулями.

Диван-биби поднял её легко, будто записную книжку, и довольно закивал колючей головой.

- Всё исполнил, как повелели, учитель! - доложил Малай, краснея ещё больше от гордости. - Без всяких заминок и путаницы! Этот камень из священного селения Шифо!

Ок-Тава удивлённо взмахнула крыльями.

- Насколько я знаю, Шифо находилось в древней Атлантиде, которая затонула двадцать пять тысяч лет назад между Африкой и Америкой!

- Именно так! - согласился дайди. - Но для умелого джинна время и расстояния - пустяки! Для чистого духа нет преград!

Потрепав Малаю за ухом, отчего тот сощурился и заворковал, как голубь, Диван-биби установил плиту рядом с платаном, точно посреди сада Шухлика.

- Здесь упражнения - для глаз и всего тела! - указал он на каракули. - Жители Атлантиды пользовались ими как лекарством от болезней. Они и тебе помогут, золотой садовник, если не забудешь об огромной секунде счастья и осьмикрылой Ок-Таве. Эти упражнения - тоже счастливые секунды жизни! Чувствуй, выполняя их, что это - праздник! Парад всех твоих сил, каждой твоей клеточки!

Дайди провёл ладонью по плите сверху донизу, и все загогулины превратились в знакомые, понятные Шухлику буквы. Очень интересно было складывать их в слова, а затем повторять те самые движения, что двадцать пять тысяч лет назад в священном селении Шифо делали атланты, исцеляясь от всяческих недугов.

Сад Шифо

Каждое утро Шухлик вместе с Ок-Тавой поднимался по лестнице-стремянке, всё уверенней выстукивая копытами испанский танец сарабанду. На пятой ступеньке ослик ощущал, как в него вселяется дух древних атлантов, и выполнял их живительные упражнения.

Настало время, когда Шухлик смог разглядеть сквозь тысячелетия селение Шифо - дома, на плоских крышах которых были устроены цветочные клумбы, сады во дворах и вдоль улиц и даже каменную плиту с тайными знаками, что притащил джинн Малай. Она стояла на центральной площади, и золотой ослик отчётливо видел каждую закорючку, означавшую, как он понимал теперь, то или иное упражнение.

На сороковой день в сад Багишамал залетела сорока Загизгон. А сорока прилетает к полному исцелению, это точная примета. Долго присматривалась она к Шухлику, не узнавая в золотом весёлом здоровяке того больного и равнодушного ослика, жившего когда-то по соседству, - в пустыне у чёрного столба.

- Не верю, не верю, не верю! - громко застрекотала Загизгон. - Чудо, чудо, чудо! В чём секрет?!

Сорока любит секреты. Тут же всем разболтает. Как говорится, сорока скажет вороне, ворона борову, а боров всему городу. Да вряд ли кто поверит, если не слышал о дайди Диване-биби и его бродячем саде Багишамал.

Известно, сорока стрекошет, гостей пророчит. На следующий день пожаловал лис Тулки во главе своего семейства - лисоньки Кореи и дюжины лисят. Они повстречали на окраине сада маявшего без дела красного осла Малая с любимым горшочком на голове.

- О, приятель! - ахнул Тулки, обознавшись. - Как ты изменился! Правду говорила Загизгон! Но такого я не ожидал. Ты, приятель, стал похож на лиса - цветом и хвостом. А что у тебя с глазом и почему горбик, как у верблюда?

- Да разве вы не слышали, друзья?! - оживился Малай. - Я открывал вместе с Колумбом Америку. У него ключ никак не подходил к американскому замку. Пришлось мне первому через окно лезть! Тут же напали краснокожие индейцы, искололи копьями, - всхлипнул он, придуриваясь. - Был при смерти, но уцелел, схоронившись в этом горшочке.

Лисы слушали, открыв рты. Они знать не знали, что происходит в мире. Жили в своей пустыне, как их предки сто или пятьсот лет назад. Какая Америка? Какие индейцы и Колумб? Больше всего их поразил спасительный горшочек. Тулки и Кореи обнюхали его и оглядели со всех сторон - им очень не хватало такого в хозяйстве.

Джинн по доброте душевной дунул-плюнул, и перед лисами появился отменный свежий горшок, в котором всё семейство запросто могло спрятаться и вообще жить долгие годы. Потом Малай посадил дюжину лисят себе на спину и катал по саду до заката - то как на карусели, то с горки на горку, то порхая над деревьями.

Лисы чувствовали себя будто в парке культуры и отдыха, откуда уходить никак не хочется.

- А это кто такой? - обомлел Тулки, завидев золотого Шухлика. - Неужто повелитель всех на свете ослов?

- Не скажу за всех ослов, - отвечал Малай - Скорее, это мой личный повелитель!

Шухлик, конечно, признался, что он Шухлик, и они с лисом Тулки просидели всю ночь, вспоминая побег от Маймуна-Таловчи. А Кореи с лисятами спала в новом уютном горшке, видя сны про индейцев и Америку.

Последнее время Шухлик не мог равнодушно глядеть на Малая, поскольку очень живо представлял себя в прошлом, только что вышедшим из сада Ворона.

Сам джинн ничуть не тяготился своим видом. Напротив, радовался каждой секунде вольной жизни вне горшочка. Ещё бы, просидеть пятьдесят веков в такой тесноте, темноте и духоте! Хотя сложно сказать, ощущает ли дух духоту?

Зато другое было очевидно - без тесноты, на свободе джинн начал расти не по дням, а по часам. Как на дрожжах, и вверх, и вширь! Он уже перерос Шухлика, достиг размеров мула, потом коровы и наконец верблюда. Конечно, у него имелся горб, однако выглядел Малай, мягко говоря, странно. Существо неизвестной породы - красного цвета, с пушистым хвостом, рогом во лбу и пиратской повязкой на глазу. Впрочем, очень милое!

А как здорово разросся сад Шухлика, слушая музыкальную стремянку! Он цвёл по утрам, плодоносил к вечеру и ходил за осликом по пятам, будто верный джинн.

Сад был прекрасен, но Шухлик вроде и не замечал, что сбылась его мечта. Пожалуй, ей всё же кое-чего не хватало. А именно второй половины.

- Знаешь ли, - сказал однажды дайди. - Ты должен выбрать - оставаться ли здесь, у меня под крылом, или вместе со своим садом найти новую дорогу.

Это был не простой выбор. Шухлик очень привык к Дивану-биби и к его саду Багишамал. Он как-то растерялся. К счастью, вспомнил об известном Буридановом осле, который, оказавшись между двумя охапками сена, так и помер с голоду, не решив, до какой из них сперва дотянуться. Хотя трудно поверить, что Буриданов осёл был настолько болваном.

Вероятно, он хотел послужить истории в качестве поучительного примера сомнений и колебаний. И пожертвовал жизнью во благо других ослов.

"Пора уже быть самостоятельным! - решил Шухлик. - Какие сомнения? Разве мне не по силам забрать маму-ослицу у хозяина Дурды?!"

Действительно, довольно глупо, когда один сад сидит внутри другого. Чем больше на свете независимых бродячих садов, тем лучше! У каждого должна быть своя собственная судьба. Если есть ангельский колокольчик в душе, судьба найдёт тебя в любом уголке этого мира и будет счастлива.

Шухлик назвал свой сад - Шифо, в честь священного селения атлантов. Только не знал, какое отчество ему дать. Багишамалович или Шухликович? А может, вернее - Диванович?

- Да не мучайся ты, золотой садовник! - рассмеялся Диван-биби. - Главное, сам не забывай о его происхождении, а для отчества он ещё слишком молод.

Шухлику и саду Шифо устроили шумные проводы. Собрался струнно-духовой оркестр, как в тот памятный вечер, когда ослик впервые танцевал с Ок-Тавой.

Играли марши и пели романсы. Нежно позванивали, желая друг другу счастливого пути, два платана-позвоночника - дед с внуком. А джинн сочинил неугасающий фейерверк, замерший в небе, словно Северное сияние.

К ослику потянулся длинный хвост за прощальными объятиями и поцелуями - еноты-полоскуны, тушканчик Ука, дикобраз Жайра, петух Хороз, фокусник Хамелеон, кукушка Кокку, выдра Ошна, сурок дядюшка Амаки. Словом, все обитатели сада Багишамал были тут как тут и затискали Шухлика почти до головокружения. Даже Малай успел влезть несколько раз без очереди, хотя и не думал расставаться со своим повелителем.

Диван-биби вылепил из глины целую стайку райских птичек и выпустил их в сад Шифо, где оказалось уже немало жителей. К примеру, семейство лиса Тулки, поменявшее тесную нору в пустыне на просторный горшок в саду, сорока Загизгон, а ещё кроты и слепыши из семейства мышиных, выпавшие со "слепым" дождём. Не говоря уж об Ок-Таве и красном Ма-лае.

Грустно было расставаться с Багишамалом и дайди Диваном-биби. Деревья двух садов махали ветвями до тех пор, пока ещё виднелись в пустыне, пока сад Шифо не скрылся за горизонтом.

Шухлик направился прямо за своей мамой-ослицей.

По дороге сад принимал всех, кто хотел в нём поселиться. Ранним утром, когда Ок-Тава только что спустилась с небес, прилетел жаворонок Жур. А к полудню повстречали черепаху старушку Тошбаку. Она так обрадовалась, что едва не выскочила из панциря.

- Я знала, дорогой ослик, что мы увидимся! Иначе и быть не могло! - ползала она вокруг Шухлика, осматривая его со всех сторон, как одно из чудес света. - Чувала, что на склоне лет проживу в саду!

Ну, а разве могла не почувствовать мама-ослица, что её золотой сынок неподалёку? Вместе с кошкой

Мушкой они затемно сбежали со двора хозяина Дур-ды и поспешили в пустыню.

Мама-ослица глазам не поверила, увидев целый поющий и цветущий сад, быстро шагавший навстречу. Она подумала, это мираж, фата-моргана! А когда разглядела осьмикрылую Ок-Таву и красного Малаю, величиной с верблюда, чуть в обморок не упала от таких немыслимых диковин.

Кошка Мушка поддержала её и передала, как говорится, с рук на руки, под опеку Шухлика, - вместе с приветами от тётки Сигир, дядьки Бактри и от раскаявшегося козла Таки, который особенно застыдился, почувствовав себя прощёным.

Мама-ослица еле доставала головой до плеча Шухлика, так подрос и возмужал сынок, но для неё остался всё таким же маленьким рыжим осликом, как прежде до разлуки. Они простояли бок о бок до вечера, разговаривая без умолку обо всём на свете и решая, куда путь держать.

Жители сада Шифо уже залезли на лесенки-стремянки и собирали урожай. Малай знакомил кошку Му-шуку с местным населением.

Ок-Тава поднялась, как обычно, в ночное небо, откуда мигала Шухлику своими звёздами. А на рассвете золотой ослик пустился рысью в дорогу, которая, вливаясь в другие, вела по всем закоулкам мира и возвращалась назад, чтобы проведать Дивана-биби, выпить с ним зелёного чая и послушать, как позванивают два платана и беседуют два сада - старый и молодой.

В здешних краях, когда строят дом, последний кирпич не кладут - оставляют ещё дело, заботу в жизни. Так и в этой истории об ослике Шухлике последняя строчка не дописана, хотя каждый сможет её додумать.

Вот она. Шухлик был счастлив каждую секунду, и сад его Шифо цвёл утром и давал урожай к вечеру, и все мечты золотого ослика...

Упражнения атлантов

Упражнения атлантов, добытые джинном Малаем

Для ушей

Прежде всего, не забывай, что все эти упражнения помогут только тогда, когда в твоей душе огромная секунда счастья и с тобой прекрасная Ок-Тава, не обязательно ослица, - у каждого, как известно, своя личная Ок-Тава. Ты можешь дунуть-плюнуть и прошептать именно те слова, что шепчет джинн Малай, однако ничего из этого не выйдет, если в тебе нет творческого духа, радостного и ликующего состояния души.

У кого есть хвост, крутите им весело, от всей души!

Кстати, у атлантов душа находилась в ушах.

Да и у нас, пожалуй, тоже. У некоторых, конечно, душа в пятках. Но у большинства - душа в ушах! Может быть, и нет. Но, по крайней мере, звучит хорошо. Благозвучно - душа в ушах! Так и говорят, что не глаза видят, а человек, не ухо слышит, а душа.

Ухо, как известно, - это орудие слуха и равновесия. Оно разделено на части - наружное, среднее и внутреннее. Есть ушная раковина, слуховой канал и мочка. Более того, барабанная перепонка и слуховые косточки - молоточек, наковальня и стремечко. А ещё - полукружные каналы, улитка и Евстахиева труба, которая соединяет глотку с барабанной полостью и выравнивает давление воздуха в среднем ухе по отношению к внешней среде. Очень не простое устройство! В скромной улитке, например, находится важный кортиев орган, превращающий звуковые колебания в нервное возбуждение.

Итак, звуковые волны через наружное и среднее проходят во внутреннее ухо. Начинает вибрировать барабанная перепонка. И слуховые косточки передают звук дальше - воспринимающим клеткам мозга, чтобы мы наконец услышали.

Ушами, впрочем, можно не только слушать, но и двигать. А кое-кто умеет развешивать уши, хлопать ими или даже пряхти.

Бывает, что уши вянут, когда ничего слышать не хотят. Тогда в одно ухо влетает, а из другого вылетает, не задерживаясь в голове.

Уши чешутся к новостям или дождю. А у кого уши горят, про того где-то что-то говорят. Если правду, горит правое, если ложь - левое.

Ну а когда в ухе зазвенело, надо загадывать желание! Обязательно исполнится, если кто-нибудь укажет, в каком именно звенит.

Знающие люди советуют и жену выбирать не глазами, а ушами. То есть сперва послушать, что она говорит, и что о ней рассказывают.

А зимой даже у солнца отрастают уши - это к морозам.

В общем, понятно, насколько важная персона - ухо! Ко всему прочему на нём тысячи активных точек, особенно на мочке. Так что, теребя ухо, мы влияем на весь свой организм. Поэтому надо отнестись к ушам со всем почтением. Ни в коем случае не покалечить во время упражнений!

Упражнение № 1: возьмёмся за уши, друзья! Сгребли их в горсти и радостно тянем. Несколько раз вниз и несколько раз вверх - то посильнее, то полегче.

Упражнение № 2: теперь ухватились пальцами за середину ушной раковины и опять-таки тянем-потянем в стороны и чуть назад.

Упражнение № 3: круговые движения. Уши в горстях и вращаются - по часовой стрелке и против.

Упражнение № 4: зажимаем уши ладонями так, чтобы ничего не слышать, кроме морского гула и шороха волн внутри самих ушей. И начинаем круговые движения в обе стороны. Такое ощущение, будто заработал мощный двигатель, а из ушей вот-вот пар повалит!

Упражнение № 5: если повреждена барабанная перепонка, это упражнение нельзя выполнять. Остальным надо ещё сильнее прижать ладони к ушам, а потом так их отдёргнуть, чтобы раздался сухой хлопок.

Прекрасно, если уши горят! Значит, о нас уже говорят - кто с восторгом, а кто и с завистью, потому что самому лень заняться своими ушами. А ведь это чудесная разминка для души!

Каждое упражнение надо повторить десять раз. То есть на все пять уйдёт примерно пятьсот миггов. Атланты измеряли время миганиями. Это очень личная единица времени. У одного набиралось, к примеру, пятьдесят тысяч миггов за сутки, а у другого раз в пять меньше. Вообще в Атлантиде, как выяснилось, жили два народа - моргачи и неморгаи. Ещё в ту древнюю пору родилось выражение - проморгать, или промигать, что - нибудь. При особом умении можно и жизнь проморгать! Но подробнее об этом, когда настанет черёд упражнениям для глаз.

Для кистей

Кисть руки, как ветвь дерева. Испанцы называют её - пальма. Даже когда дерево в полном покое, ветви его колышутся от малейшего ветерка. Так и кисть руки движется, пожалуй, больше, чем какая-нибудь другая часть организма, не считая, конечно, языка.

Кисть очень трудолюбива. Иногда и язык заменяет. Героическая кисть! Постоянно шевелится, двигает туда-сюда пальцами. А движение сродни подвигу. Корень-то один: двигать - подвиг.

Кисть соединена суставом с локтевой и лучевой костями. Этот сустав называют лучезапястным. У нас множество суставов. Без них ни рукой, ни ногой не пошевелить. От их подвижности зависит осанка, стать.

Словом, фигура. Иначе говоря, твой образ, внешний вид. Ну, а всё великое начинается с малого, буквально с мизинца, как полагали древние атланты.

Упражнение № 1: кулачное! Как можно быстрее сжимаем и разжимаем кулаки. Сначала захватываем воздух, а потом за ненадобностью резко выбрасываем его, полностью выпрямляя пальцы.

Упражнение № 2: щелчковое! Каждым пальцем по очереди отвешиваем дружеский щелбан в пространство. Для красоты картины можно представить джинна Малая, которому не больно, а только приятно, что на него обратили внимание.

Упражнение № 3: считательное! По очереди сжимаем пальцы. Сначала от мизинца к большому, затем от указательного к мизинцу. Встряхиваем кисти рук и расслабляем мышцы.

Упражнение № 4: помните, заклинают вас атланты, об улыбке всего тела - об осанке и огромной секунде счастья! Не расставайтесь с Ок-Тавой! Или дело ограничится простой гимнастикой. Теперь всё внимание лучезапястному суставу. Руки вытянуты вперёд, а кисти опущены. Делаем несколько подгре-бательных движений, направляя пальцы к себе и чередуя напряжение и расслабление в суставе. Мысленным взором осматриваем его: как себя чувствует? Затем несколько раз также пружинисто устремляем кисти вверх.

Упражнение № 5: руки и кисти вытянуты вперёд. Разводим кисти в стороны до упора. Это исходное положение. Теперь пытаемся развести их ещё больше - несколько пружинистых движений. Затем кисти сводим внутрь и повторяем усилие, как бы желая, чтобы большие пальцы соприкоснулись.

Упражнение № 6: руки опять-таки вытянуты вперёд, но кисти сжаты в кулаки. С усердием вращаем их по кругу. Сначала в одну сторону, потом в другую.

Каждое движение повторяется десять раз.

Не на миг не забывайте, друзья, что упражнения атлантов не просто гимнастические занятия, а целительные движения. Вообще движение - это жизнь и возрождение!

Душа заставляет тело потрудиться для общей пользы, чтобы оно стало гибким, здоровым - от ушей до пальцев.

Для локтей

Локоть - это сустав, соединяющий плечевую кость с локтевой и лучевой костями. Хитрый сустав! Ударишь локоть, так иной раз будто ток по всей руке проходит, столько там нервных окончаний.

Как говорят, близок локоть, да не укусишь. Ну, и очень хорошо - ещё бы не хватало его кусать! Правда, некоторые любят локтями толкаться. Тогда хочется укусить. Не свой, конечно, а чужой.

А вот если локоть чешется, это к близкому переезду. Пятьсот лет назад даже измеряли длину локтями, считая его от сустава до конца среднего пальца. Получалось у кого как - то 38 сантиметров, а то и все 46. Поэтому у наших предков мера длины была, вероятно, приблизительной, как у атлантов мера времени.

Может быть, это покажется странным, но часть руки от локтя до кисти называется предплечьем. Значит, всё, что выше локтя, уже плечо.

Итак, плечи прямые и расправленные. Руки согнуты в локтях. А предплечья с кистями свободно висят.

И начинаем вращательные движения предплечьями вокруг локтевых суставов в обе стороны. При этом плечи не двигаются, будто спокойно лежат на спинке дивана.

Помните, что важна не техника упражнений, а дух Ок-Тавы. В нём - здоровье, любовь и счастье.

Для плеч

Плечо - представитель силы. Когда говорят "это тебе по плечу", имеют в виду - по силам. Все дела обычно лежат на плечах. Даже небо, как известно, держится на плечах атлантов. Плечом и гору сдвинешь!

Плечи опускаются, если сил уже нет. Можно подставить плечо, то есть помочь кому-нибудь. Пожать плечами - выразить недоумение или нерешительность. Или расправить плечи - приосаниться. Ещё считают, что молодость плечами крепче, а старость головой.

Плечо - это место соединения идущей от локтя вверх плечевой кости, треугольной плоской лопатки и ключицы. Но если называть плечом часть тела от шеи и до самого локтя, то оно получается необычайно широким.

Хотя сейчас нас интересует только плечевой сустав.

Упражнение № 1: выпрямленную руку вращаем прямо перед собой, будто это вовсе не рука, а крыло ветряной мельницы. В кисти возникает ощущение тяжести от приливающей крови. Ветер дует всё сильнее, и вращение убыстряется. Сначала по часовой стрелке, затем - против. Если начали с правой руки, то переходим к левой. Или наоборот.

Упражнение № 2: голова прямо, а плечи тянем вперёд навстречу друг другу, так что лопатки разъезжаются и чувствуем приятное напряжение. После лёгкого расслабления снова сдвигаем плечи.

Упражнение № 3: плечи назад, пока лопатки не столкнутся. Грудь при этом раздвигается и выпячивается, хоть медаль вешай. И так несколько раз.

Упражнение № 4: поднимаем плечи в недоумении, стремясь дотянуться до ушей.

Опускаем, и новая попытка. Затем стараемся опустить плечи как можно ниже. И снова - вверх.

Упражнение № 5: теперь круговые движения плечами вперёд-назад, то поднимая их, то опуская. Руки напоминают поршни паровой машины.

Упражнение № 6: голова прямо, а руки спокойно висят ладонями внутрь. Поворачиваем их ладонями наружу так, чтобы трудились сразу три сустава - плечевой, локтевой и лучезапястный. Когда ладони вроде бы уже предельно вывернуты, пытаемся ещё немножко их повернуть. После чего идёт расслабление, и новая попытка с чуть большим усилием. Затем разворачиваем руки ладонями вперёд - до упора. И снова повторяем несколько раз смену напряжения и расслабления. Очень важно никогда не задерживать дыхание. Вдох при расслаблении, выдох при напряжении.

Упражнение № 7: потряхиваем руками, расслабляя мышцы.

Упражнение № 8: руки сцеплены в замок на груди. Корпус прямой и совершенно неподвижный. Глаза едут вправо. За ними голова. И правая рука тянет на себя левую. Уже дойдя до упора, делаем ещё усилие - стараемся продолжить движение. Расслабляемся, не меняя положения, и новая попытка. Так несколько раз. Затем повторяем то же самое в левую сторону.

Главное, при всём этом - радость! А то, как говорится, с печали шея равна с плечами. Расправили плечи, и улыбаемся всем телом.

Для стоп

Стопа - нижняя часть ноги. Грубо говоря, ножная кисть. Она соединена с голенью голеностопным суставом.

Стопой, как и локтем, мерили раньше длину. Да и сейчас ещё измеряют в некоторых странах. На английском языке такая единица длины называется фут, то есть нога. Равен фут примерно тридцати сантиметрам.

И во дворах, играя в футбол, отмеряют ширину ворот стопами. Правда, тут они ещё не доросли, как правило, до величины фута.

Представьте, стихи тоже измеряются стопами. В зависимости от количества слогов в стихотворной строчке стопа бывает двухсложная, трёх- и четырёхсложная.

Многое говорит след от стопы. Человек, как и медведь, опускает на землю всю стопу. Поэтому величают их - ступняки, или пяточники.

А другие - например, осёл и собака - ходят на цыпочках, ступая только на пальцы, которые в старину звались перстами. Отсюда и прозвище для них - пер-стоходы.

Упражнение № 1: всё внимание сосредоточено на голеностопном суставе. Ногу сгибаем в колене. Стопу направляем перстами вниз, с некоторым усилием, чтобы почувствовать напряжение в суставе. Несколько раз повторяем это движение. Затем персты тянем вверх и на себя, а пятку вперёд. На ваше усмотрение, с какой стопы начинать и какой заканчивать.

Упражнение № 2: исходное положение прежнее. Стопу поворачиваем внутрь. И делаем усилие, чтобы развернуть ещё больше, косолапей. Повторяем это движение несколько раз, ощущая сопротивление сустава. Понятно, что всё это предназначено не для одной стопы, а для двух.

Упражнение № 3: стопу выворачиваем наружу и делаем те же движения, что и в предыдущем упражнении.

Упражнение № 4: круговые движения стопой. Так бодро, будто стопа очень хочет отмотаться и побежать гулять, а неподвижная нога её никак не пускает.

Помните, что каждый миг упражнений - это праздник! Выполняйте их с наслаждением, как настоящие атланты. А не просто так, чтобы только отмотаться.

Для коленей

Колено - это сустав, соединяющий берцовую кость и бедренную. Иначе говоря, голень с бедром.

Голень - от слова "голый", часть ноги от колена до стопы, прикрытая спереди одной только кожей без мышц. Поэтому так больно, когда ударишь голень.

Голенастыми называют тех, у кого голень особенно длинная, - например, цапель, куликов, петухов да кур. И у сапога есть голенище, низкое или высокое, иногда почти до колена.

Коленный сустав предохраняет круглая кость, именуемая чашечкой.

В былые времена учителя ставили провинившихся детей в угол на колени. Иногда насыпали в этот угол горох. Конечно, не молодой зелёный горошек, а старый, твёрдый горошище. Наверное, очень неприятно стоять на нём голыми коленями. Если бы не чашечка, невозможно было бы вытерпеть.

А солдат учили так - колени не подгибай да брюха не выставляй, да не относись заду! То есть держись ровно да прямо.

Колено - это также род, племя, поколение. Родословная называлась коленной росписью.

По коленям, или коленцам, различают пенье соловья. В хорошей соловьиной песне их насчитывается целых девять. Бывает, что колени щёлкают, почти как соловьи. И это непорядок.

Соловьиные коленца и трели должны звучать в душе, когда выполняете целительные упражнения атлантов.

Ещё говорят: это и через колено не переломишь! Значит, не осилишь. Однако такая поговорка не для вас. Вам, друзья, всё по силам!

Упражнение № 1: нога согнута в колене под прямым углом, будто собрались шагнуть на высокую ступеньку. А голень расслаблена и вращается по часовой стрелке и против, словно воду в бочке перемешивает. Сначала одна нога, потом другая.

Упражнение № 2: согнутые ноги чуть шире плеч, а стопы слегка повернуты внутрь. Руки на коленях. Спина ровная, голову не опускаем и смотрим вперёд.

Начинаем круговые движения коленями. В одну сторону, после чего колени расслабляются, и затем в другую.

Упражнение № 3: ладони по-прежнему на коленях, а ноги вместе. Те же круговые движения в одну и другую стороны.

Упражнение № 4: ноги вместе, но теперь выпрямлены. А руками нажимаем на колени, как бы стараясь прогнуть ноги назад. Несколько таких пружинистых движений, но не доводя, конечно, до того, чтобы колени оказались сзади, как у кузнечика.

Для бёдер

Бедро - это нога от таза до колена. Тазом называется часть скелета, которая даёт опору нижним конечностям. Он состоит из крестца, копчика и двух тазовых костей.

А тазобедренный сустав находится в глубокой лунке таза на стыке с толстой бедренной костью.

У бедра есть ещё одно название - ляжка. Отсюда пошло лягаться, в смысле брыкаться, как это делают лошади или ослы, то есть бить наотмашь задней ногой.

Выходит, что и лягушка имеет прямое отношение к бедру. Известно, лягушки квакают к дождю.

А суставы, если о них не заботиться, могут ныть перед дождём. Чтобы вдруг не заквакали, надо вовремя подумать о суставах, и с радостью выполнить упражнения атлантов.

Упражнение № 1: туловище неподвижно, а правая нога поднята и согнута в колене под прямым углом. Поворачиваем бедро вправо до предела. Но поскольку за всяким пределом всегда есть ещё некоторые возможности, пытаемся продлить движение дальше. Несколько таких усилий, чтобы сустав почувствовал напряжение, а потом расслабился. И то же самое для левого бедра.

Упражнение № 2: исходное положение не меняется. Покачивая бедром вверх-вниз, уводим его до отказа вправо и возвращаем на место. Затем проделываем это и левым бедром.

Упражнение № 3: не теряя равновесия, вращаем отведённым до упора вправо бедром - по часовой стрелке и против. Теперь вращения левым бедром.

Упражнение № 4: ходим на прямых ногах, не сгибая коленей. Опираемся сначала по-человечески на всю стопу, затем только на пятки. Потом идём, как перстоходы, на цыпочках. После этого стараемся пройти на внутренней стороне стоп. И наконец - на внешней. Можно ускорять шаг. Туловище неподвижно, а напряжение чувствуется в тазобедренных суставах.

Эти упражнения заставляют тело чуть-чуть потрудиться, зато дают ему свободу и радость движения.

Вся разминка суставов займет у вас не более получаса, то есть около двух тысяч мигнов. Главное, чтобы каждый из них был наполнен ощущением счастливого праздника. Вы так здорово всё делаете, что любо-дорого поглядеть!

Для позвоночника

С позвоночником у нас уже было, как говорится, шапочное знакомство, когда он беседовал во сне с Шухликом. Однако не все, наверное, знают, что позвоночник состоит обычно из тридцати двух позвонков, соединённых меж собой суставами, хрящами и связками. То есть позвонков столько же, сколько букв в алфавите и зубов во рту.

Но если молочные зубы выпадают и вырастают коренные, то с позвонками такого не случается. Их надо с детства беречь, чтобы позвоночник не искривился. Когда он не здоров, портится зрение, начинаются головные боли, мозг хуже работает и память пропадает.

Для суставов необходимо движение, иначе они становятся жёсткими, вроде заледневшими, и весь позвоночник не может улыбаться - теряет гибкость. Позвоночник в неподвижности будто засыхает, как цветок без поливки. Ему никак не обойтись без целительных упражнений атлантов.

Сначала глубоко вдохнём носом и выдохнем ртом. Выдох по продолжительности в два-три раза дольше вдоха.

Чувствуем, что нам по силам исполнить любое своё желание. Разве мы не победили лень и упрямство?! Точно так же одолеем привычку видеть плохо! Это настолько радует, что глаза уже откликаются и смотрят зорче. Не забывайте об огромной секунде счастья и об улыбке всего тела. Главное, чтобы такое состояние не покидало вас ни на миг! Да и не покинет, если с вами Ок-Тава.

Начинаем с разминки шейного отдела, состоящего из семи позвонков. Кстати, первый из них, тот, на котором сидит череп, называется атлантом.

Упражнение № 1: спина прямая, а подбородок опущен. Стараемся достать подбородком как можно ниже. Шея изгибается и вытягивается, словно у лебедя, когда он чистит перья на груди. Напряжение чередуется с расслаблением. Каждым новым движением пытаемся увести подбородок всё ниже. Если это упражнение выполнять очень тяжело, то просто тянем шею вперёд, будто любопытный гусь. Всё делаем с удовольствием, с радостью, не доводя до болезненных ощущений.

Упражнение № 2: голову слегка отклоняем назад и направляем подбородок к небу, как это делают волки, воя на луну. Тянем подбородок всё выше, будто хотим вылезти из своего тела. На миг останавливаемся, отпуская напряжение, и вновь тянемся подбородком вверх.

Упражнение № 3: спина прямая и плечи неподвижны. Голову наклоняем вправо, пытаюсь уложить ухо на плечо. Попытка не должна быть пыткой, поэтому старайтесь, но без крайностей. Со временем должно получиться - и на правое плечо, и на левое.

Упражнение № 4: голова прямо, смотрим вперёд. Медленно поворачиваем глаза вправо, а следом за ними и голову насколько возможно. И с небольшим напряжением попытайтесь повернуть дальше, будто хотите взглянуть, что там за спиной. Несколько таких усилий в одну сторону и затем - в другую.

Теперь разминка двенадцати позвонков грудного отдела позвоночника. Пусть он ощутит нашу любовь и благодарность за то, что мы стройны и статны, как могучий платан.

Упражнение № 1: прямые руки опущены и сцеплены пальцами, а подбородок прижат к груди. Руки тянем вниз, подбородок ползёт за ними по груди, и плечи сходятся. Спина выгибается дугой, вроде буквы "С", а поясница неподвижна. Несколько раз повторяем это движение.

Упражнение № 2: теперь прямые руки сцеплены сзади. Тянем их вниз, так что лопатки сходятся, и грудь колесом, как у буквы "З". Голову не запрокидываем.

Упражнение № 3: стоим прямо, руки согнуты в локтях. Правое плечо поднимаем, опуская левое, от которого не отстаёт голова. Поясница неподвижна. Чувствуем лёгкое напряжение и растягивание грудных позвонков. Можете пересчитать в уме все двенадцать, пока пытаетесь ещё больше изогнуть позвоночник. Затем повторяете движение плечами и усилие в другую сторону.

Упражнение № 4: стоим прямо, голова неподвижна, руки вдоль туловища. Опускаем плечи, усердно вытягивая руки к полу. Можете представить себя акробатом в цирке, держащим на плечах другого, в котором, конечно, не сто килограммов. Но позвоночник сжимается, как пружина. Посчитайте позвонки, окиньте их мысленным взором и равномерно распределите между ними тяжесть. Теперь верхний акробат спрыгивает, и сразу ощущение такой лёгкости, что вот-вот взлетишь. Плечи сами поднимаются, а вы ещё им помогите, вздёрнув до упора и устремившись макушкой в небеса. Позвонки вздыхают, расслабляясь. Несколько раз повторите это движение.

Упражнение № 5: выполняем круговые движения плечами, будто плывём кролем по молочной реке с кисельными берегами. Доплываем до буйка и обратно - теперь на спине.

Упражнение № 6: ноги на ширине плеч. Всё до пояса в неподвижности. Кисти рук кладём на плечи и разводим локти в стороны. Поворачиваем вправо глаза, за ними голову, потом плечи и грудь. Дойдя до упора, стараемся двинуться немного дальше, так что в грудном отделе позвоночника создаётся напряжение. Повторяем движение в другую сторону.

Упражнение № 7: правая рука согнута за головой так, что локоть устремлён вверх. Смотрим на него и выгибаемся влево, растягивая при этом позвоночник и правый бок. Помните, что это не наклон, поясница остаётся неподвижной. Повторяем движение в другую сторону.

Упражнение № 8: ноги шире плеч, колени чуть согнуты. Голову наклоняем вниз, а плечи - навстречу друг другу. При этом позвоночник до поясницы сгибается дугой. Плечи постепенно двигаются вниз, затем вместе с головой - назад, и грудь выпирает колесом. Повторяем это движение несколько раз.

Наконец дадим работу поясничному и крестцовому отделам позвоночника, в каждом из которых по пяти позвонков. Ещё тут будет трудиться копчик, то есть самый кончик позвоночника.

Ныне это просто часть таза. А в далёком прошлом копчик был вполне самостоятельным хвостом, однако со временем его позвонки срослись от бездействия. Вот если бы наши предки делали для него специальные упражнения, то мы и сейчас, пожалуй, могли бы вилять хвостом. Кстати, не перепутайте копчик с кобчиком - это такая небольшая, но хвостатая птица из семейства соколиных.

Упражнение № 1: ноги на ширине плеч, колени полусогнуты. Спина прямая, таз вперёд, а копчик направляем вверх, думая, что это сокол, который хочет взлететь. При этом позвоночник, как лук атлантов, выгнут назад дугой. Лёгкое напряжение чередуем с расслаблением.

Упражнение № 2: исходное положение то же, но таз слегка отодвинут назад. Копчик тянется вверх, а весь позвоночник прогибается вперёд. Несколько пружинистых движений с усилием. И расслабление.

Упражнение № 3: туловище до пояса прямое и неподвижное. Начинаем круговые движения бёдрами. В одну сторону раз десять и в другую столько же.

Упражнение № 4: бедро выдвигаем вправо и вперёд, перенося на него всю тяжесть тела.

Несколько пружинящих движений бедром дальше вправо. Левая рука вытянута вверх. Наклоняемся вправо, растягивая левый бок. Затем, не меняя наклона, переносим вес тела на левую ногу и стараемся ещё больше растянуть левый бок. Всё повторяем в другую сторону.

Позвоночник можно назвать осью, или стержнем, нашего тела. Вокруг стержня, если говорить о механизмах, всё движется, а сам он в покое и поэтому часто ржавеет. Вот этого с позвоночником нам никак нельзя допустить. Хоть он и напоминает дерево, но должен быть гибким, как пруттик. Чтобы он хорошо себя чувствовал, выполним ещё несколько упражнений - скрутки для всего позвоночного столба.

Упражнение № 1: ноги шире плеч, стопы будто приклеены к полу, колени чуть согнуты, а руки на плечах. Медленно поворачиваем туловище до предела вправо. И пытаемся с лёгким напряжением увести его ещё дальше. Только нельзя доводить до болезненных ощущений. Усилие и затем отдых, расслабление. При каждой попытке - выдох. Несколько раз повторяем это движение.

Упражнение № 2: исходное положение прежнее, но туловище наклонено вперёд. Теперь поворачиваем его вправо так, чтобы можно было видеть потолок. Стараемся разглядеть потолок получше, то есть выкручиваем всё тело правее, чередуя напряжение и расслабление. Затем повторяем движение в другую сторону, после чего выпрямляемся.

Упражнение № 3: из исходного положения отклоняем тело назад. Голову не запрокидываем, подбородок направлен к груди. Поворачиваем туловище вправо, локоть направляется вниз, и мы стараемся увидеть не только правую, но и левую пятку, для чего нужно некоторое усилие. Как обычно, чередуем напряжение в позвоночнике с расслаблением. Потом такой же поворот в другую сторону.

Упражнение № 4: ноги на ширине плеч, левая рука спокойно висит, а правая устремляется вверх, будто вы хотите, не вставая на цыпочки, дотянуться до яблока на ветке. Ну, ещё чуть-чуть! Чувствуем, как позвоночник растягивается. Он хочет помочь нам сорвать яблоко. Когда дотянемся правой рукой, попытаемся точно так же достать какую-нибудь грушу одной левой. Это упражнение позволит нам немного подрасти.

Упражнение № 5: расслабляем все мышцы тела, начиная с лица и до стоп. Представьте, как отряхивался Шухлик, когда вылез из пруда. Постарайтесь повторить эти движения - от бывшего хвоста до нынешних ушей. После чего подышите спокойно, как перед началом упражнений.

Закончена разминка суставов, и они, поверьте, очень благодарны вам за внимание. Ведь вы не забыли направить волну любви каждому суставу? Без приподнятого, праздничного настроения упражнения атлантов не принесут нужного целительного результата.

Помните, что каждое ваше движение - это радостный миг жизни. Тело не создано для покоя. Для него подвижность - просто торжество!

Тепло - прохладно

Вы уже ощущаете, друзья, благодарность своего тела - за ваше внимание к нему и заботу о нём.

Когда вас благодарят, то вроде бы тепло становится на душе. Будто её заполняет мягкий солнечный свет. Такое надолго запоминается.

Да и вообще ощущения легче лёгкого запомнить. Опустите руку в тёплую воду, а затем в холодную. Потом довольно просто восстановить в памяти чувства тепла и прохлады.

Кто не вспомнит прямо сейчас ощущения горячего песка под голыми пятками на пляже или внезапную свежесть набежавшей волны?

А теперь попытайтесь представить тепло и прохладу в виде пушистых комочков, вроде крохотных крольчат, способных путешествовать по вашему телу, куда им укажете.

Один из них тёплый-тёплый, только что проснулся. А другой - прохладный, потому что уже успел напрыгаться по зимнему саду.

Обратимся сначала к тёплому. Вот он прикоснулся к вашей правой ноге. Чувствуете, будто пуховый носок натянули, так тепло и приятно. И вдруг запросто, по вашему желанию, проник внутрь стопы. Теперь только указывайте ему, куда двигаться, согревая всю стопу, каждую косточку и жилку.

И направляете тепло вверх по ноге, прогревая мышцы и ткани, все клеточки тела. А особенно коленный сустав, чтобы лучше сгибался, без трескотни и похрустываний.

И ещё выше поднимаете тепло, до тазобедренного сустава. Тёплый, пушистый, ласковый комочек - так чудесно от его прикосновений!

По низу живота он перетекает в левый тазобедренный сустав и начинает потихоньку спускаться - по костям и мышцам бедра, сквозь колено до стопы. Ох как здорово прогревает он всё на своём пути! В его тепле растворяются без следа и улетучиваются из тела все ваши недуги.

Столько в нём ещё сил и бодрости, что пускается в обратный путь. А затем прыгает со стопы на ладонь.

Ну, точно, такое ощущение, что сидит на ладони рыжий крольчонок, сияющий теплом!

Светлым комочком проникает в ладонь и двигается вверх по руке, наполняя её живительным, исцеляющим теплом - предплечье, локтевой сустав, плечо.

Теперь из левого плеча направляйте его прямо в правое и вниз до ладони. Тёплый-тёплый, успокоительный, уносящий все неприятные ощущения. Такую благодать и здоровье оставляет в теле!

Разрешите ему проделать обратный путь - от ладони до ладони, через локти, плечи и предплечья.

Медленно поднесите ладонь к копчику и почувствуйте, как тёплый комочек движется вверх, лаская и омывая каждый позвонок, до первого шейного. И затем дорога вниз.

Ну, хорошо - пусть тёплый крольчонок отдохнёт. Теперь очередь прохладного. Его путь уже известен - по тем же тропкам, по которым пробирался первый.

Разница в том, что этот прохладный комочек приносит с собой ощущение свежести зимнего сада, бодрости и силы - в каждую клеточку, во все ткани организма.

Что тут скажешь? Волшебные малютки-крольчата. Один рыжий, другой белый - тёплый и холодный, созданные вашими воспоминаниями об ощущениях.

Не забывайте о них, друзья!

Пусть всегда будут неподалёку, чтобы вы могли в любое время отправить их в путешествие по своему телу, которое, конечно, отблагодарит вас здоровьем. Вы это обязательно ощутите! Но только это ощущение уже никуда не перемещайте, а храните в душе и сердце.

Внутренний взор

Когда мы смотрим по сторонам, разглядывая дома или прохожих, то такой взгляд можно, пожалуй, назвать внешним.

Внутренний возникает в минуты задумчивости и сосредоточенности.

Да вот только задумайтесь, сколько приятных и полезных ощущений вы уже доставили своему телу. Как же тут не улыбнуться от удовольствия?! Обязательно, друзья, сохраните эту улыбку. И внутренним взором, задумчиво и сосредоточенно, пошлите её самому себе, одарите этой улыбкой себя самого от пяток до макушки.

Почувствуйте, хоть это и странно звучит, как улыбаются и посмеиваются ваши волосы, потому что им хорошо.

Улыбаются глаза, рот и каждый зуб в отдельности, не говоря уж о языке.

Даже нос не может скрыть улыбки, настолько он чист и легко дышит.

Представьте - улыбаются руки и ноги. А особенно живот! Он просто хохочет, потому что очень уж ему здорово живётся.

Обратите внутренний взор на каждый ваш орган - на лёгкие и печень, на желудок и почки, - передавая им улыбку и получая такую же в ответ.

Так бывает на хорошем спектакле в театре, когда зрители не могут не улыбнуться друг другу, оттого что им весело и уютно. Или же замечательным летним днём на улице, вдруг замечаешь, что все улыбаются, как и должно быть постоянно в этой жизни, когда она добрая и счастливая, что, в общем-то, зависит от нас самих.

Только, умоляю, побольше улыбок - как внешних, так и внутренних! Чтобы светились и грели в каждом взгляде, в каждом взоре.

Для глаз

Если душа живёт в ушах, то в глаза она смотрится, как в зеркало. Так ведь и сказано, что глаза - зеркало души! Она в глазах отражается, и сразу видно, каков человек.

По глазам судят, плохой он или хороший. А по радужной оболочке и по движению глаз определяют, здоров или болен.

Глаза бывают добрыми или злыми, нежными, влюблёнными и грустными, наглыми, лживыми и дурными или умными, весёлыми и верными. Есть глаза с поволокой и "масленные" глазки.

Чего только глазами ни делают - подмигивают, зажмуривают, моргают, хлопают, вертят! Ротозеи и бездельники свои глаза обычно таращат или пялят. Глазами говорят без слов и внимательно слушают. Даже едят глазами, если очень зависят от кого-то и хотят ему угодить.

Можно своим глазам не верить или доверять, пропускать мимо глаз или строить глазки, заигрывая с кем-нибудь.

Глаза мозолят, надоедают, пристают. Или пускают пыль в глаза, выставляя что-либо напоказ, хвалясь. Иной раз, желая обмануть, плачут глазами, а сердцем смеются. Когда вокруг очень всего много и не знаешь, куда сперва посмотреть, то глаза просто разбегаются.

О жадных и завистливых говорят, что глаза у них завидуши, а руки загребуши. А особенно злобные люди могут будто бы сглазить - наслать взглядом порчу, болезнь. От такого плохого глаза наши предки держали фигу в кармане.

Часто человек в чужом глазу соломинку видит, а в своём и бревна не различит, то есть замечает пустяки за другими, а в себе - ровным счётом ничего плохого.

У страха, известно, глаза особенно велики! Когда боишься чего-нибудь, то это кажется таким огромным и ужасным, что глаза сами собой выпучиваются.

На затылке, конечно, глаза не бывают, хотя некоторые буквально чувствуют спиной. Зато во лбу над переносицей, там, где очень важная железа гипофиз, есть якобы потайной третий глаз, который может увидеть всё на свете. Только не у каждого он открывается.

Ну, ещё думают, что правый глаз чешется к радости, а левый - к слезам.

В общем-то, наш глаз напоминает круглый стеклянный шарик, именуемый глазным яблоком. Через зрачок, отверстие в радужной оболочке, лучи света попадают внутрь глаза, преломляются и сходятся на сетчатке, где возникает изображение видимого предмета, которое

зрительные нервы передают в мозг. Вокруг глаза, помимо нервов, связанных с мозгом, находятся мышцы. Их тоже надо развивать, тренируя. От этого не только зрение улучшится, но и работа мозга. А может и третий глаз открыться. Впрочем, до этого нам ещё далеко.

В давние времена оба глаза называли очами, а один - оком. До сих пор в испанском, например, языке глаз - это "охо". Так что недаром глазной врач - окулист, глаза дома - окна и на носу - очки.

И у зрачка раньше было другое имя - зеница. Теперь, кажется, понятны слова "береги, как зеницу ока". Сейчас бы сказали проще - как зрачок глаза.

Вообще, как только ни обзывают бедные глаза: глядела, зенки, шары, буркала, баньки. Вряд ли какие-то буркала смогут разглядеть что-нибудь приличное.

Есть хорошее слово "лазотешный". То есть приятный глазу. Вот как раз упражнения атлантов очень лазотешны! Они сделают вас лазастыми, зоркими, видящими хорошо без всяких подсобных орудий, вроде очков. С лаз их долой, из сердца вон, эти очки! Чтобы навсегда забыть выражение "лаза, как плоски, а не видят не крошки".

Лаз связан со временем. Недаром атланты мерили время миганиями. А прикрывается лаз веком, то есть сотней лет. Именно столько, не меньше, должна длиться здоровая жизнь человека - это чуть больше трёх миллиардов мигнов. Они так быстро пролетают! Глупо тратить драгоценные миги на всякую чепуху вроде болезней. Куда лучше выполнить упражнения атлантов и быть счастливым и здоровым - сто лет или больше.

Представьте, что вы в бесконечном поле. Знаете, лес ушаст, а поле лазасто? Иначе говоря, в лесу хорошо слышно, а в поле всё видно, от края до края. Попробуйте теперь, не двигая головой, определять расстояния на лаз, от одного лугового василька до другого, от клевера до ромашки. То устремляйте взор далеко-далеко, то возвращайте назад, то влево, то вправо, развивая лазомер.

Вы видите листики и лепестки, бабочек и пчёл на цветах и муравья, бегущего по травинке. Столько жизни в этом прекрасном мире! Всякий миг её чудесен!

В таком замечательном настроении и начинайте упражнения для лаз, посылая им любовь и благодарность за каждое движение. Остаёмся один на один со своими лазами. Как говорится, с лаз на лаз.

Каждое из этих упражнений имеет две ступени - с открытыми лазами и с закрытыми. Обязательно выполняйте их хотя бы один раз в день, затратив всего-то десять минут, или шестьсот мигнов.

Упражнение № 1: голова прямо, не запрокинута, а взгляд направлен к небу. Продолжим движение лаз вверх, будто вам очень интересно заглянуть под лоб, туда, где должен быть третий лаз.

Затем лаз направляются вниз, и вы продолжаете мысленно их движение, словно заглядывая в ямку под горлом, где находится щитовидная железа.

Упражнение № 2: смотрим вправо, стараясь разглядеть цветочек за ухом. Всё внимание вместе с лазами уходит вправо и дальше к затылку.

Точно так же смотрим влево, есть ли цветочек и за другим ухом. Только помните, что ни в коем случае нельзя перенапрягаться.

Лазам после труда нужен отдых. Поэтому обязательно выполняйте расслабляющие упражнения, которые вы найдёте на следующей странице.

Упражнение № 3: голова, как и раньше, неподвижна, а лаз двигаются по большому кругу.

Представьте золотой циферблат. Этот цвет помогает восстанавливать зрение. Медленно перемещайте взгляд, отмечая каждую цифру, по часовой стрелке и затем - против. Круг должен получаться ровным, как по циркулю, и раз за разом увеличиваться.

Упражнение № 4: голова совершенно неподвижна.

Представьте, что у вас перед лицом большой квадрат, вроде бильярдного стола, у которого по углам лузы. И вот вы должны загнать лазами шары в эти лузы.

Сначала взгляд устремляем в верхний левый угол, затем в нижний левый. Оттуда в верхний правый угол и, наконец, в нижний правый. Шаров ещё много осталось. Гоним один в

нижний левый угол. Другой - в верхний левый угол. Третий - в нижний правый угол. И последний - в верхний правый.

Движения плавные, не прерывистые. После чего расслабляем глаза, легко и часто мигая ими, как это делали атланты из племени моргаев. Не надо щуриться и выпучивать глаза - это создаёт вредное излишнее напряжение.

Упражнение № 5: теперь вообразите полотно железной дороги в виде лежащей на боку восьмёрки, по которой паровоз тянет вагоны.

Проследите глазами весь его путь - через речки, поля, рощи. Несколько раз, от одной станции до другой. В одну сторону, а затем обратно.

И дайте глазам отдых, поморгайте, создавая такое ощущение, будто смотрите на мелькающие деревья за окном вагона.

Упражнение № 6: его надо выполнять в спокойной обстановке, чтобы никто вас вдруг не напугал.

Посмотрите обоими глазами на кончик носа. Или же на указательный палец, приближая его к носу так, чтобы глаза постепенно сходились.

Когда закончите этот манёвр, рассеянно поглядите вперёд, отдыхая. Причём внимание разбегается по сторонам.

Затем сводим глаза к переносице, и снова - рассеянный взгляд вперёд. Потом к точке между бровями и "отпускаем погулять" впереди.

Движения глаз плавные и спокойные. Вы любуетесь носом. Очень приятно разглядеть его как следует - от кончика до бровей и обратно. Это упражнение, развивая косые мышцы глаз, помогает избавиться от близорукости. И раз за разом, от упражнения к упражнению, вы становитесь зорче, и взгляд острее, яснее, и на душе радость и восторг, потому что глаза послушны и видят так, как вы желаете!

Но не забывайте давать им отдых - перенапряжение только ухудшает зрение. Обязательно выделите не менее десяти минут в день специальным расслабляющим занятиям. Хотя чем чаще выполнять их, тем лучше для глаз.

Легко и свободно, как порхающий мотылёк крыльями, поморгайте глазами. Им помогут расслабиться ваши руки. Помните, как на испанском языке звучит "кисть" руки?

Пальма! Значит, сейчас мы займёмся пальмингом

Разогрейте ладони, потерев одну о другую. К ним сразу приливает кровь, а вместе с ней и жизненные силы. А если опустить ладони к солнечному сплетению, где находится целый пучок нервных узлов, то они получают ещё больший заряд энергии, то есть деятельного могущества, которое передадут глазам.

Плотно сложите пальцы и ладони чашечкой, будто собираетесь умыться из одной горсти. Поднесите к лицу и положите скрещенные пальцы на лоб так, чтобы основания мизинцев прились на переносицу.

Глаза должны оказаться в полной темноте, но не касаться ресницами ладоней. Теперь закройте глаза.

Энергия, накопленная в ладонях, пошла прямо в глазные яблоки.

Почувствуйте её тепло. Расслабьте веки, лицо и мышцы всего тела. Впитывайте жизненные силы глазами, ни о чём не думая, как растение под солнечным дождём. Рассматривайте просто темноту или лучше то, что воображение создало перед глазами. Вы видите всё чётко и ясно, вдали и вблизи, словно только что промытое дождём.

Представьте каменную плиту атлантов с закорючками, каждая из которых проступает отчётливо и становится знакомой буквой. Можно прочитать самое крохотное словечко, размером с муравья, - в-и-ж-у!

Обратите внимание на пупок, создавая ощущение полного покоя и блаженной неги. О, как прекрасна жизнь! Как чудесны глаза, которые так великолепно всё видят!

Им по силам разглядеть даже каждый орган внутри вашего тела. Вот, например, с правой стороны под рёбрами - печень, через которую за одну минуту проходит полтора литра крови. С нею печень направляет всему организму необходимые ему вещества. Пошлите этой труженице волну любви и нежности - от всей души, от всего сердца, как это делал Шухлик, исцеляя копыто. Заметьте, что печень признательно улыбается в ответ.

Затем переведите взгляд на почки, которые располагаются сзади над тазом, повыше поясницы. Эти близнецы очищают кровь, выводя из организма вредные для него вещества. Поблагодарите их и пожелайте им здоровья! Благожелательное участие всем только на пользу!

Опустите руки, но глаза не открывайте. Полный покой во всём теле. Ощутите лёгкое дуновение ветерка, который чуть-чуть покачивает вас, будто вы одуванчик в утреннем цветущем саду Шифо.

Поодаль лепечет родник и меж деревьями гуляет целая компания - мама-ослица, крылатая Ок-Тава, джинн Малай и сам Шухлик. Над ними позванивает кроной платан. А выше только восемь радуг в золотом небе, на каждого по две, и солнце, на всех одно!

Спокойно откройте глаза. Не распахивайте их, как форточки!

В глазах, как и во всём теле, сохранилось солнечное золотое тепло. Поглядев в зеркало, сможете вдруг различить лёгкое свечение вокруг своего отражения. Это жизненные силы, которые прибывают, когда вы испытываете радость огромной секунды жизни, когда с вами Ок-Тава. Сохраняйте это чувство изо дня в день и будете видеть всё лучше и лучше.

Посмотрите на свою ладонь. Она вся в ореоле, как пальмовый лист, освещенный солнцем. Такое ощущение, что каждый палец, будто свеча, лучится тёплым светом.

Разотрите ладони, усилив этот свет. Указательный и средний пальцы обеих рук приблизьте вплотную к закрытым глазам, но не касайтесь их. Свет и тепло из пальцев, словно из пипеток, перетекают в зрачок, целиком заполняя глазное яблоко.

Голова прямо. Локти разведите в стороны. Согнув большие пальцы, подносим их фалангами к векам, вновь наполняя глаза энергией и здоровьем.

Всё тело, от макушки до пяток, приосанилось и улыбается счастливо. Наконец вы уделили ему внимание! И оно обязательно отзовется всеми органами, обещая лучше видеть, слышать, обонять, осязать и чувствовать каждой клеточкой.

Удобнее всего проверить это обещание, глядя на тыльную сторону каменной плиты атлантов, где есть послание тем, кто поставил цель, победил лень и занялся собой, чтобы смогли исполниться все заветные желания.

Однако послание атлантов лишь подсобное средство. Оно определяет, насколько верен ваш путь, умеете ли вы переживать огромную секунду счастья и созидать ощущение Ок-Тавы, без чего все упражнения - пустая трата времени.

Вспомните обязательно лесенку-стремянку, по которой поднимался Шухлик.

Необходима улыбка всего тела, утверждение веры в свои силы и радостный душевный настрой! Когда всё это придёт к вам, взгляните мельком, будто бы случайно, на послание атлантов и непременно различите те буквы, которые ещё минуту назад скрывались от вас, словно растворяясь в тумане.

Вижу

Прекрасно!

Воскликнешь

И тогда, открыв глаза,

Найди в своей душе свет и любовь

Темно и жутко, как в саду Ворона?

Но какая от них польза, если в душе

У некоторых больше денег, чем миггов жизни!

А жизнь наша всего-то три миллиарда миггов!

Ах, до чего интересен мир вокруг нас!

Работая с посланием атлантов, надо знать некоторые премудрости.

При дальнорукости держать послание на расстоянии 15-20 сантиметров от глаз.

При близорукости - в вытянутой руке.

Если один глаз видит плохо, а другой хорошо, то временно подарите здоровому глазу пиратскую повязку или просто прикройте его ладонью.

Начните читать послание атлантов с нижней самой крупной строчки и, дойдя до той, выше которой всё в тумане, остановитесь. Это ваша рабочая строка.

Итак, корректируя, то есть исправляя зрение, совершим по ней три путешествия, каждое из которых продлится полторы минуты - или три раза по тридцать миггов.

Позвольте своим глазам спокойно скользить по строке в течение тридцати секунд - слева направо и справа налево. Не следите за буквами в строчке.

Всё внимание сосредоточьте на внутреннем состоянии, на чувстве радости, на уверенности, что вот сейчас, сей миг строчка проступит отчётливей!

Уже в первом путешествии вы непременно заметите проблески - зрение пошло в сторону улучшения. И обратной дороги нет! Только вперед! Не галопом, конечно, а размеренной поступью, потому что путь не близкий. Но вы твёрдо знаете, что достигнете цели.

Легко поморгайте глазами, давая им отдых, и ещё тридцать мигов похода из конца в конец строки.

Зрение начинает откликаться, точно аукается с вами в лесу. И буквы играют в прятки - то выглядывают, то скрываются во мгле.

Наконец, последние тридцать мигов странствия по строке, после чего обязательно выполните расслабляющий пальминг.

Затем второе путешествие - три раза по тридцать мигов. И снова отдых для глаз перед завершающим походом. Тридцать мигов по строке гуляет один глаз. Следующие тридцать - другой. И после расслабляющих занятий глаза прогуливаются вместе. Только не прищуривайте их и не тарачьте! Пускай разгуливают без напряжения. Почувствуйте, как утренний ветерок уносит остатки тумана из ваших глаз.

Нырните с головой в огромную секунду счастья и улыбайтесь всем телом! Постепенно, если не оставите усилий и ещё более воспрянете духом, буквы выйдут строем на светлую лужайку, предстанут во всей красе.

Теперь достаточно поддерживать расположение духа на этом уровне десять минут, чтобы хорошенько его запомнить, и в будущем вызывать по желанию, как джинна из горшочка.

Когда строка совершенно прояснится, перейдите выше. Но не спешите! Поработайте на одной строке послания два или три дня, закрепляя результат. Представьте, что вы взбираетесь в гору, вершина которой теряется в заоблачной выси. Тут нельзя суетиться. Расположитесь лагерем на своей рабочей строке, как на солнечной полянке, где интересно оглядеться. И только рассмотрев всё в подробностях, продолжайте подъём.

Зрение восстанавливается у всех по-разному - у кого быстрее, у кого медленней. Но обычно за улучшением следует короткое ухудшение, будто бы кучевые облака прикрывают солнце. Не пугайтесь! Безоблачное время постепенно увеличится, и мир вокруг, как в прозрачном горном воздухе, будет становиться всё отчётливее и яснее.

Главное, сохранять в душе счастливое солнечное состояние, иначе говоря, волшебный цветущий сад, который обязательно принесёт плоды! А механическое выполнение упражнений бесплодно.

Вы должны быть уверены, что будете видеть очень хорошо, превосходно! Как орёл, парящий в поднебесье!

Радостные эмоции, приподнятое настроение - вот что даёт положительный результат и восстанавливает зрение!

Путешествуйте по строкам послания атлантов два раза в день. Но перед этим не забудьте все девять упражнений для глазных мышц и расслабляющий пальминг.

Как можно больше смотрите на живую зелень - на траву, на деревья. Зелёный цвет, как и золотой, целебен для глаз.

Теперь будем приспособливать глаза к ясному видению. Это упражнение можно делать стоя или сидя у окна.

Наклейте на стекло чуть ниже уровня глаз маленькую марку или картинку размером три на три сантиметра или четыре на четыре. Рисунок должен быть чётким и весёлым, в зелёных тонах. На расстоянии 20- 25 сантиметров от лица.

За окном найдите какую-нибудь цель, очертания которой расплывчаты, то есть она так далеко, что видна смутно. Например, дерево или зелёный автомобиль.

Пять секунд рассматривайте картинку, а затем переведите взгляд вдаль, поверх картинки, и столько же времени разглядывайте выбранную цель. И снова плавно возвращайте взгляд на картинку. Никакого напряжения, а только радостное ощущение огромной секунды

жизни в течение шестисот мигов! Это упражнение надо выполнять дважды в светлое время дня, но промежуток между подходами должен быть не менее двух часов.

И наконец, попробуем дышать глазами!

Казалось бы, кому это по силам? Да не так уж и сложно! Только представьте, как глаза ваши хотят самостоятельно подышать!

Сядьте на стул. Спина прямая, руки на коленях, и тело расслаблено. В душе полный покой и умиротворение. Дышим носом. Заметьте, что при вдохе носу чуть прохладнее, а при выдохе - теплее. Если поднести к носу ладонь, она тоже почувствует прохладу и тепло. Вот эту небольшую разницу в температуре надо научиться улавливать глазами.

Дышите носом, но всё внимание сосредоточьте на глазах, ощущая ими лёгкое дуновение свежего ветерка и касание тёплой пронизанной солнцем волны, смену прохлады и тепла, будто подводных течений в море.

Удивительно, но ваши глаза могут, оказывается, не только бегать и прыгать, как атлеты, не только путешествовать и подниматься в горы, как альпинисты, но летать и нырять, словно морские птицы.

При каждом вдохе взгляд всё яснее - отчётливо виден белый песок на морском дне, камни, поросшие водорослями, и ракушки, между которыми плавают рыбки, отблескивая разноцветными боками.

И с каждым выдохом уходят из глаз пелена, усталость и напряжение, точно вы сдуваете пыль со стекла.

Ощущение прохлады на вдохе дарит глазам здоровье, а тепло при выдохе уносит из глаз всё, что мешает хорошо видеть.

Дышите глазами сколько угодно и где угодно! Главное, явственно вообразить, как они испытывают прохладу и тепло.

Кстати, атланты умели дышать не только глазами. Чтобы удвоить жизненные силы, древние атланты дышали щитовидной железой, солнечным сплетением, ладонями и стопами.

Послушайте, как звучит - щитовидная железа, солнечное сплетение! Будто речь идёт о рыцарских доспехах. Или, скорее, о земной поверхности и космосе.

Ведь слово ладонь берёт начало от слов "дол", "долина". Длань - так раньше называли внутреннюю сторону кисти.

Если забыть на время о земле и космосе, то щитовидная железа находится внизу шеи над ямкой. Она регулирует рост и развитие организма, вырабатывая и выделяя в кровь особые вещества - секреты.

Солнечное сплетение - это пучок расходящихся лучами нервов, который помещается между грудью и

животом, там, где рёбра сближаются.

А на ладонях и стопах располагается множество животворных, бодрящих точек, связанных со всем организмом.

Теперь, дыша носом, перенесите внимание на щитовидную железу, вниз шеи - ощутите там прохладу и тепло. Вдох - свежий лёгкий ветерок, целительный и оживляющий! Выдох - тёплые солнечные лучи, изгоняющие недуги!

Если так же подышать солнечным сплетением, ладонями и стопами, направляя им с каждым вдохом любовь и благодарность, а с каждым выдохом уверенность в здоровье, то они передадут это послание всем клеточкам организма, которые признательно споют гимн древней Атлантиды.

А почему бы и нет? Ведь и сам человек, и окружающий его мир, да и вся Вселенная состоят из мельчайших частичек - атомов. Атлантида давным-давно затонула и разрушилась, но её атомы, вполне вероятно, есть и в наших телах. Мы - одно целое с Землёй и с космосом. Поэтому, когда атомы нашего тела распадутся, мы всё равно останемся жить в этом огромном и прекрасном мире. Будьте уверены!